

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук

На правах рукописи

АЙВАЗЯН АННА СТЕПАНОВНА

**ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СТРАНАХ ЮЖНОГО
КАВКАЗА: ФАКТОР НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ**

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных
отношений, глобального и регионального развития

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук
О.Ю. Потемкина

Москва
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	2
Глава 1. Концептуализация роли ЕС в качестве нормативной силы.....	23
1.1. Нормативный компонент внешней политики ЕС	23
1.2. Теоретические основания исследования	43
Глава 2. Политические форматы сотрудничества ЕС и стран Южного Кавказа.....	50
2.1. Значение Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и пересмотра Европейской политики соседства ЕС для стран-партнеров	50
2.2. Россия и ЕС в регионе Южного Кавказа	65
2.3. Взаимодействие ЕС со странами Южного Кавказа: от единообразного подхода к дифференциации	82
Глава 3. Влияние фактора нормативной силы на взаимоотношения ЕС и стран Южного Кавказа	112
3.1. Роль ЕС в продвижении демократических реформ в странах Южного Кавказа.....	112
3.2. Нормативная сила ЕС и рост благосостояния граждан	132
3.3. Фактор нормативной силы в сфере региональной безопасности	150
Заключение	170
Список литературы	181

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Современные государства и интеграционные группировки в своей внешней политике руководствуются ценностными ориентирами и интересами, отдавая приоритет тому или иному представлению об устройстве глобального мира. Внешнюю политику Европейского союза по отношению к странам-соседям отличает особое внимание к нормам международного порядка, основанного на декларируемом ЕС представлении о либеральном мироустройстве, демократической политической модели и открытом рынке. Основываясь на особых европейских ценностях, Европейский союз стремится укрепить свое влияние, предложив другим государствам эффективную модель политического устройства. В учредительных документах ЕС нормы демократии, верховенства закона, уважения прав человека неразрывно связаны с принципами либерализации торговли, мирного решения конфликтов. Указанные ценности в представлении европейских политиков служат основой для роста благосостояния граждан самого ЕС и могут быть распространены на другие страны, способствуя общей стабильности так называемого пространства соседства. Основу сотрудничества ЕС со странами Южного Кавказа, наряду с внешнеполитическими интересами государств, составляет именно этот нормативный базис. Однако тенденции развития Армении, Грузии, Азербайджана в последние десятилетия противоречивы: несмотря на успех некоторых реформ, проведенных при поддержке ЕС, Южный Кавказ – один из наиболее нестабильных регионов в мире.

Страны с переходной экономикой в поиске долгосрочных партнерств с крупными игроками формируют запрос на успешные практики государственного строительства, модели политического и социального устройства. Вопрос о том, завершился ли переходный период для стран постсоветского пространства, пока не имеет ответа: политические режимы в

них уязвимы, а властные элиты все еще находятся в постоянном поиске основ государственности. Страны Южного Кавказа в особенности подвержены риску высокого конфликтного потенциала и возобновления военных действий на территориях непризнанных государств. В этих обстоятельствах перед политическими элитами Азербайджана, Армении и Грузии встает вопрос сохранения внешней безопасности в условиях внутривластной нестабильности.

Далеко не все политические элиты готовы принять европейскую модель как образец эффективного государственного устройства, а политические и экономические связи с ЕС как единственно приоритетные. Будучи объединены схожими стартовыми условиями, географической принадлежностью к одному региону, исторически сильной связью с Россией, все три страны Южного Кавказа следуют разным траекториям развития взаимоотношений с ЕС.

Изучение нормативного влияния ЕС в разных сферах взаимоотношений с каждой из стран региона представляет интерес в силу нескольких причин. Определение факторов, влияющих на успех внешнеполитического сотрудничества и запускающих процесс изменений, представляет значимость не только в рамках изучения внешней политики ЕС, но и в контексте интеграционных инициатив, в том числе предложенных странам региона со стороны Российской Федерации: межведомственных программ, политики содействия развитию, гуманитарной политики и других аспектов межгосударственных взаимоотношений. Перечисленные направления сотрудничества служат цели обеспечения национальных интересов государств и являются частью внешней политики региональных акторов.

Политика Российской Федерации в странах Южного Кавказа опирается на представление о регионе как об исторически, политически и культурно близком сообществе стран. Внешнеполитический инструментарий РФ ориентирован на взаимовыгодные прагматичные отношения между

странами. Между тем Россия, как и другие глобальные акторы, стремится оказывать влияние на развитие постсоветского пространства.

Исследование дает возможность изучить политические трансформации, происходящие в странах постсоветского пространства, которые влияют на цели и задачи построения государственности, формулируемые национальными политическими элитами. Исходя из этого, автор рассматривает южнокавказский регион как сообщество стран, которые взаимодействуют с Европейским союзом наряду с другими глобальными и региональными акторами, выстраивая свою внешнюю политику во взаимосвязи с внутривнутриполитическим процессом и общественным запросом на изменения.

Степень научной разработанности проблемы

В настоящий момент существует обширная база исследований, посвященных различным проблемам развития стран южнокавказского региона. Формируется отдельная отрасль науки – кавказоведение, изучающая в том числе вопросы современной политической истории Армении, Грузии и Азербайджана.

Диссертация опирается на работы российских и зарубежных политологов, историков и других исследователей по вопросам европейской интеграции, изучения стран постсоветского пространства, внешней политики ЕС и ее восточного направления.

Важную роль в выборе теоретических оснований исследования сыграли публикации, посвященные осмыслению внешней политики ЕС, в особенности работы о концепции нормативной силы ЕС, которые автор адаптировала в собственном исследовательском подходе. Прежде всего, это исследования Я. Мэннерса¹, М. Пейса², Т. Дица³. Ценность для диссертации

¹ Manners I. Assessing the Decennial, Reassessing the Global: Understanding European Union Normative Power in Global Politics / I. Manners // Cooperation and Conflict. – 2013. – Vol. 48. – No 2. – P. 304-329; Manners I. The Normative Ethics of the European Union / I. Manners // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). – 2008. – Vol. 84. – No 1. – P. 45-60; Manners I. Normative power Europe: A Contradiction in Terms? / I. Manners // Journal of Common Market Studies. – 2002. – Vol. 40. – No 2. – P. 235-258.

представляют работы Т.А. Романовой, Е.Б. Павловой, А.С. Макарычева и А.А. Сергунина, выдвинувших ряд аргументов в поддержку понимания нормативной силы ЕС как дискурсивной практики⁴ и критически рассмотревших вопрос постколониального подхода ЕС во внешней политике⁵, особенностей применяемой ЕС парадигмы международных отношений⁶, а также публикации российских и зарубежных исследовательских центров, анализирующих теоретические подходы к внешней политике ЕС. Среди них: издания Института Европы РАН, посвященные глобальной роли ЕС⁷, идея большой Европы⁸; серия публикаций Брюссельского свободного университета о внешней политике ЕС сквозь призму дискурс-анализа⁹, о ЕС как акторе и дипломатической силе¹⁰; работы исследовательских коллективов, посвященные Политике соседства ЕС¹¹. Отдельно хотелось бы отметить работы М.В. Стрежневой, посвященные систематизации теоретических подходов к европейской интеграции¹², публикации Е.С. Громогласовой, проанализировавшей

² Pace M. The Construction of EU Normative Power / M. Pace // *JCMS*. – 2007. – Vol. 45. – No 5. – P. 1041-1064; Diez T. Normative Power Europe and Conflict Transformation/ T. Diez, M. Pace. // *Normative Power Europe. Palgrave Studies in European Union Politics*. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 210-225.

³ Diez T. Setting the Limits: Discourse and EU Foreign Policy / T. Diez // *Cooperation and Conflict*. – 2014. – Vol. 49. – No 3. – P. 319-333; Diez T. Normative Power as Hegemony / T. Diez // *Cooperation and Conflict*. – 2013. – Vol. 48. – No 2. – P. 194-210.

⁴ Павлова Е.Б. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС / Е.Б. Павлова, Т.А. Романова // *Полис. Политические исследования*. 2017. №1. С. 162-176.

⁵ Павлова Е.Б. «Постколониальный подход» во внешней политике Европейского союза (на примере отношений с Российской Федерацией) / Е.Б. Павлова, Т.А. Романова // *Современная Европа*. – 2018. – №6 – С. 82-92.

⁶ Sergunin A. The EU, Russia and Models of International Society in a Wider Europe / A. Sergunin, A. Makarychev // *Journal of Contemporary European Research*. – 2013. – No. 9 (2). – P. 313-329; Sergunin A. The EU -Russia Common Space on External Security: Prospects for Cooperation / A. Sergunin. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University, 2011. – 162 p.

⁷ *Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность* / под ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. – М.: Весь Мир, 2015. – 592 с.

⁸ *Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы* / под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. – М.: Весь Мир, 2014. – 704 с.

⁹ Carta. C. (ed.) *EU Foreign Policy through the Lens of Discourse Analysis. Making Sense of Diversity*/ C. Carta. J.-F. Morin (ed.). – Dorchester: Dorset Press, 2014. – 272 p.

¹⁰ Telo N. (ed.) *The EU's Foreign Policy. What Kind of Power and Diplomatic Action?* / N. Telo, F. Ponjaert (ed.). – Dorchester: Dorset Press, 2013. – 248 p.

¹¹ Mahncke D. Europe's Near Abroad. Promises and Prospects of the EU's Neighbourhood Policy / D. Mahncke, S. Gstohl (eds.). – Brussels: Peter Lang, 2008. – 320 p.; Axyonova V. The European Union as a Transformative Power, a Donor or a Security Provider?: The View from the Eastern Partnership Countries / Axyonova V., Gerasymchuk S., Kakachia K., Rosca A. // *European Foreign Affairs Review*. 2018. – No 23. – Is. 1. – P. 23-40.

¹² Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции / М.В. Стрежнева // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. – 2009. – No 1. – С. 28-45.

теоретические концепции о влиянии интеграции на институциональную трансформацию национальных государств¹³. Однако, несмотря на то, что множество авторов посвящают свои работы теоретическому осмыслению ЕС как актора, в академической литературе все еще немногочисленны исследования, которые связали бы эти рассуждения с реализацией внешней политики ЕС в конкретных странах, в особенности в странах Южного Кавказа.

В основном исследования отношений ЕС со странами региона сосредоточены на процессе реализации соглашений либо отдельных сферах взаимодействия Армении, Грузии или Азербайджана с ЕС. Это, например, работы А. Пол¹⁴, исследования К. Какачия, Б. Леванидзе и В. Дубовик¹⁵, Г. Нодиа¹⁶, Г. Костаняна и Р. Гирагосяна¹⁷, Г. Мерабишвили¹⁸, Е. Нуриева¹⁹, Л. Делкур и К. Волчук²⁰, А.А. Сергунина²¹ и О.В. Арутюнян²² и других. Существует пробел в исследованиях взаимосвязи интеграционных процессов с внутривнутриполитическими изменениями в странах. Недостаточно внимания уделено факторам, которые влияют на успех тех или иных политических партнерств, а также мотивацию стран к участию в них.

¹³ Громогласова Е.С. Концепция европеизации в зарубежной политологии / Е.С. Громогласова // Вестник МГУ. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – No 4. – С. 27-43.

¹⁴ Paul A. The EU in the South Caucasus and the Impact of the Russia-Ukraine War / A. Paul // The International Spectator. – 2015. – No 50:3. – P. 30-42.

¹⁵ Kakachia K. Defying Marginality: Explaining Ukraine's and Georgia's Drive towards Europe / K. Kakachia, B. Lebanidze, V. Dubovyk // Journal of Contemporary European Studies. – 2019. – No 27:4. – P. 451-462.

¹⁶ Gamkrelidze T. EU Integration: A View from Georgia: Interview with Ghia Nodia // T. Gamkrelidze // EUCACIS in Brief. – 2018. – No 4. – 6 p.

¹⁷ Kostanyan H. EU-Armenian Relations: Charting a Fresh Course // H. Kostanyan, R. Giragosyan // CEPS Research Report. – 2017. – No 14. – 32 p.

¹⁸ Merabishvili G. The EU and Azerbaijan: Game on for a more Normative Policy? // G. Merabishvili // CEPS Policy Brief. – 2015. – No 329. – 9 p.

¹⁹ Nuryiev E. Russia, the EU and the South Caucasus: Forging an Efficient Over-Arching Cooperative Regional Security Scheme / E. Nuryiev // Connections. – 2015. – Vol. 14, No 2. – P. 51-64.

²⁰ Delcour L. The EU's Unexpected "Ideal Neighbour"? The Perplexing Case of Armenia's Europeanisation // L. Delcour, K. Wolczuk // Journal of European Integration. – 2015. – No 37(4). – P. 491-507; Ademmer E. Beyond Geopolitics: Exploring the Impact of the EU and Russia in the "Contested Neighborhood" // E. Ademmer, L. Delcour, K. Wolczuk // Eurasian Geography and Economics. – 2016. – 57:1. – P. 1-18.

²¹ Арутюнян О.В. Армяно-европейские отношения в контексте «Восточного партнерства» ЕС / А.А. Сергунина, О.В. Арутюнян // Вестник СПбГУ. – 2012. – Сер. 6. – Вып. 2. – С. 115-120;

²² Арутюнян О.В. Отношения ЕС-Армения в контексте программы «Восточное партнерство»: дис. ... канд. пол. наук : 23.00.04 / Арутюнян Оксана Вагифовна ; науч. рук. Сергунина А.А. ; СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2018. – 287 с.

Вопросы формирования институтов как правил и норм, которым подчинено общественное и политическое устройство, в процессе европейской интеграции наиболее изучены в странах – членах ЕС, и в значительно меньшей степени – в странах-соседях. Так, К. Радаелли внес вклад в понимание европеизации как процесса конструирования, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур, парадигм, стилей, норм и представлений внутри ЕС²³. Для диссертанта особый интерес в этой связи представляли работы, опирающиеся на концепцию европеизации и распространившие ее на изучение политических процессов в странах-соседях ЕС. Так, К. Шиммельфеннинг посвятил свои публикации принципу политической обусловленности, применяемому во взаимодействии ЕС со странами-соседями²⁴, и процессам европеизации за пределами стран – членов Европейского союза²⁵. Среди российских авторов тема политической обусловленности раскрывается в работах А.А. Стрелкова²⁶, Н.Ю. Кавешникова²⁷, О.Ю. Потемкиной²⁸, Л.О. Бабыниной²⁹.

Отдельно хотелось бы упомянуть корпус работ, касающихся внешнего восприятия ЕС в странах-партнерах. Именно это научное направление позволяет обратить внимание на динамику политических процессов внутри

²³ Radaelli C. The Europeanization of Public Policies: Introduction / S. Saurugger, C. Radaelli // *Journal of Comparative Policy Analysis*. – 2008. – No 10:3. – P. 213-219.

²⁴ Schimmelfennig F., EU Democracy Promotion in the European Neighbourhood Political Conditionality, Economic Development and Transnational Exchange / H. Scholtz, F. Schimmelfennig // *European Union Politics*. – 2008. – Vol. 9 (2). – P. 187-215.

²⁵ Schimmelfennig F. Europeanisation beyond the Member States / F. Schimmelfennig // *Journal for Comparative Government and European Policy*. – Vol. 8. – No 3. – 2010. – P. 319-339.

²⁶ Стрелков А.А. Европейская политика соседства: непоследовательное движение к цели / А.А. Стрелков // *Современная Европа*. – 2009. – No 3. – С. 119-126; Стрелков А.А. Применение Европейским союзом политической обусловленности в рамках Европейской политики соседства / А.А. Стрелков // *Известия АлтГУ*. – 2008. – No 4-5. – С. 277-281.

²⁷ Кавешников Н.Ю. Четыре сценария европейской интеграции // Н.Ю. Кавешников. – Москва: Российский совет по международным делам: 2016. – 10 с.; Кавешников Н.Ю. Становление европейского внешнеполитического сотрудничества // Н.Ю. Кавешников, Ю.А. Матвеевский // *Европейский союз: история, институты, политика*. – М.: Аспект пресс, 2017. – С. 131-138.

²⁸ Potemkina O. European Union - Eurasian Economic Union: Potential for Cooperation / O. Potemkina // «The EU – Russia: the Way out or the Way down?». – Moscow, Institute of Europe – Egmont. Royal Institute for International Relations. – 2018. – P. 40-46.

²⁹ Бабынина Л.О. Деевропеизация или демонтаж: как будут строиться отношения ЕС и Великобритании / Л.О. Бабынина // *Современная Европа*. – 2020. – №3. – С. 5-15; Бабынина Л.О. Проблема привлекательности современной модели развития ЕС для «стран-евроскептиков» / Л.О. Бабынина // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. – 2013. – №3. – С. 49-68.

самих стран региона и запрос со стороны обществ этих государств. Среди них публикации Н. Чабан³⁰, совместные публикации автора и И.Е. Петровой³¹ и других исследователей, работающих в этом направлении³². Работы по этой тематике представляются перспективными в контексте формирования повестки интеграционных проектов, учитывая, что направление только начинает развиваться.

Раздел диссертации, посвященный сотрудничеству Армении, Грузии и Азербайджана с ЕС в сфере демократических реформ дополняет публикации авторов, рассуждающих о восточном направлении внешней политики ЕС³³, либеральном порядке мира³⁴, распространении идей демократии в посткоммунистических странах³⁵, роли гражданского общества в южнокавказских государствах³⁶; особенностях распределения власти в странах Южного Кавказа³⁷; о продвижении демократии в регионах с высоким конфликтным потенциалом³⁸. В академической литературе недостаточно

³⁰ Chaban N. Images of the EU beyond its Borders: Issue-Specific and Regional Perceptions of European Union Power and Leadership / N. Chaban, O. Elgstrom, S. Kelly, L. Suet L. // JCMS. – 2013. – Vol. 51. – No 3. – P. 433-451; Chaban N. A Perceptual Approach to EU Public Diplomacy: Investigating Collaborative Diplomacy in EU-Ukraine Relations / N. Chaban, O. Elgström // The Hague Journal of Diplomacy. – 2020. – No 15(4). – P. 488-516.

³¹ Айвазян А.С. Нормативная сила ЕС в Армении: факторы восприятия // А.С. Айвазян, И.В. Петрова // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62. – No 4. – С. 91-102; А. Айвазян. Perceptions of the EU's Power in the Eastern Partnership Region: The case of Armenia / I. Petrova, A. Ayvazyan // *European Foreign Affairs Review*. – 2018. – Vol. 23. – P. 61-78.

³² Kakachia K. Identity politics: Exploring Georgian foreign policy behavior // K. Kakachia, S. Minesashvili // *Journal of Eurasian Studies*. – 2015. – P. 1-10; Сихарулидзе А.Т. Грузия за пределами «радикальной европеизации»: нераскрытые направления внешней политики / А.Т. Сихарулидзе // *Международная аналитика*. – 2020. – No 11(2). – С. 91-108.

³³ Сергунин А. А. «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в восточной Европе / А.А. Сергунин // *Вестник ВГУ*. – 2010. – No 1. – С. 205-210; Арутюнян О.В. Восточное партнерство ЕС: второе дыхание / О.В. Арутюнян, А.А. Сергунин // *Обозреватель – Observer*. – 2012. – No 1. – С. 90-97.

³⁴ Неймарк М. Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза // М. Неймарк // *Современная Европа*. – 2018. – No 1. – С. 26-35; Громыко А. Метаморфозы политического неолиберализма / А. Громыко // *Современная Европа*. – 2020. – No 2. – С. 6-19; Кортунув А.В. Международные отношения: рациональный мировой порядок?: рабочая тетр. No 34/20 / А.В. Кортунув, И.Н. Тимофеев, В.В. Сутырин, И.А. Иванов, А.П. Цветов. – М.: НП РСМД, 2016. – 40 с.

³⁵ Крастев И. Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию // И. Крастев. – Москва: Альпина Паблишер, 2020. – 354 с.; Carothers T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // *Journal of Democracy*. – 2002. – No 1. – P. 5-21.

³⁶ Aliyev H. Civil society in the South Caucasus: Kinship Networks as Obstacles to Civil Participation / H. Alyiev // *Southeast European and Black Sea Studies*. – 2014. – No 14:2. – P. 263-282; Aliyev H. Informal Networks as Sources of Human (In)Security in the South Caucasus / H. Aliyev // *Global Change, Peace & Security*. – 2015. – No 27:2. – P. 191-206.

³⁷ Polese A. Introduction: Informality and Power in the South Caucasus / A. Polese, L. Rekhviashvili // *Caucasus Survey*. – 2017. – No 5:1. – P. 1-10.

³⁸ Babayan N. A Global Trend EU-style: Democracy Promotion in “Fragile” and Conflict-Affected South Caucasus // N. Babayan // *Global Policy*. – 2016. – Vol. 7, Is. 2. – P. 217-225; Nodia, G. Democracy's Inevitable Elites / G. Nodia // *Journal of Democracy* 31. – 2021. – No 1. – P. 75-87.

обсуждения того, что именно подразумевается под демократическими реформами, каким образом оценивается их качество и в чем состоят ограничения программ содействия развитию третьим странам, проводимых международными организациями, постулирующими демократию как способ достижения стабильности и повышения благосостояния граждан.

Вопрос политической субъектности южнокавказских государств оказывает существенное влияние на выбор той или иной исследовательской парадигмы, однако в научных публикациях до сих пор не наблюдается широкой дискуссии по этому поводу. Среди российских авторов распространение получило изучение южнокавказского региона в рамках концепции постсоветского пространства. Можно выделить работы С.М. Маркедонова³⁹, А.В. Рябова⁴⁰, И.В. Болговой⁴¹, Д.А. Данилова⁴². Для диссертационной работы представляют интерес и публикации А.С. Скрибы⁴³, Н.Ю. Кавешникова⁴⁴ о малых государствах как отдельных акторах международной системы. Вопросы формирования внешней политики малых государств, не входящих в сообщество западных стран, актуальны и для зарубежных исследователей, среди них К. Мартинус, Т. Сиглер⁴⁵, А. Вивел⁴⁶, А. Гвалиа, Б. Лебанидзе, Д. Сироки⁴⁷, Ф. Маммадов и Ф. Чирагов⁴⁸. Кроме

³⁹ Маркедонов С.М. Постсоветское пространство: распад или сохранение? / С.М. Маркедонов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2017. – №8. – С. 9-16.

⁴⁰ Рябов А.В. Постсоветское пространство: факторы и циклы развития / А.В. Рябов // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – № 3. – С. 67-82.

⁴¹ Bolgova, I. Post-Soviet or Post-Colonial? The Relations between Russia and Georgia after 1991/ I. Bolgova, L. Spetschinsky // European Review of International Studies. – 2014. – No 1(3). – P. 110-122; Болгова И. Работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? / И. В. Болгова, Н.Ю. Силаев // Сравнительная политика. – 2019. – №4. – С. 133-154; Болгова И.В. «Восточное партнерство» после украинского кризиса: ценность стабильности или стабильные ценности? / И.В. Болгова // Современная Европа. – 2019. – №7(93). – С. 115-123.

⁴² Danylov D. EU-Russia Relations in the Post-Soviet Space // D. Danylov // The EU Global Strategy: Implications for Russia // Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Egmont Royal Institute for International Affairs. – 2017. – С. 15-26; Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор / Д.А. Данилов // Современная Европа. – 2017. – № 1. – С. 10-21.

⁴³ Скриба А. Балансирование малых и средних государств // А. Скриба // Международные процессы. – 2014. – Т. 12. – №4. – С. 88-100.

⁴⁴ Кавешников Н. Ю. Малые и вредные? // Н.Ю. Кавешников // Международные процессы. – 2008. – Т. 6. – №3(18). – С. 84-92.

⁴⁵ Martinus K., Sigler T., Iacopini I., Derudder B. The Brokerage Role of Small States and Territories in Global Corporate Networks / K. Martinus, T. Sigler, I. Iacopini, B. Derudder // Growth and Change. 2021. – No 52. – P. 12-28.

⁴⁶ Wivel A. Living on the Edge: Georgian Foreign Policy between the West and the Rest / A. Wivel // Third World Thematics: A TWQ Journal. – 2016. – 1:1. – P. 92-109.

⁴⁷ Gvalia G. Neoclassical Realism and Small States: Systemic Constraints and Domestic Filters in Georgia's Foreign Policy / G. Gvalia, B. Lebanidze, D.S. Siroky D.S. // East European Politics. – 2019. – 35:1. – P. 21-51.

этого, данная диссертация дополняет работы авторов, изучающих Южный Кавказ в рамках восточного вектора внешней политики ЕС. Среди них Ю.А. Борко⁴⁹, Д. Кадье⁵⁰, С. Блокманс⁵¹ и другие.

При написании диссертационного исследования автор использовала книги, журналы и отдельные статьи коллективов авторов, посвященные Южному Кавказу. Несмотря на актуальность данной тематики в изучении интеграционных и региональных процессов, многие из этих изданий касаются лишь отдельных их аспектов. В основном публикации авторов сконцентрированы на разрешении конфликтов и истоках их возникновения либо на общей политической истории региона, который до сих пор остается сложным в изучении ввиду нехватки информации, отсутствия большого числа экспертов. Хотелось бы отметить сборник под редакцией Г. Емельяновой и Л. Броерса, посвященный современной политической истории южнокавказских государств⁵², работы К. Осканяна и Д. Аверра⁵³, рассматривающие вопросы безопасности в странах Южного Кавказа. В понимании этнополитических конфликтов в регионе Южного Кавказа автор во многом опиралась на работы С.Е. Корнелла⁵⁴, С.М. Маркедонова⁵⁵, Л. Броерса, А. Искандаряна, С. Минасяна⁵⁶. Отдельного внимания заслуживают исследования Н. Кереселидзе⁵⁷, Э. Сулейманова и Х. Алиева⁵⁸ о внешней политике России и ЕС по отношению к непризнанным государствам.

⁴⁸ Mammadov F. A Small State's Worldview / Mammadov F. Chiragov F. // *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*. – 2018. – No 11. – P. 170–177.

⁴⁹ Борко Ю.А. Восточное партнерство: проект, реальность, будущее / Ю. Борко – М.: ИЕ РАН, 2018. – 70 с.

⁵⁰ Cadier D. The Geopoliticisation of the EU's Eastern Partnership // D. Cadier // *Geopolitics*. – 2019. – No 24:1 – P. 71-99.

⁵¹ Blockmans S. 2015 ENP Review: A Policy in Suspended Animation // S. Blockmans // *CEPS Commentary*. – 2015. – 1 December. – 4 p.

⁵² Yemelianova G. *Routledge Handbook of the Caucasus* / G. Yemelianova, L. Broers. – Abingdon: Routledge, 2020. – 466 p.

⁵³ Oskanian, K. *Security, Society and the State in the Caucasus* / D. Averre, K. Oskanian (eds.) – Routledge, 2019. – 202 p.

⁵⁴ S. E. Cornell. *Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective* / E. Svante, Cornell // *World Politics*. – 2002. – No 54(2). – P. 245-276.

⁵⁵ Markedonov S. *De facto Statehood in Eurasia: a Political and Security Phenomenon* / S. Markedonov // *Caucasus Survey*. – 2015. – No 3:3. – P. 195-206.

⁵⁶ Broers L. *Introduction: the Unrecognized Politics of De Facto States in the Post-Soviet space* / Iskandaryan A., Minasyan S., Broers L. // *Caucasus Survey*. – 2015. – No 3:3. – P. 187-194.

⁵⁷ Kereselidze N. *The Engagement Policies of the European Union, Georgia and Russia towards Abkhazia* // *Caucasus Survey*. – 2015. – No 3:3. – P. 309-322.

Источники эмпирических данных

Источниковую базу диссертации составляют: опубликованная дипломатическая документация официального характера, законодательные акты и официальные документы органов государственной власти, основных институтов Европейского союза, материалы СМИ и периодической печати, статистические материалы.

Основную группу источников составляют документы, связанные с развитием внешней политики Евросоюза и нормативные документы, отражающие эволюцию его внешней политики в отношении стран Южного Кавказа. Это учредительные договоры ЕС, нормативные документы, касающиеся реализации Политики соседства ЕС и программы «Восточное партнерство»⁵⁹, соглашения ЕС со странами⁶⁰, сообщения Европейской комиссии⁶¹, разъясняющие принципы внешнеполитической деятельности ЕС. К ней же примыкают ежегодные аналитические отчеты Европейской комиссии о прогрессе стран Южного Кавказа во взаимоотношениях с Европейским союзом, планы действий, согласованные с правительствами государств⁶², а также отчеты Европейского парламента об имплементации соглашений⁶³. Данная группа документов представляет официальную точку зрения ЕС и оценку процессов, происходящих в странах Южного Кавказа. Они содержат чрезвычайно полезную информацию, позволяющую оценить ожидания ЕС от стран-партнеров, основные аспекты имплементации соглашений и соответствие стран поставленным формальным критериям.

Несомненную ценность представляют собой документы, опубликованные на официальных сайтах министерств иностранных дел

⁵⁸ Souleimanov E.A. Unrecognized States as a Means of Coercive Diplomacy? Assessing the Role of Abkhazia and South Ossetia in Russia's Foreign Policy in the South Caucasus / E.A. Souleimanov, E. Abrahamyan, H. Aliyev // Southeast European and Black Sea Studies. – 2018. – No 18:1. – P. 73-86.

⁵⁹ Использованы материалы портала EU neighbours <https://www.euneighbours.eu/en>, публикации Европейской внешнеполитической службы <https://eeas.europa.eu/>

⁶⁰ Использованы материалы правовой базы данных ЕС EUR-lex: <https://eur-lex.europa.eu/>

⁶¹ Официальный веб-сайт Европейской комиссии <https://ec.europa.eu/>

⁶² Планы действий в рамках соглашений ЕС со странами и отчеты об их имплементации за период 2007–2021 гг. доступны на официальном сайте Европейской комиссии в подразделе «Политика соседства ЕС и переговоры о расширении»: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/countries/>

⁶³ Официальный веб-сайт Европейского парламента <https://www.europarl.europa.eu/portal/en>.

Российской Федерации, Армении, Грузии и Азербайджана, а также выступления, заявления, интервью глав государств и правительств, высокопоставленных представителей дипломатических ведомств. Их значимость определяется содержащимися в них трактовками внешней политики ЕС, ее приоритетов и ограничений, интересов региональных акторов; оценками эффективности взаимодействия с ЕС. Данные источники позволяют сопоставить цели и задачи внешнеполитической деятельности ЕС с ее результатами, прояснить проблемные вопросы во взаимоотношениях с ЕС. Среди прочих материалов в работе использованы публичные заявления президента Азербайджана⁶⁴, премьер-министра Армении⁶⁵, президента Грузии⁶⁶.

Интерес представляет категория статистических источников. В работе использованы данные, доступные в публикациях Статистического комитета Республики Армения⁶⁷, Национального статистического офиса Грузии⁶⁸, Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики⁶⁹, а также исследования общественного мнения. Эти данные позволили сопоставить успешность проводимых при поддержке ЕС реформ, оценить рост благосостояния граждан в исследуемых странах, а также общественное мнение в отношении ЕС.

Вопросам отношений Армении, Грузии, Азербайджана и ЕС посвящены многие материалы в периодических изданиях. Автор использовала материалы российских и зарубежных СМИ, обращаясь к данной группе источников для прояснения аспектов политики ЕС в странах-партнерах, реакции общественных деятелей, политиков, журналистов на значимые в этой связи события.

⁶⁴ Официальный веб-сайт Президента Азербайджанской республики <https://ru.president.az/>

⁶⁵ Официальный веб-сайт Премьер-министра Республики Армения <https://www.primeminister.am/ru/>

⁶⁶ Официальный веб-сайт Президента Грузии <https://www.president.gov.ge/en/>

⁶⁷ Официальный веб-сайт Статистического комитета Республики Армения <https://www.armstat.am/en/>

⁶⁸ Официальный веб-сайт Национального статистического офиса Грузии [https://www.geostat.ge/en.](https://www.geostat.ge/en/)

⁶⁹ Официальный веб-сайт Государственного комитета по статистике Азербайджанского Республики [https://www.stat.gov.az/?lang=en.](https://www.stat.gov.az/?lang=en)

Объектом исследования служат взаимоотношения ЕС и стран Южного Кавказа.

В качестве **предмета исследования** выступает фактор нормативной силы ЕС в отношениях ЕС и страна Южного Кавказа.

Цель исследования – выявить влияние фактора нормативной силы на взаимоотношения ЕС со странами Южного Кавказа.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- 1) установить значение норм и идеологии в неолиберальной теоретической традиции, обозначить критерии нормативного влияния ЕС;
- 2) выявить основы партнерства Европейского союза со странами Южного Кавказа, закреплённые в Политике соседства и Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности;
- 3) обозначить факторы, влияющие на выбор стран региона того или иного формата партнерства с ЕС;
- 4) проанализировать достижения и ограничения внешней политики ЕС в регионе Южного Кавказа;
- 5) охарактеризовать позицию России в регионе;
- 6) определить степень влияния фактора нормативной силы ЕС в каждой из стран Южного Кавказа в зависимости от формата взаимодействия в сферах демократических реформ, повышения благосостояния граждан и региональной безопасности.

Область исследования соответствует пункту 1 «Международные отношения: сущность, история становления, основные сферы, динамика развития. Сущность и содержание внешнеполитической деятельности субъектов международных отношений. Внешнеполитические доктрины и внешнеполитическая стратегия субъектов международных отношений» и пункту 7 «Глобальные и региональные организации: цели, характер и формы их деятельности. Внешняя политика отдельных государств и их блоковых организаций различной направленности. Международная деятельность

неправительственных организаций и финансово-экономических структур» паспорта специальности ВАК 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Методологические основы исследования

В данном исследовании автор придерживается неолиберальной парадигмы международных отношений. Оно построено в рамках концепции нормативной силы, предложенной Яном Мэннерсом в 2002 году⁷⁰. Мэннерс использует данный термин в трех значениях: 1) описание того, что ЕС собой представляет, и мерило того, что есть «норма»; 2) характеристика внешнеполитических действий ЕС, основанных на наборе норм, которые закреплены в учредительных договорах ЕС; 3) то, к чему ЕС должен стремиться. Автор рассматривает три сферы взаимодействия ЕС со странами Южного Кавказа – демократические реформы, рост благосостояния граждан и обеспечение региональной безопасности, исследуя, насколько ЕС смог приблизиться к роли нормативного актора. Проведено сравнение с близкими теоретическими концепциями, среди которых: «мягкая сила», «нормативная гегемония», «нормативная империя». Указаны основные критерии нормативного влияния внешней политики того или иного актора, среди них не только позиционирование себя в качестве нормативной силы, но и принятие соответствующих политических решений и шагов, а также признание нормативного влияния другими акторами и страной-партнером.

В диссертации использован системный подход, позволивший поместить каждую из рассматриваемых стран в контекст региона и выявить общие тенденции развития. Автор обратилась к историческому и сравнительно-политологическому методам во второй и третьей главах работы для рассмотрения развития отношений Евросоюза с государствами южнокавказского региона, вопросам формирования политики Российской Федерации по отношению к указанными странам. Для выявления основных

⁷⁰ Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? / I. Manners // Journal of Common Market Studies. – 2002. – Vol. 40. – No 2. – P. 235-258.

принципов внешней политики Европейского союза в Армении, Грузии и Азербайджане и ее нормативной составляющей использован качественный направленный контент-анализ официальной документации ЕС. Автор опирается на корпус работ по процессам европеизации и европейской интеграции в традиции неоинституционализма, а также по развитию стран постсоветского пространства, региональным исследованиям.

В целях рассмотрения нарратива ЕС о европейских ценностях в странах Южного Кавказа, а также лоббирования странами-партнерами собственных интересов в коммуникации с ЕС был применен метод дискурса-анализа.

В рамках анализа внешней политики ЕС в третьей главе использован метод ситуационного исследования, прибегая к которому автор выделяет конкретные области отношений с ЕС и оценивает эффективность осуществляемых программ.

Хронологические рамки диссертационного исследования

Исследование ограничено во времени периодом взаимодействия ЕС со странами Южного Кавказа с начала обретения ими независимости в 1991 г. по 2020 г.

Гипотеза исследования состоит в том, что ЕС удастся влиять на политические процессы в Армении, Грузии и Азербайджане посредством формирования в этих южнокавказских государствах норм демократического правления, роста благосостояния граждан, мирного разрешения конфликтов.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней исследуются достижения и границы применения нормативной силы ЕС в рамках внешней политики ЕС на примере конкретных государств южнокавказского региона. Автор изучила, каким образом ЕС принимает участие в выборе политической модели развития страны, предлагая содействие и обмен опытом в построении соответствующих институтов, накладывая ограничения, а в некоторых случаях санкции, когда страна-партнер не соответствует представлениям о нормах и ценностях самого Евросоюза. Диссертация дополняет исследования

процессов европеизации, европейской интеграции, написанные в традиции неинституционализма, а также посвященные развитию стран постсоветского пространства.

Теоретическая значимость

Исследование призвано придать импульс критическому рассмотрению внешней политики ЕС, ее целей, механизмов осуществления и заявленных ценностей в рамках существующих теоретических концепций. Проведенный анализ нормативного влияния ЕС на развитие стран-партнеров затрагивает аспекты теоретического осмысления норм как важных составляющих внешней политики, сфер нормативного влияния и критериев его оценки. Диссертационная работа служит задаче способствовать комплексному осмыслению Южного Кавказа как отдельного региона.

Практическая значимость

Исследование призвано способствовать лучшему пониманию внешней политики ЕС в странах Южного Кавказа, ее взаимосвязи с внутренними политическими процессами и внешнеполитическими стратегиями Армении, Грузии и Азербайджана. Исследование представляет возможность рассмотреть факторы, влияющие на мотивацию политических элит к формированию политических союзов с глобальными акторами, а также проследить итоги сотрудничества южнокавказских стран с ЕС с момента обретения ими независимости. Результаты работы могут быть использованы в рамках разработки стратегий межгосударственного сотрудничества, анализа интеграционных инициатив в регионе, а также в дидактических целях в рамках учебных курсов, посвящённых европейской интеграции в странах Южного Кавказа. Исследование представляет практическую значимость для министерств и ведомств Российской Федерации, взаимодействующих со странами региона в широком спектре направлений сотрудничества.

Положения, выносимые на защиту

1. Нормативная сила ЕС выступает как относительная категория, неравномерно развивающаяся в разные периоды становления внешней политики ЕС как глобального актора и имеющая неоднородное влияние, зависящее от контекста применения. Основным критерием существования нормативного влияния служит его признание другими акторами.

2. С момента обретения Арменией, Грузией и Азербайджаном независимости ЕС прочно занял место значимого регионального актора, установив дипломатические, политические и экономические отношения со странами региона и став участником дискуссии о государственных интересах, ценностях и моделях развития.

3. Используя декларируемые ЕС ценности и нормы как формальный критерий продвижения стран в достижении целей партнерства, ЕС мотивирует руководство стран так или иначе им соответствовать даже в тех случаях, когда властные элиты проявляли недоверие, либо делали выбор в пользу меньшего вовлечения в партнерство с ЕС.

4. Сотрудничество ЕС и стран Южного Кавказа в сфере демократических реформ не ставило трансформацию политических режимов в качестве конкретной задачи. ЕС преимущественно рассчитывал на адаптацию европейских практик государственными институтами стран, диалог с населением через поддержку организаций гражданского общества, что не предполагало кардинальных изменений в структуре власти стран-партнеров.

5. Между осуществлением реформ при поддержке ЕС в странах Южного Кавказа и ростом благосостояния граждан стран-партнеров отсутствует прямая связь. Речь, скорее, может идти об успехе отдельных точечных проектов.

6. Сфера безопасности – наиболее уязвимый аспект осуществления нормативной силы ЕС в регионе Южного Кавказа. В отсутствие функционирующих антикризисных механизмов и форматов диалога

внутриполитические процессы находятся в постоянной зависимости от внешней безопасности.

7. Три выявленных в ходе исследования сценария развития взаимоотношений с ЕС – ассоциация с ЕС, расширенное партнерство, внеблоковая позиция страны – определяются как внешнеполитическими факторами, так и способностью каждой из стран отстаивать свое пространство для маневра в ходе диалога с ЕС.

8. Нормативное влияние ЕС наиболее сильно проявляет себя в партнерстве, основанном на ассоциации с ЕС. Важным аспектом подобных отношений является неполная определенность выгод сотрудничества в долгосрочной перспективе, что может снизить значимость сотрудничества с ЕС в условиях отсутствия существенных долгосрочных выгод таких, как членство в Европейском союзе.

9. Страны с переходной экономикой в долгосрочной перспективе становятся более автономны в выборе доноров развития и внешнеполитических партнерств. Страны Южного Кавказа отдают предпочтение многовекторной политике, даже в случае, когда страна декларирует эксклюзивность партнерства с ЕС.

Апробация результатов исследования

Основные положения и выводы диссертации были обсуждены на заседаниях Отдела европейской интеграции Института Европы РАН, а также в докладах автора на конференциях: «Интеграционные процессы в Европе и Евразии: современные вызовы теории и практики» (ИЕ РАН, ноябрь 2020 г.); «Глобальное управление: кризис или трансформация» (ИМЭМО РАН, октябрь 2020 г.); «Россия и ЕАЭС между Востоком и Западом: развитие и модернизация в меняющейся геополитической среде» (НИУ ВШЭ, март 2019 г.); «Меняющийся Запад и его роль в регулировании глобальных процессов» (ИМЭМО РАН, апрель 2019 г.); «Взаимодействие интеграционных проектов в Евразии: ЕАЭС, ЕС, “Пояс и путь”» (ИЕ РАН, при участии Королевского института международных отношений Бельгии – «Эгмонт», сентябрь 2019

г.); «Миграционные проблемы в Европе» (БФУ им. Канта, май 2019 г.); «Управление, устойчивость и порядок: Евразия и внешний мир под давлением глобальных и региональных перемен» (Университет г. Кента, июль 2019 г.); «Отношения России и Европы в свете концепции Евразийского пространства» (ИЕ РАН, ноябрь 2018 г.); на ежегодной конференции Александровского института университета г. Хельсинки (октябрь 2018 г.); на ежегодной конференции «Восточная платформа» в Университете г. Тарту (апрель 2017 г.); на конференции «Будущее Европы» (ИЕ РАН, июнь 2017 г.).

Положения диссертационного исследования отражены в публикациях, в том числе 6 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК (из них 4 индексируются в базах данных Scopus).

Статьи в журналах, входящих в перечень ВАК:

Айвазян А.С. Роль ЕС в продвижении демократических реформ в странах Южного Кавказа / А.С. Айвазян // *Общественные науки и современность*. – 2021. – № 1. – С. 132-144.

Айвазян, А.С. Грузия: внешняя политика малого государства / А.С. Айвазян // *Современная Европа*. – 2020. – № 1(94). – С. 80-91.

Айвазян, А.С. Дискурс о принадлежности к Европе в политическом диалоге ЕС и стран Южного Кавказа / А.С. Айвазян // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. – 2018. – Т. 10. – № 2. – С. 125-144.

Айвазян, А.С. Нормативная роль ЕС в Армении: факторы восприятия / А.С. Айвазян, И.Е. Петрова // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62. – №4. – С. 91-102.

A. Ayvazyan. Perceptions of the EU's Power in the Eastern Partnership Region: The case of Armenia / I. Petrova, A. Ayvazyan // *European Foreign Affairs Review*. – 2018. – Vol. 23. – P. 61-78.

Айвазян, А.С. Политика ЕС в странах Южного Кавказа: пересмотр политики соседства / А.С. Айвазян // Современная Европа. – 2016. – № 4(70). – С. 47-56.

Статьи в иных изданиях:

Европа в поиске новых решений / А.С. Айвазян, Л.О. Бабынина, М.В. Ведерников [и др.]. – М.: ИЕ РАН, 2020. – 140 с.

Будущее Большой Европы. Перспективы развития макрорегиона / К.А. Годованюк, П.П. Тимофеев, П.В. Осколков [и др.]; М.: ИЕ РАН; СПб.: «Нестор-история», 2020. – 316 с.

Айвазян, А.С. Нарушение перемирия между Арменией и Азербайджаном / А.С. Айвазян // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2020. – №39(222). – С. 1-8.

Айвазян, А.С. Южный Кавказ и ЕС: приоритет устойчивости / А.С. Айвазян // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2020. – № 100. – С. 126-130.

Айвазян, А.С. Южный Кавказ: рост конфликтного потенциала, внутривосточные изменения / А.С. Айвазян // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2020. – № 102. – С. 98-101.

Айвазян, А.С. Взаимодействие ЕС и стран Южного Кавказа / А.С. Айвазян // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2020. – №99. – С. 105-109.

Айвазян, А.С. Особенности внешней политики современной Армении / А.С. Айвазян // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2020. – № 2(14). – С. 98-103.

Айвазян, А.С. Перспективы парламентских выборов в Грузии в 2020 г / А.С. Айвазян // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2019. – №6(12). – С. 111-116.

Айвазян, А.С. Пашинян: новый подход к карабахскому вопросу? / А.С. Айвазян // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2019. – №3(9). – С. 64-69.

Айвазян, А.С. Перспективы подписания нового соглашения о сотрудничестве между ЕС и Азербайджаном в 2019 г. / А.С. Айвазян // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2019. – №1(7). – С. 126-130.

Айвазян, А.С. Южный Кавказ во внешней политике ЕС / А.С. Айвазян // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2019. – №95. – С. 88-92.

Айвазян, А.С. Новое измерение европейской политики соседства (на примере Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве ЕС и Армении) / А.С. Айвазян // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – №1. – С. 124-128.

Айвазян, А.С. ЕС и государства Южного Кавказа, осень 2018 г. / А.С. Айвазян // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2019. – №94. – С. 107-111.

Структура работы обусловлена поставленными задачами; работа состоит из введения, трёх глав, разделённых на параграфы, и заключения. Во введении автор определяет актуальность темы исследования, приводит обзор существующей научной литературы и источников, формулирует предмет и объект исследования, цели и задачи диссертационной работы, основные положения, выносимые на защиту. В первой главе «Концептуализация роли ЕС в качестве нормативной силы» проведен анализ теоретических основ концепции нормативной силы ЕС и ее истоков в учредительных договорах ЕС и иных формальных документах, относящихся к взаимодействию ЕС с третьими странами. Во второй главе «Политические форматы сотрудничества ЕС и стран Южного Кавказа» сделан акцент на значении пересмотра Политики соседства ЕС и Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности для стран-партнеров; проведен анализ роли России в интеграционных проектах в регионе; приведена оценка подхода ЕС к странам Южного Кавказа, проанализированы различные этапы его становления. В третьей главе «Влияние фактора нормативной силы на взаимоотношения ЕС и стран Южного Кавказа» оценена роль ЕС в продвижении демократических реформ в странах Южного Кавказа;

взаимосвязь внешней политики ЕС и заявленной им цели роста благосостояния граждан в странах-партнерах; проанализирована роль ЕС в сфере политического диалога и безопасности в регионе. В заключении формулируются основные выводы диссертационного исследования.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РОЛИ ЕС В КАЧЕСТВЕ НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ

1.1. Нормативный компонент внешней политики ЕС

Первая часть диссертации посвящена эволюции концепции нормативной силы во внешней политике ЕС. Автор ставит вопрос о том, какие нормы составили основу внешней политики ЕС, а также в чем заключались изменения, коснувшиеся этих норм сквозь различные этапы становления ЕС в качестве глобального актора. В особенности внимание уделено тому, каким образом те или иные нормы и ценности зафиксированы в учредительных документах ЕС, иных программных документах европейских институтов, касающихся взаимодействия с соседствующими странами.

Вопрос нормативной составляющей внешней политики Европейского союза приобрел актуальность в свете академической дискуссии об основах внешней политики отдельных стран и интеграционных объединений. Возникновение Европейского союза как интеграционной группировки, ставящей целью политическую, экономическую, социальную трансформацию пространства вокруг себя – способствовало переносу межгосударственных отношений в систему координат, отличную от традиций реализма. В этой системе одновременно с ранее существовавшими ориентирами в выстраивании внешнеполитических связей, таких как территориальные интересы, защита государственного суверенитета, выгоды от экономических взаимоотношений и политического сотрудничества,

возникли новые модели взаимодействия, основанные на консенсусе по поводу следования ценностным нормам, связанным с той или иной политической моделью развития.

Формирование Евросоюза как интеграционного проекта во временных рамках совпало с ответвлением неолиберализма как отдельной политической теории и идеологии и академической дискуссией об основах международных отношений. Диссертационное исследование во многом продолжает этот разговор, дополняя его исследованием того, каким образом неолиберальные идеи воплощались ЕС в жизнь в конкретном регионе Южного Кавказа.

Неолиберальная традиция критически относится к центральной роли военной силы в международных отношениях, подвергнув сомнению роль анархии и конфронтации как факторов, движущих государствами⁷¹. Тезис о комплексной взаимозависимости подразумевает существование мира, в котором использование военной силы значительно ограничено, а государства конкурируют не на поле боя, а на площадках международных организаций и структур⁷². Развитие неофункционализма дополнило эту дискуссию, изменив взгляды исследователей на региональную интеграцию и обратив внимание на возможность образования групп государств, основанных на сохранении в течение длительного периода мирных взаимоотношений. Интенсификация межгосударственного взаимодействия, появление механизмов кооперации и коммуникации, с точки зрения неофункционалистов, сделали возможным социализацию политических элит, обмен знаниями и успешными практиками, а посредством этого и пересмотр национальных интересов⁷³.

Универсализация идеи либеральной демократии как основы западных государств и главного фактора в преодолении противоречий между странами в последние годы вызывает критику у многих исследователей. Ал.А. Громько указывает на недостаточную ясность различий между

⁷¹ Gallarotti M.G. The changing? Face of Power in International Relations, 1979–2019 / M.G. Gallarotti // Journal of Political Power. – 2021. – P. 1-26.

⁷² Axelrod, R. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions / R. Axelrod, R.O., Keohane // Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate. – New York: Columbia University Press, 1993. – P. 85.

⁷³ Nye J. S. Neorealism and Neoliberalism / J.S. Nye // World Politics. – 1988. – Vol. 40. – No 2. – P. 235-251.

либерализмом как политической теорией и неолиберальной политической идеологией, положенной в основу политики ЕС в отношении государств бывшего социалистического лагеря⁷⁴. Если первое не подразумевает монопольного права какого-либо государства на распространение своей политической модели, второе встречает критику в догматичности и безальтернативности. Российские исследователи также отмечают, что концепции идеологического влияния внешней политики ассоциируются с западной подсистемой международных отношений и отражают ее нравственное преимущество в исследованиях ведущих европейских исследовательских центров, не будучи достаточно и критически проработаны в отечественной науке⁷⁵. А.В. Картунов обращает внимание на то, что либеральный мировой порядок, основанный на принципе открытости и сопоставлении интересов многочисленных и разнонаправленных групп, оказался шире и привлекательнее либерализма как политической идеологии⁷⁶. Таким образом, либеральный миропорядок стал приемлем и для приверженцев противоречащих либерализму идей, поскольку в нем созданы условия для участия различных акторов, что привело к распространению мнения о кризисе либеральной системы, транслирующей совершенно иные ценности, отличные от изначально заложенных в либеральной теории.

Б. Розамонд, в свою очередь, указывает на ложность дихотомии выбора между ценностями и интересами во внешней политике ЕС, т.к. либеральная политическая теория не отрицает того, что внешняя политика государств строится на основе их рациональных интересов⁷⁷. Однако противоречие заключено в самом либерализме. Так, Б. Розамонд выделяет три модели либерализма, каждая из которых основывается на отдельных нормативных

⁷⁴ Громыко Ал.А. Метаморфозы политического неолиберализма / А. Громыко // Современная Европа. – 2020. – №2. – С. 6-19.

⁷⁵ Вит М. «Мягкая сила» ЕС и Китая на Западных Балканах и пределы ее применения / М. Вит // Современная Европа. – 2019. – №7. – С. 148-157.

⁷⁶ Картунов А.В. Международные отношения: рациональный мировой порядок?: рабочая тетр. №34/20 / А.В. Картунов, И.Н. Тимофеев, В.В. Сутырин, И.А. Иванов, А.П. Цветов. – М.: НП РСМД, 2016. – 40 с.

⁷⁷ Rosamond B. The EU's Normative Power and Three Modes of Liberal Communicative Discourse / B. Rosamond // EU Foreign Policy through the Lend of Discouse Analysis. – Surrey, England: Ashgate, 2014. – P. 211-227.

принципах: рыночный либерализм; либерализм, основанный на продвижении идеи мира и демократии; либерализм, проецирующий ценности прав человека. Политические решения, вытекающие из той или иной концептуальной основы внешней политики ЕС, могут противоречить друг другу: рыночный либерализм не подразумевает социального равенства и механизмов социальной защиты, что лежит в основе либерализма прав человека. Таким образом, эффективность политики ЕС может быть оценена по-разному и в рамках либеральной политической теории в зависимости от превалирующих в ней компонентов.

Диссертационное исследование опирается на концепцию нормативной силы, которая созвучна неолиберальной традиции мысли и подразумевает ведущую роль норм и ценностей в международных отношениях. Впервые она была сформулирована в публикациях Я. Мэннерса в 2002 г.⁷⁸ Ранее, в 1972 г., Ф. Дюшен определил «гражданскую силу» как основанную на экономических методах воздействия⁷⁹. К. Твитчет позднее уточнил три главных компонента гражданской силы: первостепенная роль экономического влияния в достижении государственных целей, приоритет дипломатического сотрудничества в решении международных проблем, стремление к привлечению наднациональных институтов в достижении международного прогресса⁸⁰. Известная концепция «мягкой силы» Дж. Найа, близкая концепции нормативной силы, основывается на способности актора достигать желаемого результата, не используя каких-либо санкций или вознаграждений в отношении другого игрока, но формируя его предпочтения⁸¹. Най определял три ресурса мягкой силы государства: культура (привлекательная для остальных игроков), политические ценности (в том случае, когда страна следует им – внутри государства и вне его

⁷⁸ Manners I. Normative power Europe: A Contradiction in Terms? / I. Manners // *Journal of Common Market Studies*. – 2002. – Vol. 40. – No 2. – P. 235-258.

⁷⁹ Duchêne F. Europe's Role in World Peace / R. Mayne (ed.) // *Europe Tomorrow: Sixteen Europeans Look Ahead*. – London: Fontana, 1972. – P. 32-47.

⁸⁰ Twitchett K.J. External Relations or Foreign Relations / K.J. Twitchett (ed.) // *Europe and the World: the External Relations of the Common Market*. – London: Europa, 1976. – 210 p.

⁸¹ Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J.S. Nye. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.

границ) и внешняя политика (воспринимаемая другими игроками как легитимная и основанная на моральном преимуществе). Согласно концепции мягкой силы страны, проецирующие универсальные культурные и политические ценности, более привлекательны в качестве политических союзников для других государств. В своей книге Най, тем не менее, делает оговорку о том, что мягкая сила не находится полностью во власти национальных правительств – она зависит от общего имиджа государства, который формируют не только политические акторы, но и корпорации, университеты, церкви, неправительственные группы⁸².

Существуют различные точки зрения о том, чем нормативная сила отличается от мягкой силы. Автор придерживается мнения, высказанного Е. Павловой и Т. Романовой о нормативной силе как дискурсивной практике идентичности⁸³. С этой точки зрения, нормативная сила не основывается на конкретном внешнеполитическом инструментарии, но подразумевает постоянный процесс диалога между носителем норм и их реципиентом, цель которого – распространение определенного представления о политическом и общественном устройстве. Ключевая характеристика нормативной силы, таким образом, – способность формировать представление о том, что есть «норма» в международных отношениях.

Т. Диез продолжил эту дискуссию, выдвинув аргумент о том, что подобное понимание нормативной силы означает и то, что акторы вынуждены «бороться» за то или иное представление о норме, каждый раз подтверждая его в коммуникации с другими игроками либо посредством политических решений⁸⁴. Таким образом, концепция нормативной силы означает и постоянный процесс в утверждении тех или иных ключевых значений, включая понимание о европейских ценностях, идеи мира,

⁸² Там же.

⁸³ Павлова Е.Б. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС / Е.Б. Павлова, Т.А. Романова // Полис. Политические исследования. – 2017. – №1. – С. 162-176.

⁸⁴ Diez T. Setting the Limits: Discourse and EU Foreign Policy / T. Diez // Cooperation and Conflict. – 2014. – Vol. 49. – No 3. – P. 319-333.

демократической политической модели и др., – ни одно из них не имеет единственного и неоспоримого определения.

Сам Мэннерс использует термин «нормативная сила» в трех значениях: 1) как описание того, что ЕС собой представляет, и мерило того, что есть «норма»; 2) как характеристика внешнеполитических действий ЕС, основанных на наборе норм, которые закреплены в учредительных договорах ЕС; 3) как то, чем ЕС должен являться, недостижимую идеальную конструкцию, к которой ЕС может стремиться, но которой не может являться в ее абсолютном значении. Таким образом, нормативная сила по определению не может быть в полной мере воплощена в реальности, является относительной категорией⁸⁵.

В публикации 2008 г., написанной для журнала «International affairs». Мэннерс указывает нормы, которые ЕС проецирует вовне⁸⁶. В их основу вошли идеи долгосрочного мира, который достигается посредством добрососедских отношений, а также консенсусная демократия, характеризующая избирательными системами с пропорциональной репрезентацией политических сил и коалиционными правительствами, где власть делится между политическими партиями. Мэннерс уточняет, что в нормы ЕС входят не просто права человека, но ассоциативные права, включающие в себя как индивидуальные права, так и права групп, что, в свою очередь, подразумевает инклюзивное равенство: равенство возможностей и прав уязвимых категорий населения. Помимо этого, в публикации отмечены нормы социальной солидарности, включая межгосударственную солидарность в продвижении экономической, социальной и территориальной сплоченности, а также добросовестное или надлежащее управление, прозрачность и подотчетность правительственных структур гражданам. Перечисленные ценности описывают либерально-

⁸⁵ Manners I. Assessing the Decennial, Reassessing the Global: Understanding European Union Normative Power in Global Politics / I. Manners // Cooperation and Conflict. – 2013. – Vol. 48. – No 2. – P. 304-329. URL: www.jstor.org/stable/45084726 (accessed 31.03.2021).

⁸⁶ Manners I. The Normative Ethics of the European Union / I. Manners // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). – 2008. – Vol. 84. – No 1. – P. 45-60.

демократическое государство со значительным фокусом на обеспечение социальной справедливости.

В указанной статье Мэннерс также упоминает об этической теории конвенционализма – представления, согласно которому моральная правильность тех или иных действий определяется исключительно их следствиями. Оценивая ЕС как актора, исследователи, таким образом, рассматривают результаты осуществления внешней политики ЕС, но не ее изначальные намерения. Следует, однако, отметить, что такая этическая рамка, как и отмечает Мэннерс, сопряжена с логикой «меньшего зла», определяющей выбор и оценку тех или иных внешнеполитических решений. Таким образом, исследователь неизбежно должен определить критерии того, что считать «злом», а что – благом для страны-партнера. Противоположная названной позиция морального абсолютизма, согласно которой некоторые ценности абсолютны и универсальны, с другой стороны, не позволяет оценить то, какими средствами они достигаются и к каким последствиям ведут. С этой точки зрения представляется важным подход к исследованию, сопряженный с оценкой того, насколько внешняя политика ЕС соответствует заявленным целям и инструментарию.

В более крайнем своем выражении попытки отразить в концепции нормативной силы действительные внешнеполитические решения, принимаемые ЕС, и реальность, существующую на международной политической арене, нашли отражение в публикациях Т. Дица, предложившего говорить не о нормативной силе, а о нормативной гегемонии⁸⁷. С одной стороны, концепт гегемонии позволяет сочетать как нормы, так и интересы, расхождение между которыми вызывает наибольшие споры в академических обсуждениях о нормативной силе; он не предполагает наличие заранее данного набора норм, но ставит в центр дискуссии соперничество в сфере норм и ценностей; к тому же, гегемония не

⁸⁷ Diez T. Normative Power as Hegemony / T. Diez // Cooperation and Conflict. – 2013. – Vol. 48. – No 2. – P. 194-210.

ограничивается государственными институтами как основными акторами, – в качестве таковых могут выступать самые разные общественные силы. Предложенная Дицем концепция поднимает проблему критического использования понятия нормативной силы в определении глобальной роли ЕС.

Как следствие, должен быть поднят и вопрос о том, насколько само использование концепта нормативной силы релевантно в обсуждении роли ЕС в странах Южного Кавказа и в чем его практическая ценность. Сторонник неореализма А. Хайд-Прайс так, отмечает следующие ограничения концепции «нормативной силы»: редуцирование результатов международных политических процессов исключительно к оценке событий на национальном уровне; практически полное игнорирование фактора военной силы; безусловная вера сторонников концепции нормативной силы в то, что эта сила всегда действует во благо⁸⁸. Представляется, что объективная оценка фактора нормативной силы не может быть построена на принятии той или иной ценностной концепции как единственно верной, но должна предполагать множество трактовок, в том числе со стороны страны-партнера.

М. Пейс указывает и на то, что попытки ЕС позиционировать себя в качестве нормативной силы без принятия соответствующих политических решений и шагов в конечном счете ведут к представлению о союзе как об акторе, который избегает политической ответственности⁸⁹. Поэтому основным критерием существования нормативного влияния ЕС является признание этого влияния другими акторами⁹⁰. Фактически эффект от реализации концепции нормативной силы на практике со стороны ЕС может быть оценен лишь реакцией принимающих сторон на действия и заявления европейских институтов.

⁸⁸ Hyde-Price A. Normative power Europe: a realist critique / A. Hyde-Price // *Journal of European Public Policy*. – 2006. – No 13:2. – P. 217-234.

⁸⁹ Pace M. The Construction of EU Normative Power / M. Pace // *JCMS*. – 2007. – Vol. 45. – No 5. – P. 1041-1064.

⁹⁰ Diez T. Normative Power Europe and Conflict Transformation / T. Diez, M. Pace // *Normative Power Europe*. Palgrave Studies in European Union Politics. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 210-225.

Близко к понятию нормативной гегемонии и определение нормативной империи, используемое несколькими авторами, включая А.Р. Дель Сарто⁹¹. Сравнение с империями прошлого не удивительно: исторически империи предпринимали усилия для того, чтобы стабилизировать окраины, получить некие экономические выгоды от приобретенных земель; более того, империям свойственна и определенная цивилизационная миссия, которую они транслировали вовне.

В то время как последователи идеи ЕС как нормативной силы полагают, что позиционирование Европейского союза во внешнем мире сопряжено с историческим образом ЕС, историей его объединения, пересмотром прошлого и роли демократических ценностей в становлении современных европейских государств, сторонники концепций о нормативной империи или нормативной гегемонии не отрицают того, что европейские ценности могут распространяться с целью достижения экономических и политических интересов ЕС. Действительно, идентичность ЕС в официальном политическом дискурсе выстроена в противопоставлении с Европой времен мировых войн. Проблематичность этого подхода заключается в его неинклюзивности: он подразумевает существование сторонников и противников европейской идеи, и, как следствие, невозможность сотрудничества с последними. Нормативный гегемон или нормативная империя же, наоборот, заключают союзы и с теми акторами, которые не в полной мере разделяют нормативные основы ЕС. Таким образом, роль ЕС как нормативного актора находит разные отражения в теоретических концепциях, где важную роль играют механизмы осуществления нормативной функции и инклюзивность этого процесса, позволяющего или исключающего участие других игроков.

В действительности страны-партнеры по-разному интерпретируют свою принадлежность к европейскому ценностному пространству, как и

⁹¹ Del Sarto A.R. Normative Empire Europe: The European Union, its Borderlands, and the “Arab Spring” / A.R. Del Sarto // JCMS. – 2016. – Vol. 54. – No 2. – P. 215-232.

представители ЕС. Это приводит к размытости границ между взаимодействующими сторонами, что, в свою очередь, означает как возможное включение «другого» в нормативное европейское пространство, так и его выход оттуда в случае неуспеха взаимодействия в силу тех или иных причин. Среди проблем, с которыми ЕС сталкивается при воплощении нормативных принципов во внешней политике можно выделить следующие: противоречивость этических принципов, которые могут входить в конфликт друг с другом на практике; сложность достижения согласия между странами – членами ЕС по поводу осуществления общей внешней политики; сложность сочетания нормативных установок и прагматичных интересов.

Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности, принятая в 2016 г., утверждает, что цели и интересы союза, также как и цели и интересы граждан ЕС, идут рука об руку. Среди них: мир и безопасность, благополучие, демократия и глобальный порядок, основанный на правилах⁹². Авторы стратегии заявляют, что ЕС как союз малых и средних государств заинтересован в том, чтобы выстраивать взаимодействие с внешним миром сообща, исходя из принципа взаимной ответственности стран – членов ЕС и его партнеров.

В том случае, когда ценности существуют не абстрактно, а воплощены в конкретные задачи внешней политики союза, их достижение предполагает наличие определенных инструментов, а также конкретных критериев оценки успешности действий Европейского союза по отношению к соседствующим государствам. В качестве такового, согласно стратегии 2016 г., служит устойчивость государственных и социальных институтов в странах-партнерах, ради достижения которой ЕС намерен разработать форматы сотрудничества для каждой отдельной страны, которые будут направлены на создание инклюзивной и подконтрольной гражданам системы государственного управления, защиту прав человека, борьбу с коррупцией и

⁹² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union External Action. – 2016. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения 10.04.2021).

терроризмом⁹³. ЕС, таким образом, намерен поддерживать усилия государственных институтов в странах-партнерах, направленные на пересмотр социального контракта между государством и гражданами, сочетая поддержку государственных программ с содействием локальным инициативам.

В этой формулировке бенефициарами внешней политики ЕС служат граждане стран самого союза и государств за его пределами, а непосредственной задачей ЕС выступает обеспечение их физической безопасности, правовой защищенности, социально-экономического благосостояния. Подобное понимание безопасности в привязке к ценностным нормам тесно взаимосвязано с индивидом, его благосостоянием, защитой его прав; менее определено актуальной краткосрочной политической обстановкой⁹⁴.

В вышеназванной формулировке безопасности фигурируют сообщества граждан, разделяющих определенные ценности, но не суверенные государства как отдельные акторы с устоявшейся внутренней политикой, социальным и экономическим укладом. ЕС коммуницирует с политическим руководством стран, но главным адресатом его политики служат более широкие группы населения. С этим связана во многом гуманитарная направленность программ сотрудничества ЕС с другими странами, на первый взгляд, не отвечающая напрямую на запросы внешней политики: образовательные инициативы, поддержка межкультурных связей, программы развития гражданского общества. Реализация «нормативной силы» ЕС подвергает сомнению традиционное понимание силы как военной мощи или экономического и политического влияния государства, вместо этого пытаясь оказать влияние на внутренние политические процессы в странах-соседах.

Формализация ценностей Европейского союза в его учредительных документах, однако, не означает единственность ЕС как нормативного актора или эксклюзивный характер европейских норм. Как отмечает Н. Точчи, в той

⁹³ Там же.

⁹⁴ Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности / С. Бископ // Вестник международных организаций. – 2009. – № 2. – С. 105-120.

или иной степени «нормативной силой» обладают все глобальные игроки, т.к. каждый из них имеет определенное влияние на формирование международной политической среды⁹⁵. Вместе с тем в академических публикациях и публичной риторике заметна тенденция к противопоставлению одних нормативных акторов другим.

Проблема поиска ценностной или нормативной основы партнерства особенно актуальна в контексте российско-европейских отношений и их влияния на страны региона Южного Кавказа. В то время как ЕС настаивает на универсальности европейской нормативной идеи, Россия придерживается позиции многосторонности межгосударственных взаимоотношений и существовании различных идеологических рамок внешней политики государств. Так, иностранные исследователи, изучающие роль демократических норм в проекте Политики соседства ЕС, склонны рассматривать Россию как актора, проецирующего определенные цивилизационные ценности, в том числе несогласие с европейским либеральным нормативным дискурсом⁹⁶. Напротив, нормы, транслируемые Россией, – государствоцентричность, невмешательство во внутренние дела⁹⁷, суверенная демократия, принадлежность к «русскому миру»⁹⁸.

В этом отношении в восточном векторе внешней политики ЕС заложено противоречие: с одной стороны, ЕС принимает на себя обязательство руководствоваться чувством ответственности, перестраивая отношения с партнерами к востоку и югу от своих границ. С другой стороны, восточные партнеры ЕС – страны, традиционно близкие России, как в культурной, исторической сфере, так и в экономике и политике⁹⁹. Усиление напряженности между Россией и ЕС принуждает государства к выбору: в

⁹⁵ Tocci N. The European Union as a Normative Foreign Policy Actor / N. Tocci // *Archive of European Integration*. – 2008. – URL: <http://aei.pitt.edu/7582/1/Wd281.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

⁹⁶ Oskanian K. A Very Ambiguous Empire: Russia's Hybrid Exceptionalism / K. Oskanian // *Europe-Asia Studies*. – 2018. – No 70:1. – P. 26-52.

⁹⁷ Kornilov A. Russia's Soft Power in the South Caucasus: Discourses, Communication, Hegemony / A. Kornilov, A. Makarychev // *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*. – Routledge, 2014. – P. 238-254.

⁹⁸ Nuriyev E. Russia, the EU and the South Caucasus: Forging an Efficient Over-Arching Cooperative Regional Security Scheme / E. Nuriyev // *Connections*. – 2015. – Vol. 14. – No 2. – P. 51-64.

⁹⁹ Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор / Д.А. Данилов // *Современная Европа*. – 2017. №1. – С. 10-21.

этих обстоятельствах не всем из них удастся сохранять неконфликтный диалог о сотрудничестве. К тому же Российская Федерация продвигает альтернативную концепцию равенства и равноправия партнерства во взаимоотношениях с ЕС: согласно предложенной модели каждый игрок на политической сцене мог бы самостоятельно определять, что является нормальным, приемлемым и возможным. Многополярность, как равенство в применении жесткой и мягкой силы, противопоставляется многосторонности, как равноправию в распространении ценностей и норм, в определении того, что нормально¹⁰⁰. Различные интерпретации основ мирового порядка со стороны глобальных акторов вынуждают страны-партнеры, обладающие меньшим политическим влиянием, выбирать собственную стратегию, каждый раз адаптируясь к конкретной ситуации взаимодействия.

Когда формализация определенных политических норм и следование им становится основным критерием предоставления финансовых ресурсов, странам-соседям приходится доказывать свою привлекательность потенциальному партнеру. В то же время, как справедливо отмечает Председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам К. Косачёв, концепции развития других стран, региональные проекты сотрудничества становятся отдельным предметом экспорта¹⁰¹. Е. Кузнецова обращает внимание на то, что пространство дипломатии расширяется: конкурентоспособен тот, кто способен универсализировать собственные правила игры через вовлечение наибольшего числа внешних партнеров¹⁰². В современных реалиях применение «жесткой силы» несет за собой репутационный урон страны, в то

¹⁰⁰ Романова Т.А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения / Т.А. Романова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия, культурология, политология, право, международные отношения. – 2011. – №1. – С. 52-66.

¹⁰¹ Косачев К.И. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. – 2012. – URL: <https://globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁰² Кузнецова Е. Европейский союз: экспорт норм, ценностей, стандартов / Е. Кузнецова // Европейский союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. – М.: Издательство «Весь мир», 2012. – С. 619-643.

время как способность убедить оппонента следовать определенному пути более значима как показатель долгосрочного влияния.

Одно из основных отличий ЕС как нормативного актора от других игроков, претендующих на формирование нормативной повестки международных отношений, – фиксация ценностей и норм внешней политики в учредительных документах союза. Институционализация норм демократии, защиты прав человека, открытого рынка проходила через определенные этапы, развивающиеся параллельно с процессом становления самого ЕС. Декларация о европейской идентичности 1973 г. утверждает намерение стран – членов Европейского экономического сообщества использовать определение европейской идентичности как инструмент во внешней политике¹⁰³. Распространение норм демократии, прав человека вовне союза должно служить их легитимизации внутри него. Так, в документе подчеркнуто, что ориентируясь на ценности сообщества в отношениях с внешними акторами, ЕС намерен добиться единения внутри.

Кроме того, декларация выражает намерение стран, ее подписавших, преодолеть расхождение внутри европейского сообщества государств, установив и закрепив юридически стремление к благосостоянию граждан, экономическому прогрессу, приверженность к демократическому развитию как основные цели своего развития и ключевые характеристики европейской цивилизации. Так, страны, подписавшие декларацию, заявляют о намерении пересмотра общего наследия, интересов и особых обязательств девяти стран-членов: согласно документу, будучи разъединены в прошлом, защищая ложные эгоистичные интересы, они преодолели вражду и намерены приложить все усилия к тому, чтобы цивилизация, к которой они принадлежат, выжила, а ее юридические, политические и моральные основы были сохранены. Декларация ставит задачу построить общество, ориентированное на нужды индивидуума, и тем самым защитить принципы

¹⁰³ Document on the European Identity. Published by the Nine Foreign Ministers, Copenhagen // Archive of European Integration. – 2019. – URL: <http://aei.pitt.edu/4545/> (дата обращения 10.04.2021).

репрезентативной демократии, верховенства закона и социальной справедливости, что в итоге является главной задачей экономического прогресса. Привязка ценностей демократии к неизбежному росту благосостояния граждан в этой формулировке не поддается сомнению: развитие политических институтов должно способствовать либерализации рынка, обеспечить правовые основания для эффективного функционирования конкурентной экономики.

В декларации сформулирована цель внешней политики Европейских сообществ (Европейского объединения угля и стали и Европейского сообщества по атомной энергии), состоящая в обеспечении выживаемости европейской цивилизации. Один из инструментов ее осуществления – расширение европейской интеграции за пределы союза в отношениях с другими странами. Документ подчеркивает намерение подписавших ее стран разработать политику развития в международном масштабе согласно принципам и целям Парижской мирной конференции. Акцент на индивидуальных правах человека и благосостоянии граждан меняет внешнеполитическую оптику: ситуативная экономическая или политическая выгода от заключения межгосударственных соглашений становится менее важна, чем долгосрочный эффект от принятия приоритета индивидуальных прав и свобод в стране-партнере. В этом случае желаемый результат внешней политики ЕС – сближение политических моделей развития, что должно способствовать принятию страны-партнера в круг стран, идентифицирующих себя в качестве европейских.

Согласно предложенному Европейским союзом видению глобальной картины мира, модель демократического политического развития и открытого рынка настолько эффективна, что способна преодолеть общую фрагментацию соседствующих с ЕС стран и предложить им универсальную формулу развития. Единый европейский акт 1986 г. подчеркивает, что страны Европейского экономического сообщества убеждены в

необходимости совместной работы по продвижению демократии¹⁰⁴. В нем утверждается, что европейская идея, а также результаты политической и экономической кооперации соответствуют волеизъявлению демократического общества Европы, чье мнение выражается посредством института Европейского парламента, избираемого всеобщим голосованием. Преамбула документа упоминает вклад европейского сообщества государств в международную безопасность посредством следования принципам демократии и верховенства закона, а также защиты прав человека.

Маастрихский договор, принятый в 1992 г.¹⁰⁵, зафиксировал уважение прав человека в качестве обязательства стран – членов ЕС, а Амстердамский договор, подписанный в 1997 г., уточнил категории прав и ввел возможность санкций в отношении стран-членов, продолжительное время нарушающих принципы прав человека и фундаментальных свобод¹⁰⁶. Лиссабонский договор, вступивший в силу в 2009 г., в свою очередь, зафиксировал требование соответствия действий союза на международной арене принципам его создания, развития и расширения¹⁰⁷. Тем самым логика расширения распространилась на программы сотрудничества с соседствующими странами, с главным отличием в том, что странам-соседям фактически недоступно членство в ЕС, хотя его гипотетическая возможность сохраняется. Задачи внешней политики были дополнены и уточнены: среди них сохранение мира, предотвращение конфликтов и усиление международной безопасности; закрепление ценностей союза, его независимости и целостности; поддержка экономического и социального развития с целью борьбы с бедностью; интеграция стран в мировую

¹⁰⁴ The Single European Act // EUR-Lex. Access to the European law. – 2018. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Axy0027> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁰⁵ Treaty of Maastricht on European Union // EUR-Lex. Access to the European Law. – 2018. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Axy0026> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁰⁶ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts // EUR-Lex. Access to the European Law. – 1997. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.1997.340.01.0001.01.ENG&toc=OJ:C:1997:340:TOC (дата обращения 10.04.2021).

¹⁰⁷ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon // EUR-Lex. Access to the European Law. – 2007. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12007L%2FTXT> (дата обращения 10.04.2021).

экономику и постепенная отмена ограничений на международную торговлю; сохранение и улучшение качества окружающей среды.

Наряду с общими ценностными установками обновился внешнеполитический инструментарий ЕС. В Лиссабонском договоре появилось положение об обязательности совместных действий по отражению агрессии, которая направлена против одного из государств-членов; была закреплена возможность использования военных средств в достижении целей миротворчества, предотвращения конфликтов и усиления международной безопасности. Это заложило основы постепенного перехода от принятия европейских ценностей как этических установок к восприятию норм ЕС в качестве интересов, которые союз намерен защищать вовне. Такой подход основывается на предположении о том, что либеральный миропорядок, верховенство права, уважение прав человека в других странах – основная гарантия стабильности и безопасности стран – членов ЕС. С другой стороны, признание ценностей в качестве стратегических интересов расширяет пространство для использования политических соглашений, экономических, культурных программ для четкого обозначения рамок взаимодействия с ЕС: сближение с союзом возможно, но лишь в той степени, в которой страна-партнер готова признать себя частью сообщества государств, объединенных едиными ценностными представлениями.

Схожая тенденция отразилась на политике по отношению к соседствующим странам. В ноябре 2015 г. Европейская комиссия и Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности объявили о пересмотре Европейской политики соседства¹⁰⁸. Внутри ЕС постепенно возросло осознание того, что пространство соседства больше неоднородно, оно нестабильно и фрагментировано. Основной целью ЕС в этих обстоятельствах стала стабилизация политической ситуации в странах-партнёрах. Принцип политической обусловленности, в соответствии с

¹⁰⁸ Joint Staff Working Document. Towards a new European Neighbourhood Policy // European Union External Action Service. – 2015. – URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_staff-working-document_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

которым за следование демократическим нормам ЕС предоставляет странам-партнёрам экономические и политические бонусы, показал слабую эффективность: отсутствие чётких критериев оценки соответствия планам действий и ясных политических требований привело во многом к формальному исполнению требований ЕС, а объём и характер бонусов оказался недостаточен для качественного преобразования политических режимов. Пересмотр политики соседства должен был внести большую ясность в принципы сотрудничества с соседствующими странами, при этом сохраняя общее представление о нормативной цели ЕС по распространению во внешнем пространстве своих идеалов и норм.

В то же время у ЕС не хватило внутреннего ресурса для проецирования собственного видения политического устройства в других государствах: страны-члены ЕС подвержены кризисам развития, угрозам и рискам, существенно подвергающим сомнению демократические принципы и торжество либеральной политической модели. Усиливающиеся внутренние противоречия в ЕС вызывают сложность в построении взаимоотношений с соседствующими государствами, далеко не всегда отвечающими требованиям, предъявляемым им в отношении прозрачности политических институтов, конкурентности избирательных систем, открытости политических процессов для участия граждан. Торжество правых популистских партий в парламентах некоторых стран подвергает значительному кризису доверия идеи открытости границ, уважения индивидуальных прав и свобод. Разработка эффективной внешней политики, претендующей на нормативное влияние в странах-соседях, подразумевает не только пересмотр соглашений с другими странами, но и в целом восприятие рисков и угроз внутри самого союза и поиск действенных тактик в их отражении.

Результатом процесса осознания европейскими политиками роли ЕС как вненеполитического игрока стала разработка концепций «устойчивости»

(resilience) и «принципиального прагматизма»¹⁰⁹. В русскоязычных академических источниках нет однозначного термина, равноценно отражающего понятие «resilience» в английском языке: в разных трактовках оно означает упругость, способность к восстановлению, жизнестойкость, приспособляемость. Использование подобного термина многозадачно: оно отражает неполную ясность рисков, стоящих перед европейскими странами и их соседями, а также отсутствие однозначных решений в поиске ответов на кризисные ситуации. Устойчивость предполагает способность к постоянной саморефлексии по поводу происходящих политических изменений, к развитию и постоянному реформированию устоявшихся структур государства и общества в самом ЕС и в странах-партнерах.

Это видение уже не отражает полной убежденности в том, что основополагающие ценности ЕС, его приверженность к демократической модели развития, защите индивидуальных прав, в конце концов, должны привести союз к наращиванию потенциала сопротивления рискам и угрозам. В одном из существующих прочтений «стрессоустойчивость» подразумевает постепенную эволюцию от радикализма в распространении универсальных ценностей к неолиберализму, акцентирующему важность национальной специфики¹¹⁰. Отдельной тенденцией во внешней политике ЕС стало и участвовавшее использование инструментов так называемого «мягкого права», включая совместные сообщения, стратегии, отчеты об имплементации соглашений, меморандумы о взаимопонимании¹¹¹. В отличие от обязательных к исполнению договоров, инструменты мягкого права позволяют принимать прагматичные решения в обход декларируемых требований, не подразумевающих какие-либо санкции. С этой точки зрения,

¹⁰⁹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union External Action. – 2016. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения 10.04.2021).

¹¹⁰ Романова Т. От гражданской и нормативной силы к стрессоустойчивости? Эволюция идейных основ внешней деятельности ЕС / Т. Романова, Е. Павлова // Международные процессы. – Том 16. – №2. – С. 73-90.

¹¹¹ Wessel A. R. Normative Transformations in EU External Relations: the Phenomenon of “Soft” International Agreements / A.R. Wessel // West European Politics. – 2021. – No 44:1. – P. 72-92.

демократизация стран-партнеров уже не декларативна, но сформулирована технократичным языком сотрудничества, однако по-прежнему оставаясь одним из условий углубления партнерства с ЕС.

Если понимать устойчивость как способность государств, общества, сообществ и индивидумов контролировать, адаптироваться и восстанавливаться после шоков, то в этом смысле понятие устойчивости ставит необходимым условием скоординированное и объединенное усилие стран – членов ЕС, всех его институциональных структур по отношению к вызовам внешней политики. Концепция устойчивости нашла применение в самых различных сферах регулирования, и тем самым, согласно авторам концепции, должна была бы способствовать объединению профессионалов, работающих не только непосредственно в сфере безопасности, но и в гуманитарных программах и программах содействия развитию¹¹². Таким образом, устойчивость «наращивается» в результате горизонтальных взаимодействий представителей разных экспертных областей, гражданского общества, государственных служащих, различных социальных групп.

Вместе с тем закономерен вопрос о том, каким образом ЕС предполагает наращивание устойчивости в третьих странах и какая роль в этом процессе отведена политическим и правовым нормам¹¹³. Аморфность понятия «устойчивость» не предполагает четкого плана конкретных действий. Гибридность угроз, переходящих из непосредственной области внешней безопасности в сферу информационной защищенности и другие смежные области, также не подразумевает ведущей роли ЕС в обеспечении резистентности к шокам политических институтов других стран, но скорее полагается на инициативную роль самих стран-партнеров в объединении усилий с ЕС с целью совместного строительства общей системы сдержек и противовесов.

¹¹² Tocci N. Resilience and the Role of the European Union in the World / N. Tocci // *Contemporary Security Policy*. – 2020. – No 41:2. – P. 176-194.

¹¹³ Гудалов Н.Н. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов / Н.Н. Гудалов, Д.С. Тулупов // *Полития: анализ, хроника, прогноз* (журнал политической философии и социологии политики). – 2018. – №88(1). – С. 135-147.

Несмотря на то что ЕС пересмотрел подход к понятию безопасности, эти изменения все еще не подразумевают отказа от риторики об универсальности европейской модели развития как наиболее успешной. При этом ЕС осознает, что страны-партнеры могут быть в разной степени заинтересованы в сотрудничестве и свободны влиять на его формат, что в конечном итоге позиционирует союз как гибкую силу, способную адаптировать свой инструментарий под конкретный контекст взаимодействия.

1.2. Теоретические основания исследования

В диссертации автор выделяет три области взаимодействия ЕС и стран Южного Кавказа: демократические реформы; рост благосостояния граждан; политический диалог и безопасность в регионе. Исследовательская гипотеза состоит в том, что Европейский союз пытается способствовать политическим, экономическим и социальным изменениям в развивающихся странах, задавая определенную основу отношений в виде тех или иных нормативных установок, которые страны-партнеры стремятся соблюдать.

ЕС принимает участие в процессе выбора политической модели развития страны, предлагая содействие и обмен опытом в построении соответствующих институтов, накладывая ограничения, а в некоторых случаях санкции, когда страна-партнер не соответствует представлениям о нормах и ценностях самого союза. Автор опирается на корпус работ по процессам европеизации, европейской интеграции, развивающихся в традиции неинституционализма, а также по развитию стран постсоветского пространства, региональным исследованиям.

М.В. Стрежнева отмечает, что отход неинституционалистов от государствоцентризма в изучении европейской интеграции позволил выявить элементы диссонанса и дисгармонии в многоуровневном европейском

пространстве¹¹⁴. С другой стороны, Е.С. Громогласова указывает на то, что теоретические рамки институционализма позволяют объяснить влияние интеграции на институциональную трансформацию национальных государств, а также неоднородность и дифференциацию европейской интеграции в рамках межстрановых сравнительных исследований¹¹⁵, что является одной из целей диссертации, рассматривающей страны одного региона, которые сотрудничают с ЕС в отличающихся друг от друга форматах.

Концепт европеизации наиболее распространен в зарубежной политологии и, как правило, касается стран – кандидатов на членство в ЕС. Вместе с тем теоретические наработки в этой области применимы и в изучении взаимоотношений ЕС со странами-соседями. Согласно классическому определению, предложенному К. Радаелли, европеизация обозначает процессы конструирования, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур, парадигм, стилей, норм и представлений, которые, будучи изначально зафиксированы в процессе формирования общей европейской политики, внедряются в логику внутривластного дискурса, идентичность, политические структуры и государственную политику отдельной страны¹¹⁶. Определение европеизации исходит из понимания институционального сближения страны-кандидата и наднациональных европейских структур как процесса, выходящего за рамки простого выполнения решений наднациональных органов управления на местном уровне. Концепт европеизации акцентирует взаимодействие между различными акторами: в противоположность теоретическим подходам, описывающим линейное взаимодействие между органами власти и благополучателями или объектами регулирования, европеизация предполагает влияние самых различных факторов на принятие решений,

¹¹⁴ Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции / М.В. Стрежнева // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2009. – №1. – С. 28-45.

¹¹⁵ Громогласова Е.С. Концепция европеизации в зарубежной политологии / Е.С. Громогласова // Вестник МГУ. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – №4. – С. 27-43.

¹¹⁶ Radaelli C. The Europeanization of Public Policies: Introduction / S. Saurugger. C. Radaelli // Journal of Comparative Policy Analysis. – 2008. – No 10:3. – P. 213-219.

включая политические приоритеты страны, расхождения в интересах социальных групп и др. Один из важных результатов исследований в этой сфере – вывод о том, что влияние Евросоюза не приводит к сближению национальных институциональных моделей, а наоборот, усиливает неоднородность, дифференциацию на национальном уровне.

Академические работы на тему европеизации, в частности, уточняют способы распространения европейских норм. Диссертация дополняет работы о применении ЕС принципа политической обусловленности, согласно которому взаимодействие стран-партнеров с ЕС проходит последовательные этапы развития, в ходе каждого из которых стране-партнеру предлагаются политические и экономические бонусы¹¹⁷. Как отмечает А.А. Стрелков, среди критериев этого процесса: чёткость требований и степень их формализации, высокая скорость предоставления вознаграждения и его объём, наличие уверенности в применении санкций в случае отказа от исполнения требований, стратегическая значимость страны-партнёра, способность политической элиты страны-партнёра использовать внешнее давление для укрепления собственной власти, наличие единого мнения относительно целесообразности применения политической обусловленности¹¹⁸.

Ценными для диссертационной работы являются и теоретические наработки авторов о непрямых способах воздействия ЕС на третьи страны: публикации Ф. Шиммельфенинга о механизме экстернализации, когда ЕС косвенно влияет на принятие внешними акторами решений о выгодах и издержках в силу своего непосредственного присутствия; а также процессах имитации европейских практик и институтов¹¹⁹. Работы Дж.Г. Марча и Й. П. Олсена в рамках институционализма рационального выбора уточняют и факторы, влияющие на способность политических институтов к адаптации

¹¹⁷ Schimmelfennig F. EU Democracy Promotion in the European Neighbourhood Political Conditionality, Economic Development and Transnational Exchange / H. Scholtz, F. Schimmelfennig // *European Union Politics*. – 2008. – Vol. 9(2). – P. 187-215.

¹¹⁸ Стрелков А.А. Европейская политика соседства: непоследовательное движение к цели / А. Стрелков // *Современная Европа*. – 2009. – №3. – С. 119-126.

¹¹⁹ Schimmelfennig F. Europeanisation beyond the Member States / F. Schimmelfennig // *Journal for Comparative Government and European Policy*. – 2010. – Vol. 8. – No 3. – P. 319-339.

тех или иных норм, среди них: наличие игроков с правом вето, готовность формальных институтов использовать внутренние ресурсы для запуска реформ¹²⁰. Исследование М.В. Стрежневой и Д.Э. Руденковой в этом направлении также демонстрирует, что страны-партнеры осуществляют выбор в пользу взаимодействия с союзом для максимизации собственного выигрыша в результате переоценки выгод и издержек от взаимодействия¹²¹. Социологический институционализм, в рамках которого работают Т. Бёрзель и Т. Риссе, указывает на роль «агентов изменений», способных повлиять на коллективные представления о норме и политическую культуру страны¹²². Достоинство указанной теоретической рамки состоит в том, что она позволяет выйти за пределы концептуализации глобальной роли ЕС как таковой и изучить конкретный ответ на политику ЕС среди различных групп населения, институтов и акторов в стране-партнере.

Диссертационное исследование также опирается на современную академическую дискуссию по вопросам теории демократического мира, согласно которой демократические государства менее склонны инициировать войну против друг друга или других недемократических государств¹²³. Демократическая политическая модель, следуя этой логике, содействует лучшей экономической и социальной защищенности граждан, будучи политическим режимом, наиболее способствующим достижению достойного уровня их жизни. Российские авторы критикуют теорию демократического мира как несостоятельную: А.П. Цыганков обращает внимание на то, что в истории демократии достаточно случаев нарушения мирного порядка, когда страны руководствовались экономической выгодой или военно-

¹²⁰ March J.G. The Institutional Dynamics of International Political Orders / J.P. Olsen, J.G. March // *International Organization*. – 1998. – No 52(4). – P. 943-969.

¹²¹ Стрежнева М.В. Европейский союз: архитектура внешней политики / М.В. Стрежнева, Д.Э. Руденкова. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. –135 с.

¹²² Börzel T. When Europe Hits Home: Europeanization and Domestic Change / T. Risse, T. Börzel // *European Integration Online Papers*. – 2000. – 29 November. – URL: <http://eiop.or.at/eiop/pdf/2000-015.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

¹²³ Levy J.S. The Democratic Peace Hypothesis: From Description to Explanation / J.S. Levy // *Mershon International Studies Review*. – 1994. – No 38. – P. 352-354.

стратегическими соображениями¹²⁴. Вместе с тем в написании исследования автор полагалась и на работы, посвященные сотрудничеству в целях развития, включая механизмы внешней помощи, и их роли в обеспечении стабильности¹²⁵. Это направление позволяет в том числе проанализировать функции акторов, которые не имеют прямого влияния на принятие внешнеполитических решений, однако формируют определенную внутривнутриполитическую среду. В частности, речь идет о роли гражданского общества как сферы добровольного коллективного действия, функционирующего вне государственных институций и движимого разделяемыми ценностями и интересами¹²⁶.

В академических публикациях российских авторов вопрос формирования демократических институтов напрямую или косвенно наиболее раскрыт в работах о демократическом транзите государств постсоветского пространства. А.Ю. Мельвиль критикует линейность европейского подхода к политическим трансформациям, подразумевающую единообразный для всех развивающихся стран распад авторитарных систем и последующую консолидацию демократии либерального типа; ставит вопрос о необходимости концептуального обновления исследовательского подхода к политическим изменениям¹²⁷. Речь идет о возможности допущения различных альтернатив развития, помимо указанной, что требует общего пересмотра места и роли стран, оказавшихся на линии соприкосновения европейской и евразийской интеграций. Помимо этого, изучение внутренних политических процессов в постсоветских странах отвечает необходимости сохранения интеграционных связей с Россией.

¹²⁴ Цыганков А.П. Кризис идеи «демократического мира» / А.П. Цыганков, П.А. Цыганков // Международные процессы. – 2005. – Т. 3. – No 3. – С. 33-44.

¹²⁵ Бартев В.И. Инструмент обеспечения стабильности в структуре механизмов внешней помощи ЕС / В.И. Бартев // Европейский союз в формирующемся миропорядке / отв. ред. Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – С. 4-17.

¹²⁶ Tocci N. The European Union, Conflict Transformation and Civil Society: A Conceptual Framework / N. Tocci // MICROCON Policy Working Paper 1. – Brighton: MICROCON, 2008. – 40 p.

¹²⁷ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 123-134.

Кроме перечисленных теоретических концепций, ценную роль в диссертации представляет изучение внешнего восприятия ЕС в странах-партнерах. Значимость нормативной силы как дискурсивной практики, в рамках которой нормы и их восприятие конструируются социально, подчеркивают и российские, и иностранные авторы. Важным представляется вывод Е.Б. Павловой и Т.А. Романовой о необходимом условии открытости агента нормативной силы к дискуссии о ценностях¹²⁸. Брюссель зачастую действует вопреки сконструированному внутри самого объединения представлению о себе как о силе, стремящейся исключительно к благим преобразованиям. Это обстоятельство повысило актуальность изучения собственного позиционирования ЕС во внешнем пространстве в тесной взаимосвязи с тем, как он воспринимается в странах-соседах. Исследования Н. Чабан и коллектива авторов демонстрируют зависимость нормативного влияния ЕС от отдельных аспектов взаимодействия и конкретного контекста развития отношений¹²⁹.

Оценивая влияние фактора нормативной силы, автор полагалась в качестве критерия действенности теоретической концепции нормативной силы на оценку расхождения между ожиданиями внешних акторов и возможностями ЕС на практике¹³⁰. Следуя данному подходу, возможности ЕС определяются как совокупность ресурсов и инструментов в распоряжении актора, противопоставленная ожиданиям игроков вне ЕС и внутри его относительно того, какие функции ЕС должен на себя взять и каким образом они должны быть исполнены. В случае успешной реализации нормативной силы ресурсы ЕС и его внешняя политика должны соответствовать исходящему вовне запросу. Сформулированный самим ЕС запрос на реализацию внешней политики в странах Южного Кавказа в исследуемых

¹²⁸ Павлова Е.Б. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС / Е.Б. Павлова, Т.А. Романова // Полис. Политические исследования. – 2017. – №1. – С. 162-176.

¹²⁹ Chaban N. Images of the EU beyond its Borders: Issue-Specific and Regional Perceptions of European Union Power and Leadership / N. Chaban, O. Elgstrom, S. Kelly, L. Suet L. // JCMS. – 2013. – Vol. 51. – No 3. – P. 433-451.

¹³⁰ Larsen H. Normative Power Europe or Capability–expectations Gap? The Performativity of Concepts in the Study of European Foreign Policy / H. Larsen // JCMS. – 2020. – Vol. 58. – No 4. – P. 962-977.

трех областях взаимодействия заключается в принятии странами-партнерами демократической модели политического устройства, либерализации экономики и мирном решении конфликтов.

Выводы к главе 1

Концепция нормативной силы не основывается на конкретном внешнеполитическом инструментарии, ее ключевая характеристика – способность формировать представление о том, что есть «норма» в международных отношениях. Реализация нормативной силы подразумевает постоянный процесс коммуникации между носителем норм и их реципиентом, а также внешними игроками, цель которого – утверждение определенного представления о политическом и общественном устройстве государств и мировом порядке.

Нормативная сила представляет собой идеальную конструкцию, к которой акторы могут стремиться, но недостижимую в своем абсолютном значении. Амбиции обладать нормативной силой характеризует не только ЕС, но и множество других игроков, пытающихся повлиять на принятые в международных отношениях правила и нормы. В одном из своих максималистских проявлений ее характеризуют догматичность и безальтернативность идеи либеральной демократии как основы западных государств и главного фактора в преодолении противоречий между странами.

С этой точки зрения представляется важным критический подход и оценка того, насколько внешняя политика ЕС соответствует заявленным целям и инструментарии. В том, каким образом актор может быть обозначен в качестве нормативной силы, – или же нормативного гегемона или империи, – важную роль играют механизмы осуществления нормативной функции и инклюзивность этого процесса, позволяющего или исключаящего участие других игроков.

Объектом внешней политики ЕС служит не только политическое руководство стран, но и граждане самого Европейского союза и государств

за его пределами. Подобное понимание безопасности тесно взаимосвязано с индивидом, его благосостоянием, защитой его прав, но вместе с тем размывает межгосударственное взаимодействие, т.к. в нем участвуют самые разные группы интересов. Распространение норм демократии, прав человека вовне союза предполагает не только стабилизацию соседствующих с ЕС стран, но и принятию норм Европейского союза внутри его собственных границ.

Постепенный переход от восприятия европейских ценностей как этических установок к пониманию норм ЕС в качестве интересов способствовал отходу от демократизации стран-партнеров как обязательного условия сотрудничества.

Оценка действенности применения концепции нормативной силы в реальной практике внешней политики ЕС требует анализа расхождения между ожиданиями акторов внутри и вовне ЕС по поводу исполняемой им роли и реальными возможностями ЕС. Таким образом, ресурсы ЕС, претендующего на осуществление нормативной силы, должны соответствовать исходящему запросу взаимодействующих с ним игроков.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕС И СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА

2.1. Значение Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и пересмотра Европейской политики соседства ЕС для стран-партнеров

В данном разделе автор ставит вопрос о закреплённых в Политике соседства и Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности основах партнерства Европейского союза со странами Южного Кавказа. В нем также рассмотрены сложности, с которыми сталкивается ЕС в реализации программ сотрудничества со странами региона. Среди них аспекты, связанные с координацией, целеполаганием, результативностью подобных инициатив, а также общая внешнеполитическая ситуация,

значительно затруднившая продвижение европейской интеграции как одного из векторов развития южнокавказских государств.

Политика соседства ЕС и Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности служат политическим фундаментом взаимоотношений со странами – соседями ЕС. Цель Политики соседства ЕС – поддержание и укрепление стабильности, безопасности и процветания в странах-соседях¹³¹. Не будучи частью Общей внешней политики и политики безопасности ЕС, Политика соседства находится в ведении Комиссии ЕС. В 2004 г. в составе шестнадцати стран-участниц Европейской политики соседства оказались три государства Южного Кавказа. Опираясь на логику расширения и взаимодействия со странами – кандидатами на членство, ЕС предложил восточным и южным соседям, включая страны Средиземноморья и постсоветского пространства, модель модернизации, основанную на собственном опыте построения рыночной экономики и демократической модели правления. В отличие от стран – кандидатов на членство ЕС, страны-соседи фактически не получили возможности войти в союз в обозримой перспективе.

Пересмотр Политики соседства ЕС в 2015 г., принятие новой Глобальной стратегии ЕС «Общее видение, единый подход: сильная Европа», представленной на саммите Европейского Совета 28 июня 2016 г.¹³² и пришедшей на смену Европейской стратегии безопасности 2003 г., отражают важный этап становления внешней политики ЕС в странах-соседях. Главная его черта заключается в усилении роли внешнеполитических интересов ЕС при формировании программных инструментов взаимодействия со странами-соседями. Это обстоятельство привело к открытому признанию

¹³¹ Communication from the Commission. European Neighbourhood Policy Strategy Paper // Commission of the European Communities. – 2004. – 5 December. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/2004_communication_from_the_commission_-_european_neighbourhood_policy_-_strategy_paper.pdf (дата обращения 10.04.2021).

¹³² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union External Action. – 2016. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения 10.04.2021).

геополитической компоненты политики ЕС в странах Южного Кавказа, в том числе в академических публикациях.

По своей сути Политика соседства ЕС схожа с программами развития, осуществляемыми международными организациями в развивающихся странах: в ней определен широкий спектр сотрудничества, объявлена цель повышения общего уровня благосостояния граждан, подняты вопросы мирного разрешения конфликтов. Для решения этих задач ЕС предлагает не конкретные антикризисные инструменты, а долгосрочное выстраивание институтов рыночной экономики и стабильной политической системы.

Как и другие страны и организации-доноры, ЕС сталкивается с типичными проблемами эффективности подобных программ. Так, Политика соседства сфокусирована на широком тематическом спектре и географии взаимодействия, но сами механизмы осуществления программы и критерии ее эффективности не до конца ясны. Т.к. потенциальные бонусы от участия в Политике соседства размыты, ее продвижение во многом зависит от заинтересованности самих стран в получении финансовых вливаний в экономику или политических выгод. Эти выгоды не всегда очевидны и достаточны для мотивации национальных правительств. Кроме того, страны с переходной экономикой становятся более автономными в выборе доноров развития¹³³, а значит, даже в вопросах проведения реформ, укрепления экономики или государственной системы страна может использовать самые разные модели, не исключая взаимодействие с ЕС.

Принцип собственной ответственности государств (в англоязычном варианте – «ownership»), объявленный ЕС одним из основополагающих во взаимодействии со странами, предполагает ответственность глав и правительств государств за масштаб и скорость предпринимаемых реформ и изменений в рамках сотрудничества. Таким образом, решение о конкретном формате взаимодействия было переложено на плечи стран-партнеров,

¹³³ Harman S. International Development in Transition // S. Harman, D. Williams // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). – 2014. – Vol. 90. – No 4. – P. 925-941.

которые скорее рассчитывали на предполагаемую выгоду сотрудничества, чем на конкретные зафиксированные в соглашении результаты взаимодействия.

С другой стороны, Глобальная стратегия ЕС¹³⁴ непосредственно определяет стратегические цели и интересы, общие позиции стран – членов ЕС по вопросам внешнеполитических взаимоотношений с другими странами. Несмотря на то, что Политика соседства ЕС не является непосредственной областью ответственности Европейской службы внешнеполитических действий, Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности обозначает в качестве приоритета пространство соседства и его ключевую роль в общей европейской стабильности.

В ноябре 2015 г. Европейская комиссия и Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности объявили о пересмотре Европейской политики соседства¹³⁵. События арабской весны, гражданская война в Сирии, кризис на Украине, рост террористической угрозы наглядно продемонстрировали, что соседствующие с ЕС страны далеки от стабильности и процветания. Сфокусированность Политики соседства на ценностях демократии не дала ответов на долговременные и глубинные политические разломы во взаимоотношениях между странами: напротив, пример Южного Кавказа демонстрирует, что политические расхождения между странами постоянно усиливались, что привело к открытому военному противостоянию в 2008 г. в Абхазии и Южной Осетии, в 2016 г. и 2020 г. – на территории непризнанной Нагорно-Карабахской республики. Вместо долгосрочных целей достижения стабильности путём демократических реформ, на которые всегда была нацелена Политика соседства в прежних

¹³⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union External Action. – 2016. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения 20.04.2021).

¹³⁵ Joint Consultation Paper. Towards a new European Neighbourhood Policy // European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/consultation/consultation.pdf> (дата обращения 20.04.2021).

своих формулировках, акцент внешней политики ЕС сместился на необходимость краткосрочных и прагматичных антикризисных решений.

Украинский кризис 2014 г. отразился и на внешней политике стран Южного Кавказа, усилив опасения государств по поводу собственного национального суверенитета и перспектив решения этнополитических конфликтов в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Политическая элита Грузии, поддерживая стратегические связи с руководством Украины, выступила в поддержку принципа территориальной целостности государств. Несмотря на осторожность во взаимоотношениях с Россией и попытки наладить экономические взаимоотношения, власти страны продолжили вектор европейской интеграции и сближения с НАТО¹³⁶. В Азербайджане возросли опасения поддержки РФ права Нагорно-Карабахской Республики на обретение независимости¹³⁷. Несмотря на длительное сотрудничество с Россией и важность экономических связей, украинский кризис выявил принципиальное несогласие Азербайджана по внешнеполитической повестке РФ, касающейся Украины. Кризис, таким образом, усложнил взаимоотношения стран региона как с ЕС, так и с Россией, заставляя страны принимать чью-то сторону на международной политической арене вопреки общей тенденции к поддержанию взаимоотношений как с Российской Федерацией, так и с ЕС.

Несмотря на прежнюю риторику о том, что Политика соседства ЕС не является геополитическим инструментом, дискурс-анализ выступлений европейских политиков и медиа демонстрирует обратное¹³⁸. Резюмируя свой визит в Москву в феврале 2021 г., Высокий представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности Жозеп Боррель отметил, что Россия и ЕС все чаще оказываются не согласны по поводу событий в общем «проблемном

¹³⁶ Kakachia K. Identity politics: Exploring Georgian foreign policy behavior // K. Kakachia, S. Minesashvili // *Journal of Eurasian Studies*. – 2015. – P. 1-10.

¹³⁷ Valiyev A. The Ukrainian Crisis and Implications for Azerbaijan // *Caucasus Analytical Digest*. – 2014. – No 67-68. – P. 11-14.

¹³⁸ Cadier D. The Geopoliticisation of the EU's Eastern Partnership / D. Cadier // *Geopolitics*. – 2019. – No 24:1. – P. 71-99.

регионе соседства»¹³⁹. Заместитель Министра иностранных дел России А.В. Грушко в своем интервью в июле 2020 г. подчеркнул, что «европейская телега стоит на одном месте» и «мяч на стороне Евросоюза»¹⁴⁰, т.к. российская сторона, предлагая инвентаризацию отношений, получает в ответ лишь новые ограничения в политическом диалоге России и ЕС.

На практике данные высказывания означают признание открытого противостояния России и ЕС на постсоветском пространстве. При этом соответствующую тенденцию можно было наблюдать и ранее: так, один из признаков геополитизации восточного и южного измерений Политики соседства ЕС – ее явный акцент на выделении близких ЕС стран в рамках обозначенных географических критериев. Такой подход практически тождествен формальному закреплению сфер влияния с единственным отличием в том, что это влияние обусловлено необходимостью помощи со стороны ЕС выбранным странам¹⁴¹.

Как следствие, Брюссель оказался неспособен объединить в устойчивую систему Политику соседства и взаимоотношения с Россией. С российской стороны возросла критика разработанного ЕС инструментария, вызвавшего череду конфликтов между Россией и ЕС. Европейские институты и официальные лица же продолжали считать разработанный инструментарий взаимодействия со странами-соседями единственно верным, хотя и признавая его ограничения в достижении поставленных изначально задач¹⁴². Фактически ЕС посредством Политики соседства и программы «Восточное партнерство» позиционировал себя в качестве конкурента России на постсоветском пространстве. Государства – члены ЕС с течением времени и

¹³⁹ My visit to Moscow and the Future of EU-Russia relations // European External Action Service. – 2021. – 7 February. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/92722/My%20visit%20to%20Moscow%20and%20the%20future%20of%20EU-Russia%20relations (дата обращения 20.04.2021).

¹⁴⁰ Интервью заместителя Министра иностранных дел России А.В. Грушко информационному агентству «Интерфакс», 16 июля 2020 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2020. – 17 июля. – URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDJs0/content/id/4238766 (дата обращения 20.04.2021).

¹⁴¹ Nitoiu C. Introduction: The Rise of Geopolitics in the EU's Approach in Its Eastern Neighbourhood / C. Nitoiu, M. Sus // Geopolitics. – 2018. – November. – P. 1-19.

¹⁴² Болгова И. «Восточное партнерство» после украинского кризиса: ценность стабильности или стабильные ценности? / И. Болгова // Современная Европа. – 2019. – №7. – С. 115-123.

в результате кризиса 2014 г. приняли конфронтацию с Россией в качестве консолидированной позиции¹⁴³, что было отражено в ходе пересмотра Политики соседства ЕС в 2015 г.

Сам процесс пересмотра Политики соседства ЕС опирался на публичные консультации, таким образом, отразив взгляды не только официальных лиц стран – членов ЕС и стран-партнеров, но и мнения экспертного сообщества, организаций гражданского общества, отдельных граждан ЕС. Консультации продлились четыре месяца, всего было получено порядка двухсот пятидесяти заявлений по поводу Политики соседства ЕС¹⁴⁴. Консультации и сбор мнений проводились в странах – членах ЕС, в странах-партнерах, включая встречу министров стран 20 апреля 2015 г. в Люксембурге в рамках программы «Восточное партнерство», а также Рижский саммит программы 21-22 мая 2015 г. Помимо этого, Европейская комиссия провела стратегический аудит использования финансовых инструментов в регионе соседства. Таким образом, был собран достаточный массив информации, позволяющий оценить эффективность Политики соседства ЕС на всех уровнях ее осуществления.

Поводом к широкому обсуждению послужила публикация Европейской комиссии «Навстречу новой политике соседства» от 4 марта 2015 г.¹⁴⁵ В ней среди факторов, влияющих на ситуацию в странах – восточных соседях ЕС, указана якобы агрессивная политика России в регионе, а также растущее внешнеполитическое расхождение между Россией и ЕС. В качестве проблемы Европейской политики соседства в документе обозначен различающийся уровень вовлечения стран-партнеров в сотрудничество с ЕС в целом и в отдельных аспектах взаимодействия.

¹⁴³ Борко Ю.А. Восточное партнерство: проект, реальность, будущее / Ю.А. Борко. – М.: ИЕ РАН, 2018. 70 с.

¹⁴⁴ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Review of the European Neighbourhood Policy // European Commission. – 2015. – URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (дата обращения 20.04.2021).

¹⁴⁵ Joint Consultation Paper. Towards a new European Neighbourhood Policy // European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/consultation/consultation.pdf> (дата обращения 20.04.2021).

Авторы документа обращают внимание на необходимость анализа интересов стран-партнеров и самого ЕС наравне с диалогом о ценностях. Сделан акцент на поиск прагматичной основы сотрудничества: в частности, в качестве ключевой сферы взаимодействия указано партнерство по мобильности, что отражает приоритеты стран-участниц. Помимо этого, выделены четыре направления, в которых ЕС планирует развивать Политику соседства: большая дифференциация сотрудничества среди партнеров; фокус на общих интересах ЕС и стран-партнеров; гибкость в использовании инструментария внешней политики ЕС, в том числе в составлении Планов действий для каждой из стран; заинтересованность и вовлеченность самих стран.

Также поставлен вопрос о необходимости большей согласованности Европейской политики соседства с Общей внешней политикой и политикой безопасности ЕС, что позволило бы применять превентивные антикризисные меры в регионах с конфликтным потенциалом. Помимо этого, включение взаимодействия с восточными соседями в непосредственно внешнеполитическую повестку способствовало бы выработке более эффективных решений для сотрудничества со странами, чье участие в Европейской политике соседства ограничено в силу разных причин, включая отсутствие достаточной мотивации.

В результате проведенного анализа был опубликован Рабочий документ, сопровождающий обращение Европейской комиссии и Высокого представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности к Европейскому парламенту, в котором были резюмированы итоги публичных консультаций¹⁴⁶. Консультации коснулись основополагающих аспектов внешней политики ЕС, включая вопрос о том, действительно ли ЕС нуждается в Политике соседства, а также в ее преимуществах перед выстраиванием двусторонних отношений с каждой отдельной страной. В рабочем документе страны – члены ЕС и Европейский парламент выступили

¹⁴⁶ Joint Staff Working Document.. Towards a new European Neighbourhood Policy // European Commission. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_staff-working-document_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

с поддержкой программы. Европейский совет в апреле 2015 г. заявил, что Европейская политика соседства играет ключевую роль для внешней политики ЕС, отражая его стратегические приоритеты и фундаментальные интересы¹⁴⁷.

Вместе с тем в ходе публичных консультаций были подняты вопросы о многих весьма критичных для Политики соседства ЕС характеристик, среди которых бюрократизированность взаимоотношений ЕС со странами-партнерами, односторонность и евроцентричность отчетов о взаимодействии, сфокусированность программы на процессуальной стороне сотрудничества (подписании соглашений, утверждении отчетов и планов действий и др.). Ресурсы и усилия, вкладываемые в подготовку множества официальных документов диспропорциональны по отношению к практически полученным результатам. Стремясь развить взаимоотношения во множестве сфер, ЕС довольствуется поверхностным взаимодействием: сотрудничеству также препятствует отсутствие в странах-партнерах функционирующих механизмов имплементации программ развития.

С другой стороны, страны – члены ЕС и академическое сообщество согласились с необходимостью всеохватывающей политики в странах-партнерах, которая сочетает дипломатическое сотрудничество с взаимодействием в области безопасности, финансов, торговли, развития, прав человека, миграции, правосудия. Рабочий документ также подчеркивает необходимость согласованности внешней и внутренней политики ЕС в сферах безопасности, миграции и энергетики.

Что касается фактора российско-европейских отношений, рабочий документ фиксирует возможность конструктивного сотрудничества с Российской Федерацией с целью предотвращения общих для России и ЕС угроз. Таким образом, пересмотр Политики соседства в ноябре 2015 г. – шаг в сторону признания существующего предела сотрудничества с

¹⁴⁷ Council conclusions on the Review of the European Neighbourhood Policy // European Council. – 2015. – 20 April. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/04/20/council-conclusions-review-european-neighbourhood-policy/> (дата обращения 10.04.2021).

соседствующими странами, важности сопоставления приоритетов всех вовлечённых сторон. Вместе с тем возможность со стороны ЕС переосмыслить отношения с такими значимыми игроками, как Россия, выработать общие механизмы стабилизации ситуации в регионе соседства была упущена. ЕС не выступил ни с какими детальными предложениями касательно вовлечения других акторов в решение региональных проблем¹⁴⁸.

Новая концепция Политики соседства повторила и расширила идеи общей декларации саммита Восточного партнёрства, прошедшего 21-22 мая 2015 г. в Риге¹⁴⁹, в которой экономическое взаимодействие привязано к соблюдению политических ценностей: ключевому значению демократии, верховенства закона, защиты прав человека и основных свобод, а также принципов и норм международного права, которые лежат не только в основе политической интеграции, но и экономического сотрудничества. Большая часть декларации посвящена мирному урегулированию конфликтов, включая Приднестровье и Нагорный Карабах. В духе этих заявлений главным политическим приоритетом программы соседства объявлена стабилизация¹⁵⁰. Однако в отсутствие конкретных механизмов и в условиях ограниченного инструментария ЕС по кризисному регулированию, стабилизация на практике зачастую выражается лишь декларативными призывами к миру, как в случае нагорнокарабахского конфликта 2020 г., где основную посредническую роль между конфликтующими сторонами продолжает играть Россия¹⁵¹.

В новой концепции авторы Политики соседства ЕС по-прежнему придерживаются логики, что стабилизация обеспечивается развитием экономического благосостояния и демократических институтов, – именно

¹⁴⁸ Blockmans S. 2015 ENP Review: A Policy in Suspended Animation / S. Blockmans // CEPS Commentary. – 2015. – 1 December.

¹⁴⁹ Joint Declaration of the Eastern Partnership summit // European Council. – 2015. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/21526/riga-declaration-220515-final.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁵⁰ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Review of the European Neighbourhood Policy // European Commission. – 2015. – URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

¹⁵¹ Айвазян А.С. Нарушение перемирия между Арменией и Азербайджаном / А.С. Айвазян // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2020. – №39. – 8 с.

они и должны способствовать в том числе мирному разрешению конфликтов. Поэтому приоритетной задачей становится повышение эффективности демократических и экономических преобразований: например, взамен существующего порядка публикации ежегодных отчётов о выполнении Политики соседства ЕС в каждой отдельной стране была введена система оценки прогресса в отношениях ЕС и партнёров, сфокусированная на конкретных целях, которые обсуждались с каждой страной в отдельности.

В последующие годы ЕС продолжил предпринимать усилия для конкретизации задач и ожидаемых результатов Политики соседства ЕС, включая ее восточное измерение, с 2009 г. представленное программой «Восточное партнерство». Поставленные цели остаются размытыми и не предполагают незамедлительных осязаемых результатов для стран-участниц. Так, рабочий документ Европейской комиссии, определяющий 20 ключевых приоритетов программы «Восточное партнерство» к 2020 г., в качестве трех первостепенных задач сотрудничества указывает большее вовлечение организаций гражданского общества в структурные реформы, следование принципу гендерного равенства и недискриминации, а также усовершенствование коммуникационной стратегии, касающейся роли самого ЕС в регионе¹⁵². Все три обозначенных приоритета указывают на то, какой образ ЕС хотел бы транслировать за пределы собственных границ, но не отражают ожиданий стран-партнеров. Остальные области сотрудничества включают меры по усилению конкурентоспособности экономик стран, улучшение инвестиционной и бизнес-среды, создание условий для торговли с ЕС, развитие выборных институтов и системы правосудия, развитие и усовершенствование энергетической инфраструктуры. Критерии эффективности осуществления программы сфокусированы на количественных, но не на качественных показателях: например, к 2020 г. ЕС

¹⁵² Joint Staff Working Document. Eastern Partnership-20 Deliverables for 2020. Focusing on key priorities and tangible results // European Commission. – 2017. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/swd_2017_300_f1_joint_staff_working_paper_en_v5_p1_940530.pdf (дата обращения 10.04.2021).

планировал осуществить 30 программ развития совместно с местными муниципалитетами в странах-партнерах, запустить три региональных проекта развития в трех странах региона, способствовать созданию 1000 фермерских объединений или кооперативов и др. В отчете по мониторингу имплементации программы от февраля 2020 г. указано, что 60 млн евро были направлены на поддержку 7250 предприятий малого и среднего бизнеса, основанных и управляемых женщинами; более 18000 предприятий малого и среднего бизнеса получили финансовую помощь со стороны ЕС; с 2016 г. более 300 местных муниципалитетов в странах «Восточного партнерства» выразили намерение разработать план локального экономического развития, и 180 из них составили предварительные варианты подобных планов¹⁵³. Отчет не предлагает какой-либо качественный анализ предпринятых вложений, однако отмечает области, в которых значительного продвижения с 2019 г. не произошло: гендерное равенство и недискриминация; стратегическая коммуникация и поддержка независимых медиа; гармонизация цифровых рынков; межрегиональная и межстрановая торговля, а также торговые взаимоотношения стран – участниц программы с ЕС; сотрудничество в сфере безопасности; диалог о визовой либерализации; реформа правосудия.

Бюрократизация процесса осуществления программы не способствует качественной оценке выполненных проектов. Вместе с тем ЕС все еще не готов заявить о возможности членства в союзе даже для стран, наиболее продвинувшихся в реализации поставленных задач. Этому препятствует отсутствие консенсуса среди стран – членов ЕС по поводу дальнейшего его расширения, а также четкого понимания о последовательности этапов взаимодействия со странами, подписавшими Соглашения об ассоциации с ЕС¹⁵⁴. Так, в 2019 г. председатель Европейского Совета Дональд Туск

¹⁵³ 20 Deliverables for 2020 Monitoring – State of Play in February 2020 // European Commission. – 2020. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/default/files/monitoring_spring_2020_20_deliverables_for_2020.pdf.

¹⁵⁴ Litra L. EU Membership Perspective for Georgia, Moldova and Ukraine: impossible, forgotten, or hidden? / L. Litra, I. Chkhikvadze // Institute of World Policy. – 2016. – 20 p.

обратился к грузинским коллегам с заявлением о том, что вступление в ЕС – процесс, не предполагающий единого плана действий, но состоящий из постепенных конкретных достижений¹⁵⁵. Официальные представители ЕС откладывают разговор о возможности его расширения. В 2017 г. председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер выступил с заявлением о том, что в ближайшие годы вопрос дальнейшего расширения ЕС не ставится¹⁵⁶, таким образом лишив страны-соседи иллюзии о возможности включения в повестку вопрос вступления в ЕС.

В 2014–2017 гг. Европейская комиссия при помощи внешних консультантов провела аудит внешних финансовых инструментов, включая оценку Европейского инструмента соседства, посредством которого происходит аллокация финансовых средств в рамках Европейской политики соседства¹⁵⁷. Финальный отчет указывает на неэффективность финансовых стимулов в процессе реформ в странах-партнерах в рамках зонтичных программ. Согласно заключению, проблема состоит в том, что ЕС судит о потребностях граждан в странах-партнерах, исходя не из глубинного анализа ситуации в стране, а опираясь на согласованный с правительством страны список необходимых реформ. Для структурных изменений важным предусловием служит анализ контекста взаимодействия и общий потенциал, а также и готовность правительственных структур к изменениям, что отсутствует в большинстве стран-партнеров. Сложность состоит и в том, что угрозы стабильности в регионе соседства и причины, их вызывающие, не относятся напрямую к сфере институционального развития. Набор теорий и инструментов, применяемых ЕС и другими международными акторами для стимулирования реформ в развивающихся странах, не позволяет учитывать

¹⁵⁵ Speech by President Donald Tusk at the Batumi International Conference // European Council. – 2019. – 11 July. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/07/11/speech-by-president-donald-tusk-at-the-batumi-international-conference/> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁵⁶ State of the Union Address 2017 // European Commission. – 2017. – 13 September. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_17_3165 (дата обращения 10.04.2021).

¹⁵⁷ Coherence Report–Insights from the External Evaluation of the External Financing Instruments // ECDPM. – 2017. – URL: <https://ecdpm.org/wp-content/uploads/Coherence-Report-EFI-EC-July-2017.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

внешние факторы, воздействующие на внутреннюю политическую ситуацию. Несмотря на то что Европейский инструмент соседства подразумевает использование краткосрочных инструментов для быстрого реагирования на кризисы, в частности, целевые фонды и специальные меры, их эффективность ограничена. Указанные инструменты позволяют в сжатые сроки реагировать на гуманитарные катастрофы (включая природные катаклизмы, наводнения, вопросы, связанные с защитой беженцев, последствия военных действий и др.), но не дают ответа на вызовы негуманитарного характера.

В целом аудит внешних финансовых инструментов показал, что различные европейские структуры (в частности, Европейская внешнеполитическая служба и Генеральный директорат по вопросам соседства и переговоров по расширению ЕС Европейской комиссии) не скоординированы в своих действиях, не проводят в достаточной мере анализ конфликтных и других рисков, и в результате не предпринимают превентивных мер для того, чтобы соответствующие угрозы не развивались в полномасштабные кризисные ситуации. Однако это связано и с общим характером Европейской политики соседства, изначально ориентированной на долгосрочный характер изменений.

Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности, вводя понятие устойчивости, акцентирует способность стран самостоятельно адаптироваться к вызовам и угрозам, признавая, что сам ЕС не способен и не может обещать защиту странам-партнерам от возникновения кризисов. Главным риском такого подхода может быть снижение финансирования программ в странах-соседях¹⁵⁸. Одной из серьезных угроз дестабилизации пространства соседства служит фактор кризиса российско-европейских отношений. Несмотря на общее признание среди российских исследователей о том, что поворот внешней политики ЕС от идеализма в сторону политического реализма может способствовать

¹⁵⁸ Wagner W. & Rosanne Anholt. Resilience as the EU Global Strategy's new leitmotif: pragmatic, problematic or promising? / W. Wagner, R. Anholt // Contemporary Security Policy. – 2016. – No 37:3. – P. 414-430.

избирательному сотрудничеству с Россией¹⁵⁹, пространство для конструктивного диалога ограничено, а отношения с соседними странами остаются областью, в которой добиться взаимодействия сложнее всего¹⁶⁰. Глобальная стратегия ЕС, таким образом, подтвердила, что союз не видит в России стратегического партнера, с которым возможно углубленное сотрудничество на основе взаимных интересов, что априори подразумевает конфликт России и ЕС на постсоветском пространстве¹⁶¹.

Политика соседства ЕС, изначально будучи программным инструментом ЕС для поддержки экономических и политических реформ в странах-соседях, прошла масштабный процесс публичных консультаций и пересмотра. Внутренний аудит показал, что использованные стимулы недостаточны для значимых структурных изменений в странах-партнерах. Существующие риски стабильности далеко не всегда соотносятся с повесткой долгосрочного институционального развития. Помимо этого, у ЕС нет ясного понимания того, каким образом следует выстраивать взаимоотношения со странами, наиболее продвинувшимися в достижении поставленных им же планов действий. Принятие принципа ответственности самих стран в выстраивании взаимоотношений с ЕС означает перекладывание решения о формате взаимодействия на страны-партнеры.

Несмотря на поворот в сторону большего прагматизма, в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. не упоминается возможность диалога между Россией и ЕС по поводу взаимоотношений с соседними странами. Открыто признавая Россию в качестве вызова внешней политике ЕС, ЕС провел разделительную линию между интеграционными проектами, способствовав фрагментации и усилению конфликтного потенциала. Таким образом, пространство маневра

¹⁵⁹ Арбатова Н.К. Глобальная стратегия ЕС 2016. Аналитический доклад / Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 33 с.

¹⁶⁰ Тимофеев И. Выборочное сотрудничество между ЕС и Россией / И. Тимофеев, З. Фишер. – М.: РСМД, 2018. – 11 с.

¹⁶¹ Danylov D. EU-Russia Relations in the Post-Soviet Space / D. Danylov // The EU Global Strategy: Implications for Russia // Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Egmont Royal Institute for International Affairs. – 2017. – С. 15-26.

для стран-соседей сократилось, а общая тенденция к геополитизации внешней политики ЕС получила новое подтверждение.

2.2. Россия и ЕС в регионе Южного Кавказа

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г., отмечает существующую конкуренцию между государствами, которая все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития¹⁶². Согласно Стратегии, Россия проводит открытую, рациональную и прагматичную внешнюю политику, исключая затратную конфронтацию, тем самым признавая приоритет интересов во взаимоотношениях с другими странами и их способность самостоятельно выбирать ту или иную модель развития. Вместе с тем в Стратегии также заявлено, что позиция коллективного Запада, направленная на противодействие интеграционным процессам и создание очагов напряженности в евразийском регионе, к которому принадлежат и страны Южного Кавказа, оказывает негативное влияние на реализацию российских национальных интересов, в числе которых закрепление за РФ статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира. Страны региона Южного Кавказа, с которыми Россию связывает многовековая историческая взаимосвязь, экономические отношения, русскоязычная культура, входят в число партнеров, которые Россия традиционно рассматривает как естественных союзников.

Развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками Содружества Независимых Государств, –

¹⁶² Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1> (дата обращения 10.04.2021).

одно из основных направлений внешней политики Российской Федерации. Партнерство также развивается посредством Организации договора о коллективной безопасности, ставящей целью противостояние региональным вызовам и угрозам, и в рамках Евразийского экономического союза.

В Стратегии национальной безопасности РФ заявлено о том, что Российская Федерация выступает за укрепление взаимовыгодного сотрудничества с европейскими государствами, Европейским союзом, за гармонизацию интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве. Вместе с тем развитие отношений ЕС со странами Южного Кавказа изначально происходило в контексте нарастающего взаимного напряжения между Россией и ЕС. Неучастие России в программе «Восточное партнёрство», о старте которой было объявлено после войны 2008 г. в Грузии и «газовой войны» зимы 2008–2009 гг. на Украине, негласно это подтверждало¹⁶³.

Замалчивание вопроса отношений стран «Восточного партнёрства» с Россией отмечалось и российской стороной. Постоянный представитель России при Европейском союзе В.А. Чижов в одном из интервью после Рижского саммита программы «Восточное партнёрство» в мае 2015 г. отмечал, что в итоговом тексте декларации Россия упомянута лишь один раз, в контексте газовых переговоров¹⁶⁴. Министр иностранных дел России С.В. Лавров в своем выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2018 г. заявил, что действия внерегиональных стран в пространстве российского соседства, направленные против российских интересов, должны пресекаться Брюсселем¹⁶⁵.

¹⁶³ Язькова А.А. ЕС и регион Южного Кавказа / А.А. Язькова // Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. – М.: Весь Мир, 2015. – С. 141-160.

¹⁶⁴ Владимир Чижов: итоги саммита «Восточного партнёрства» наши отношения с ЕС не укрепили // Информационное Агентство России ТАСС. – 2015. – 27 мая. – URL: <https://tass.ru/interviews/1998343> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁶⁵ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 17 февраля 2018 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2018. – 17 февраля. – URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/3081301 (дата обращения 10.04.2021).

Политический кризис на Украине, последовавший после подписания страной Соглашения об ассоциации с ЕС, приводится российской стороной в качестве свидетельства неспособности Евросоюза справиться с последствиями навязанного странам-соседям ультимативного выбора между Россией и Западом. На Мюнхенской конференции 2020 г. С.В. Лавров отметил, что кризис доверия особенно остро ощущается в «европейских делах», обратив внимание на продвижение военной инфраструктуры НАТО на восток, беспрецедентные по размаху учения у российских рубежей, накачку оборонных бюджетов. По словам министра, все это генерирует непредсказуемость¹⁶⁶.

В то же время Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности указывает Россию в качестве вызова миру и стабильности в Европе, а поддержание взаимоотношений с Россией – ключевым стратегическим вопросом¹⁶⁷. Принцип избирательного сотрудничества, положенный в основу внешней политики ЕС во взаимоотношениях с Россией, способствовал еще большей фрагментации региона Южного Кавказа. Вопреки надеждам и российской стороны, и государств региона на сочетание различных внешнеполитических векторов, этого фактически не происходит. Вхождение Армении в Евразийский экономический союз, несмотря на длительный процесс переговоров о подписании Соглашения об ассоциации с ЕС, не способствовало становлению платформы диалога для возможных поисков общих решений и коммуникации между Евразийским экономическим союзом и ЕС. Если ранее страна приводилась зарубежными исследователями в пример в качестве

¹⁶⁶ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на 56-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности «Глобальный беспорядок: есть ли шансы для новой повестки дня?», Мюнхен, 15 февраля 2020 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2020. – 15 февраля. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4043519 (дата обращения 10.04.2021).

¹⁶⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union External Action. – 2016. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения 10.04.2021).

первой ласточки «интеграции интеграций»¹⁶⁸, то впоследствии общая политическая риторика России и ЕС по поводу государств региона стала носить все более конфронтационный характер. В 2020 г. Европейский союз расширил санкции в отношении Российской Федерации, в ответ на это российская сторона заявила о необоснованности подобных недружественных шагов и приняла решение о расширении ответного списка представителей стран-членов и институтов ЕС, которым запрещен въезд на территорию Российской Федерации¹⁶⁹. В марте 2021 г. директор Службы внешней разведки Российской Федерации С.Е. Нарышкин в своем заявлении по поводу вмешательства США и ЕС в процесс переговоров между правящей партией Грузии и оппозицией после парламентских выборов 2020 г. указал на то, что сотрудничество с США и европейскими партнерами лишает Грузию де-факто суверенитета и возможности проводить самостоятельную политику, как на внешней арене, так и внутри собственной страны¹⁷⁰. В мае 2021 г. в ходе совместной пресс-конференции с и.о. Министра иностранных дел Республики Армения А.Г. Айвазяном Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров заявил о том, что выпады в отношении России со стороны ЕС, в том числе принятие санкций, не будут оставлены Российской Федерацией без ответа. Это послужило еще одним тревожным знаком того, что без общего видения дальнейшего политического развития стран региона полноценное сотрудничество между Россией и ЕС невозможно.

Помимо этого, признание независимости Абхазии и Южной Осетии привело к закреплению России в формальном политическом дискурсе ЕС и Грузии в качестве экзистенциальной угрозы. В отчете международной

¹⁶⁸ Delcour L. The EU's Unexpected "Ideal Neighbour"? The Perplexing Case of Armenia's Europeanisation // L. Delcour, K. Wolczuk // Journal of European Integration. – 2015. – No 37(4). – P. 491-507.

¹⁶⁹ Заявление МИД России относительно ответного российского списка представителей стран – членов ЕС и евроинститутов, которым запрещен въезд на территорию Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2020. – 23 сентября. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4349296 (дата обращения 10.04.2021).

¹⁷⁰ О подходе администрации США к ситуации в Грузии // Служба внешней разведки Российской Федерации. – 2021. – 9 марта. – URL: <http://svr.gov.ru/smi/2021/03/o-podkhode-administratsii-ssha-k-situatsii-v-gruzii.htm>.

независимой миссии по выяснению обстоятельств конфликта в Грузии во главе с Хайди Тальявини, приглашенной к расследованию Советом ЕС, установлено, что боевые действия на территории Южной Осетии и Абхазии в 2008 г. были начаты грузинской стороной, а ответная реакция Российской Федерации носила оборонительный характер¹⁷¹. Тем не менее, в высказываниях евродепутатов на заседаниях Европейского парламента, посвященных взаимоотношениям со странами, входящими в программу «Восточное партнерство», России предъявляется обвинение в прямом и косвенном вовлечении в конфликты в странах¹⁷², действия России в регионе расцениваются как атака на европейский порядок¹⁷³. Во время внеочередного заседания парламента 9 апреля 2021 г. президент Грузии Саломе Зурабишвили осудила политические силы, настроенные пророссийски, заявив, что любые сомнения по поводу политики деокупации Грузии, членства в ЕС и НАТО противоречат государственным интересам¹⁷⁴. Ее предшественник, Георгий Маргвелашвили в 2016 г., назвав Грузию новой европейской демократией, отмечал, что единственным ответом на «российскую агрессию» может стать неуклонное продолжение курса на евро-атлантическую интеграцию¹⁷⁵.

Это ключевое в грузино-российских отношениях расхождение препятствует взаимовыгодному сотрудничеству и интеграции Грузии в региональные проекты, инициированные Россией. В частности, Армения, большая часть экспорта которой проходит через грузинскую территорию,

¹⁷¹ Independent International Fact – Finding Mission on the Conflict in Georgia // European Court of Human Rights. – 2009. – September. – URL: https://www.echr.coe.int/Documents/HUDOC_38263_08_Annexes_ENG.pdf (дата обращения 10.04.2021).

¹⁷² MEPs urge Moldova, Georgia, Ukraine to pursue reform and Russia to leave // European Parliament. – 2016. – 21 January. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20160114IPR09906/meps-urge-moldova-georgia-ukraine-to-pursue-reform-and-russia-to-leave> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁷³ European Parliament calls on Russia to end occupation of Georgian territories // European Parliament. – 2018. – 14 June. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20180607IPR05245/european-parliament-calls-on-russia-to-end-occupation-of-georgian-territories> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁷⁴ The President of Georgia reporting to the Parliament at the Extraordinary Session – 2020. – 9 April. – URL: http://parliament.ge/en/saparlameto-saqmianoba/plenaruli-sxdomebi/plenaruli-sxdomebi_news/parlamentis-riggareshe-sxdomaze-qveynis-mdgomareobis-umnishvnelovanes-sakitxebze-saqartvelos-prezidenti-moxsenebit-wardga.page.htm (дата обращения 10.04.2021).

¹⁷⁵ Президент Грузии призвал Запад выступить единым фронтом против России // Коммерсантъ. – 2016. – 3 февраля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2907303> (дата обращения 10.04.2021).

оказывается в наиболее уязвимом положении, будучи членом Евразийского экономического союза: в случае кризиса российско-грузинских отношений страна может лишиться доступа к транспортной инфраструктуре. Кроме этого, через грузинскую территорию в Армению поступает российский газ, что также служит предметом манипуляций в ходе политических переговоров.

В условиях конфронтационной риторики между Россией и ЕС страны Южного Кавказа, традиционно придерживающиеся многовекторной внешней политики, сталкиваются со сложностями выстраивания дипломатической коммуникации с обоими партнерами. С одной стороны, каждая из стран тесно взаимодействует с ЕС в политической сфере; с другой стороны, Южный Кавказ и Россию связывают географическая близость, постоянный поток трудовых мигрантов из стран Южного Кавказа в РФ, изначальная ориентация экономики на российский рынок, близость к российским торговым стандартам и практикам ведения бизнеса, неформальные связи между населением. В этих условиях политическая элита стран сталкивается с проблемой обоснования внешнеполитического выбора населению страны в ходе избирательных кампаний, прибегая в том числе к аргументам об основах государственности и ценностных ориентирах.

Среди российских исследователей распространено видение региона Южного Кавказа в рамках концепта постсоветского пространства. Следуя логике постсоветской интеграции, некогда заданной Советским Союзом, общность – политическая, экономическая, социальная – до сих пор влияет и на будущее этих стран, даже в тех случаях, когда политические элиты ее отрицают и идентифицируют себя иначе. «Постсоветский» тогда означает неизбежную необходимость кооперации с Россией как бывшей метрополией и правопреемницей Советского Союза: лишь так может быть обеспечен успешный транзит от советского прошлого к постсоветскому настоящему¹⁷⁶ Проблематичность такого подхода состоит в том, что «постсоветская

¹⁷⁶ Маркедонов С.М. Постсоветское пространство: распад или сохранение? / С.М. Маркедонов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2017. – №8. – С. 9-16.

интеграция» не определяет векторов и форматов взаимодействия, в то время как бывшие республики Советского Союза развиваются по расходящимся траекториям.

Российские авторы также акцентируют внимание на тех или иных ожиданиях России и Европейского союза по реорганизации европейского пространства и по созданию новой политической системы, их соперничестве в экономической сфере, изменении общей структуры международных отношений, выстраивании отношений постсоветских государств и России вопреки интересам Запада¹⁷⁷. С этой точки зрения, поведение государств региона всегда вынужденное, они заинтересованы в сотрудничестве с внешними акторами с целью получения гарантий безопасности и стабильности.

Наравне с межгосударственными отношениями в научную повестку включается вопрос взаимодействия национальных элит, их социализации, солидарности по определенным вопросам строительства национальной государственности и расхождения по другим аспектам отношений¹⁷⁸. Тогда на выбор того или иного внешнего союзника влияет внутренняя политическая ситуация в стране, борьба различных политических сил. Таким образом, внешняя политика стран-партнеров служит целям демонстрации своей суверенности, способности так или иначе самим определять свою внутреннюю и внешнюю политику.

Наряду с этим исследователи отмечают необходимость выработки идеологической основы евразийской интеграции; важность пересмотра политики России в отношении постсоветского пространства, диверсификации подходов, формулирования национальных интересов предметно и применительно к каждой стране с учетом региональных аспектов безопасности по всему периметру внешних границ бывшего

¹⁷⁷ Сушенцов А. Инструменты политической стратегии России в Восточной Европе: экономическая взаимозависимость / А. Сушенцов, Д. Офицеров-Бельский // Современная Европа. – 2019. – №3. – С. 139-149.

¹⁷⁸ Рябов А.В. Постсоветское пространство: факторы и циклы развития / А.В. Рябов // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – № 3. – С. 67-82.

СССР¹⁷⁹. Такой подход вместе с тем должен ставить целью рост влияния России за счет привлекательности сотрудничества, а также выгод модели социально-экономического и политического развития, предлагаемой РФ. Таким образом, с одной стороны, Россия признает в качестве ведущего принципа внешней политики прагматизм¹⁸⁰, а с другой стороны, оказывается в ситуации, когда ей приходится конкурировать с западными странами в вопросах, традиционно не являющихся приоритетами во внешней политике РФ: например, высокий уровень экономического и технологического развития и возможность обмена знаниями и экспертизой с другими странами; программы гуманитарного, образовательного и научного сотрудничества. В этом случае внешнеполитический прагматизм сталкивается с необходимостью выстраивания многоуровневого взаимодействия во множестве сфер аналогично сотрудничеству ЕС с развивающимися странами, буквально пронизывающему все направления социального, политического, экономического взаимодействия.

Определенные усилия были в действительности предприняты российской стороной в сфере содействия развитию стран-партнеров. Основным документом, обосновывающим оказание технической, финансовой, гуманитарной и иной помощи странам-соседям со стороны РФ, является Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере оказания содействия международному развитию¹⁸¹. Ее декларируемая цель – устойчивое социально-экономическое развитие государств-партнеров как необходимого элемента коллективной безопасности, а нормативный базис включает в себя устав ООН. Органы федеральной власти оказывают помощь в соответствии с отдельными решениями правительства РФ, это

¹⁷⁹ Арбатова Н.К. Фактор СНГ в отношениях России и Запада: истоки конфликта / Н.К. Арбатова // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – No 8. – С. 77-87.

¹⁸⁰ Концепция внешней политики РФ // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения 10.04.2021).

¹⁸¹ Указ Президента Российской Федерации от 20.04.2014 г. № 259. Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию // Официальные сетевые ресурсы Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334> (дата обращения 10.04.2021).

взаимодействие не оформлено в программах. Основные приоритеты включают в себя преимущественно социально-экономическую повестку взаимодействия: борьбу с энергетической бедностью, укрепление национальных систем здравоохранения и социальной защиты, повышение доступности и качества образования и др. Однако в ней также упомянуто и развитие политических институтов, а именно – содействие развитию институтов демократического общества. Концепция вместе с тем ставит задачу демократизации системы международных отношений, в отличие от аналогичных программ Европейского союза, в большей степени направленных на внутренние изменения в странах.

Помимо межведомственного сотрудничества и межправительственных комиссий, Россия опосредованно участвует в деятельности организаций системы ООН, содействуя социально-экономическому развитию стран. Вместе с тем программы развития, поддерживаемые ЕС, значительно детальнее проработаны: в них определены приоритеты, разработаны действующие механизмы, они направлены на более широкий круг взаимодействия, включая не только экономическое сотрудничество, но и широкий спектр образовательных и научных программ. В то время как для ЕС поддержка институциональных реформ в странах-соседях приоритетна, для России она не первостепенна: преимущество отдано вопросам безопасности и экономического взаимодействия. Отчасти меньшая приоритетность взаимодействия в других сферах связана с восприятием стран региона как исторически, культурно и социально близких России партнеров, где необходимость подобных программ не так высока.

Россия также могла бы способствовать развитию политических и экономических институтов в странах – членах Евразийского экономического союза, в частности, в Армении – путем консультативной и финансовой помощи. Так, в рамках проекта евразийской интеграции усилилось межведомственное сотрудничество: в мае 2015 г. состоялся запуск программы технического и финансового содействия Республике Армения.

Соглашением предусматривается, что стороны будут развивать взаимодействие в сферах таможенного администрирования, санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер, статистики, промышленности, а также в построении общего информационного пространства и создании интегрированной информационной системы. Для реализации указанных мероприятий в июле 2015 г. стране оказана прямая финансовая помощь в размере 14,1 млн долларов¹⁸². Бюджет аналогичных программ со стороны ЕС существенно больше, они ставят более долгосрочные цели и охватывают больший спектр вопросов. Так, на период 2017–2020 гг. Евросоюз выделил Армении более 160 млн евро на реформы в сферах борьбы с коррупцией, государственного управления и правосудия, бизнес-среды, защиты прав человека, а также на обеспечение прозрачной и стабильной избирательной системы¹⁸³.

Концептуальная основа сотрудничества в этом случае затрагивает политическую и социально-экономическую модели развития, предлагая в качестве ориентира европейские стандарты. Данное обстоятельство мало влияет на текущую ситуацию в стране, статистику экономических контактов или интенсивность дипломатических связей, но способно воздействовать на долгосрочные процессы формирования политической нации, поиск ее идейной основы, что в отдаленной перспективе может сыграть важную роль и во внешней политике стран региона.

Можно выделить несколько причин восприятия европейского и евразийского проектов как конкурирующих для Армении: рассмотрение участия в программе «Восточное партнерство» как шага к потенциальному вступлению в ЕС и предполагаемый в связи с этим антироссийский характер программы; отсутствие каких-либо значимых экономических причин к

¹⁸² Годовой отчет за 2015 год // Министерство финансов Российской Федерации. – URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2016/05/main/Prilozhenie_1_TEKSTOVAYA_CHAST.pdf (дата обращения 10.04.2021).

¹⁸³ Programming of the European Neighbourhood Instrument (ENI) 2017–2020. Single Support Framework for EU support to Armenia // Official Web-site of the European Union. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/armenia_ssf_2017-2020_final.pdf (дата обращения 10.04.2021).

членству в Евразийском экономическом союзе, его политическая обоснованность; фактическое вступление в Евразийский экономический союз Нагорного Карабаха, не имеющего таможенной границы с Арменией, что расценивается как очередное подтверждение стратегической значимости России как гаранта безопасности Армении¹⁸⁴.

Между Россией и Арменией заключен договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Следуя закрепленным в нем договоренностям, в Армении функционируют российские военные базы, страны сотрудничают в проведении военно-технической политики, политике в сфере экспорта и импорта военных технологий и оружия. В случае вооруженного нападения на Армению стороны исходят из принципа совместной эксплуатации объектов оборонного значения¹⁸⁵. Документ, подписанный еще в 1997 г., также фиксирует важность проведения экономических реформ, углубление экономической интеграции, создание условий для формирования общего экономического пространства. Таким образом, цель широкого институционального сближения с Россией была поставлена еще при первом президенте Армении – Левоне Тер-Петросяне, подписавшем договор. В том, что Армения продолжает сотрудничество с Россией, считая ее важным стратегическим партнером, есть преемственность и тех лет, когда страна только обрела независимость.

В целях внешней политики страны: упрочнение международного авторитета Республики Армения, повышение степени её международной интегрированности, сохранение идентичности армянства¹⁸⁶. Политические деятели Армении, независимо от своих идеологических воззрений, склонны придерживаться этой повестки, подчеркивая важность мирного решения

¹⁸⁴ Минасян С. Армения держит баланс / С. Минасян // Понарс Евразия. Аналитическая записка. – 2015. – No 377. – 5 с.

¹⁸⁵ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения // Собрание законодательства Российской Федерации, №51, 1998. С. 6274. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/8306454> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁸⁶ Стратегия национальной безопасности Республика Армения // Министерство иностранных дел Республики Армения. – URL: <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

карабахского конфликта, признания армянского геноцида как преступления против человечности, используя при этом все доступные им международные каналы коммуникации и лоббирования своих интересов. С вступлением в должность премьер-министра Никола Пашиняна в общении с международными партнерами еще сильнее утвердился аргумент о том, что «Армения не будет находиться под чьим-либо влиянием», несмотря на стремление к сотрудничеству как с ЕС, так и с Россией¹⁸⁷.

Исходя из опыта Армении, не следует ожидать роста взаимодействия ЕС и Евразийского экономического союза, несмотря на то, что стране действительно удастся сочетать оба направления интеграции. Исследователи используют обозначение «разумная европеизация»¹⁸⁸, подразумевающее объединение выгод, как членства в Евразийском союзе, так и заключения обновленного соглашения с ЕС. При этом российским интересам в таком балансировании якобы ничего не угрожает: соглашение с ЕС практически не коснулось экономической сферы, теперь регламентированной в рамках членства в Евразийском экономическом союзе. Тем не менее, к этому опыту вряд ли применимо обозначение «интеграция интеграций»: оба проекта развиваются параллельно друг другу, но взаимодействия между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом не происходит. Основная причина заключается в кризисе российско-европейских отношений, отсутствии диалога по этому вопросу на уровне ведомств и политических лидеров.

Важно отметить, что вступление в интеграционные группировки для малых стран – возможность использования внешних ресурсов для модернизации политических и экономических институтов: речь идет как о консультативной помощи, так и о непосредственно финансовой поддержке в

¹⁸⁷ Пашинян назвал приоритеты внешней политики Армении // Deutsche Welle. – 2018. – 12 октября. – URL: <https://www.dw.com/ru/пашинян-назвал-приоритеты-внешней-политики-армении/a-46671030> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁸⁸ Девятков А. Ассоциация Lite: армянская версия «интеграции интеграций» // РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/assotsiatsiya-lite-armyanskaya-versiya-integratsii-integratsiy/> (дата обращения 10.04.2021).

самых разных сферах развития, включая малый и средний бизнес, систему образования, культурные связи. В долгосрочной перспективе программы ЕС в странах-соседях и евразийская интеграция как проекты политической и институциональной модернизации отличаются концептуально. Это, в частности, отражается в армянском политическом дискурсе. В публичных заявлениях армянских политиков ЕС воспринимается как драйвер модернизации, а Россия указывается как стратегический партнер и гарант безопасности. В то время как первый не обладает какими-либо существенными инструментами по обеспечению безопасности в регионе и акцентирует внимание на посреднической роли других международных организаций (как Минская группа ОБСЕ в случае карабахского конфликта), вторая не предлагает никакой программы и модели развития, полагаясь на военно-стратегическое сотрудничество и предполагаемую общность исторических судеб обеих стран¹⁸⁹.

Таким образом, в информационном поле, как внешняя политика ЕС, так и Евразийский экономический союз наделены идеологической составляющей, так или иначе создающей контекст взаимоотношений. Взаимодействие ЕС в этих рамках означает приверженность к открытости, рыночной экономике, демократическим ценностям; сотрудничество с Россией – утверждение автономности, закрытой модели экономики, консервативных социальных ценностей. У обеих этих моделей находятся как сторонники, так и противники, но вместе они вряд ли сочетаемы.

В оценке выгод от потенциального создания зоны свободной торговли между Арменией и ЕС, проведенной по инициативе Европейской комиссии до предполагаемого подписания Соглашения об ассоциации, сделан вывод о том, что экономический эффект подобного соглашения для Европейского союза минимален. Это связано с низким показателем доли Армении во

¹⁸⁹ Айвазян А.С. Нормативная сила ЕС в Армении: факторы восприятия / А.С. Айвазян, И.В. Петрова // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – No 4. – С. 91-102.

внешнеторговом балансе ЕС: менее одного процента¹⁹⁰. Тем самым основные выгоды и потери от подписания соглашения легли бы на Армению. Указанное также объясняет политическую интерпретацию проекта: мотивация ЕС в данном случае заключалась в возможности на практике доказать эффективность работы европейской модели открытого рынка и ее взаимосвязь с устойчивым развитием. Зона свободной торговли с ЕС открыла бы армянским потребителям доступ к товарам высокого качества по низкой цене, но создав при этом угрозу армянским и российским предприятиям, которые были бы вынуждены испытывать рыночную конкуренцию со стороны европейцев. Зона свободной торговли с ЕС также стимулировала бы сближение торговых стандартов, стандартов качества в Армении и ЕС. Армения, а вместе с ней и ее партнер – Россия, инициировавшая создание Евразийского экономического союза, оказались к этому не готовы и выбрали модель, ориентированную на большее государственное регулирование, защиту местных производителей, увеличение тарифов и пошлин, а вместе с ними – ожидаемых поступлений в бюджет.

С другой стороны, армянский рынок значительно менее значим для России и ЕС, чем российско-европейские торговые отношения. С этой точки зрения, взаимоотношения с Арменией и возможность определять правила игры – заявка России на региональное лидерство. Отсутствие политического диалога между двумя указанными акторами привело к дипломатическому кризису, когда армянская сторона вынужденно прервала переговоры с ЕС и сопоставляла не столько экономические факторы двух интеграционных проектов, сколько их политические аспекты. В результате ЕС оказался более гибким, чем Россия, и предложил новый формат взаимоотношений. Вместе с тем ЕС, находясь в ситуации углубляющегося кризиса российско-европейских отношений, не вступил в полноценный диалог о

¹⁹⁰ Commission services position paper on the Trade Sustainability Impact Assessment in support of negotiations of a Deep and Comprehensive Free Trade Area between the European Union and the Republic of Armenia // European Commission. – URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2014/july/tradoc_152653.pdf (дата обращения 10.04.2021).

взаимодействии проекта евразийской интеграции и Европейского союза. Тем самым Россия смогла защитить краткосрочный интерес в Армении: более благоприятный торговый режим для российских производителей и компаний. В долгосрочной перспективе и Россией, и ЕС был упущен шанс сближения торговых стандартов Евразийского экономического союза и ЕС.

Армения – единственный союзник России по ОДКБ на Южном Кавказе, что даёт ей возможность закупать российскую военную технику по внутренним ценам; в Армении также расположены две российские военные базы, в городе Гюмри и на границе с Турцией. 29 мая 2014 г. Армения присоединилась к Договору о Евразийском экономическом союзе. Следует отметить, что договор затрагивает не просто торговые отношения между странами ЕАЭС и Арменией¹⁹¹, но также стратегические для республики вопросы: например, указано, что с даты вступления Договора в силу от ввозной таможенной пошлины освобождаются товары, являющиеся продукцией военного назначения, ввоз которых в Республику Армения осуществляется в период 2015–2022 гг. для обеспечения потребностей вооружённых сил, а также товары, ввозимые на таможенную территорию Евразийского экономического союза для целей строительства и модернизации на территории Республики Армения атомной электростанции и её эксплуатации. Кроме того, для некоторых наименований продукции предусмотрены отличные от ставок ЕАЭС таможенные пошлины вплоть до 2022 г., и за Арменией сохраняется льготная цена на российский газ. Таким образом, она сохранила за собой право на адаптационный период и таможенные льготы, тем самым снизив риски вхождения в союз.

Что касается грузино-российских взаимоотношений, Россия на сегодняшний день является важным торговым партнёром для Грузии и источником инвестиций. Согласно данным национальной статистической службы Грузии, Россия входит в семерку стран, лидирующих по объёму

¹⁹¹ Договор о присоединении Республики Армения к договору о Евразийском экономическом союзе // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0007297/itia_11102014 (дата обращения 10.04.2021).

прямых иностранных инвестиций в Грузию в 2020 г.¹⁹² По показателю внешнеторгового оборота Россия заняла второе место после Азербайджана в 2018 г.¹⁹³ Отчеты Грузинской национальной статистической службы также показывают, что грузинский экспорт по-прежнему ориентирован на страны СНГ.

Наряду с Россией и ЕС Грузия продолжила усиливать сотрудничество с Турцией, Азербайджаном и Китаем, строя свои собственные региональные альянсы. Сотрудничество Баку, Тбилиси и Анкары не ограничивается энергетическими проектами: стороны взаимодействуют на уровне оборонных ведомств, в экономической, политической, гуманитарных сферах. Строится железная дорога «Баку – Тбилиси – Карс», осуществлены проекты нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан» и газопровода «Баку – Тбилиси – Эрзурум».

Несмотря на значимость России как экономического партнера, в грузинском политическом дискурсе сотрудничество с Россией рассматривается как часть травматичного прошлого. Грузинские официальные лица используют отсылку к России, обозначая разницу между «европейской семьей» и странами, к ней не принадлежащими. В то же время успех Грузии, продолжающей политику мира и диалога, демократического и экономического развития страны, европейской и евроатлантической интеграции, объясняется в том числе противостоянием России. В своих выступлениях президент Георгий Маргвелашвили подчеркивал, что Грузия заслуживает членство в ЕС и НАТО, а важнейшим его условием считал политику, отвечающую на вызовы грузино-российских отношений. Это, в свою очередь, должно было бы способствовать достижению мира и стабильности не только в странах-соседах, но и в самой России¹⁹⁴. Таким

¹⁹² Foreign Direct Investment in Georgia // GEOSTAT. – URL: <https://www.geostat.ge/media/31836/Foreign-Direct-Investments---Q1-2020-%28Preliminary%29.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁹³ External Trade of Georgia // GEOSTAT. – URL: https://www.geostat.ge/media/24973/External-Merchandise-Trade-2018_publication.pdf (дата обращения 10.04.2021).

¹⁹⁴ President Margvelashvili: We believe that Georgia deserves the EU and NATO membership // President of Georgia. – 2018. – 3 October. – URL: <https://president.gov.ge/en-US/pressamsakhuri/siakhleebi/chven-gvjera,-rom-vimsakhurebt-evrokavshirisa-da-n.aspx> (дата обращения 10.04.2021).

образом, Грузия пытается ускорить процесс интеграции с Евросоюзом, используя аргумент внешней угрозы и апеллируя к ЕС как к независимой инстанции, способной принять меры в отношении актора, не действующего в соответствии с европейскими нормами. Брюссель всецело поддерживает позицию Тбилиси, в том числе политическими заявлениями.

Несмотря на то что Азербайджан придерживается внеблоковой позиции в регионе, не присоединяясь к интеграционным группировкам, между ним и Россией сохраняются активные экономические взаимосвязи. Российские инвесторы вкладывают средства в крупные промышленные проекты в стране. Государства приняли Декларацию о дружбе и стратегическом партнерстве¹⁹⁵, в которой заявляют о взаимовыгодном и конструктивном характере двусторонних отношений, которые носят стратегический характер. Помимо этого, в Декларации подчеркнута роль Российской Федерации в обеспечении безопасности на Южном Кавказе и в Каспийском регионе, включая ключевую позицию России в качестве сопредседателя Минской группы ОБСЕ, в задачи которой входит урегулирование нагорнокарабахского конфликта на основе общепризнанных норм и принципов международного права. В этой связи для Азербайджана важна посредническая роль России и на площадке саммитов СНГ, которая используется лидерами Армении и Азербайджана в том числе для переговоров по разрешению нагорнокарабахского конфликта.

Таким образом, Россия проводит в регионе рациональную и прагматичную внешнюю политику, ориентированную на взаимные интересы стран. Вместе с тем каждая из трех стран придерживается разных моделей взаимодействия, так или иначе сохраняющих принцип многовекторности внешней политики. Армения является полноправным членом Евразийского экономического союза, СНГ и ОДКБ, сотрудничество с Россией для страны носит стратегический характер. При этом она продолжает развивать

¹⁹⁵ Декларация о дружбе и стратегическом партнерстве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией // Официальные сетевые ресурсы Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/250> (дата обращения 10.04.2021).

взаимоотношения с ЕС как донором институциональных реформ. Азербайджан придерживается позиции неприсоединения к интеграционным группировкам, сохраняя членство в СНГ. Несмотря на важность России в качестве торгового партнера, сотрудничество России с Грузией встречает множество политических препятствий, связанных с поддержкой Российской Федерацией независимости Осетии и Южной Абхазии, что в официальных заявлениях грузинских политиков расценивается как прямая угроза безопасности страны.

В условиях конфронтационной риторики между Россией и ЕС страны Южного Кавказа вынуждены выстраивать собственную дипломатическую позицию, которая позволила бы им сотрудничать с обоими акторами. Несмотря на то что области обмена технологиями, научного, гуманитарного, образовательного сотрудничества не являются для России приоритетными, именно в этих сферах интеграционным проектам, инициированным Россией, приходится конкурировать и в странах Южного Кавказа. Таким образом, внешняя политика в регионе может быть дополнена сферами сотрудничества, которые могли бы повысить привлекательность политического партнерства не только для правительств государств, но и более широких социальных слоев населения.

2.3. Взаимодействие ЕС со странами Южного Кавказа: от единообразного подхода к дифференциации

Внешняя политика Евросоюза в странах Южного Кавказа прошла несколько этапов становления. Изменения совпали с переосмыслением глобальной роли ЕС внутри самого союза. С одной стороны, за последнее десятилетие в государствах Южного Кавказа укрепились собственные представления о национальной идентичности и политических приоритетах. Несмотря на принадлежность к единому региону и изначально схожие условия вхождения в партнерство с ЕС, каждая из стран придерживается

собственной парадигмы сотрудничества. Это связано и с тем, что запрос, исходящий от политических элит соседствующих с Россией и ЕС стран, за последние десятилетия стал шире прагматических аспектов экономического и политического взаимодействия. Актуальность приобрели вопросы формирования национальной идентичности и ценностные аспекты; к власти приходят новые политические элиты, стремящиеся сформировать современный облик страны, отличный от прежнего. В этой ситуации партнёрство с различными игроками служит стимулом к обсуждению основ государственности стран региона, пересмотру устоявшихся связей и формированию собственной стратегии вхождения в международное сообщество.

Отношения ЕС с Грузией, Арменией и Азербайджаном на современном этапе можно условно обозначить тремя существующими сценариями. В случае Грузии речь идет об ассоциации с Евросоюзом – максимальной форме сближения страны-партнера с ЕС, в котором страна-партнер в краткосрочной перспективе не является кандидатом на членство в Европейском союзе, но предпринимает усилия по выполнению полного спектра требований ЕС к государственному устройству страны, принятию тех или иных практик государственного администрирования, политических, экономических и других реформ. Важным индикатором того, что страна идет по этому пути, служит открытое декларирование политическими элитами европейского пути как безальтернативного. Второй формат сотрудничества – расширенное партнерство – применим в случае отношений ЕС и Армении. Несмотря на ограниченный спектр взаимодействия ввиду участия страны в других политических и экономических союзах, политическое руководство государства стремится соблюдать основные требования ЕС, признавая важность этих отношений не только с прагматической точки зрения, но и обозначая свою приверженность европейским ценностям. И, наконец, третий сценарий, наиболее явно наблюдаемый в отношениях ЕС с Азербайджаном, основан на не вхождении страны в какие-либо политические блоки,

выполнении лишь тех требований ЕС, которые напрямую касаются государственных интересов, а также открытой критике политическим руководством принципов и ценностей внешней политики ЕС. Важно заметить, что все три указанных сценария зависимы от общей ситуации в сфере международных отношений, действий других акторов в регионе, помимо в ЕС, конкуренции между различными политическими силами в странах, изменений во внешней политике самого ЕС и др. Таким образом, ни одна из указанных моделей не является непреложной, но обозначает существующую тенденцию.

Изначально, у истоков сотрудничества, ЕС неизменно подчеркивал важность общих ценностей, разделяемых перечисленными государствами и ЕС, а также их приверженность к укреплению политических и экономических свобод. В 2003 г. Южный Кавказ был упомянут в стратегии безопасности союза «Безопасная Европа в лучшем мире»¹⁹⁶. В ней страны – члены ЕС подтверждают свой интерес в том, что государства, граничащие с союзом, должны управляться надлежащим образом. Вопрос качества управления в развивающихся странах был поднят Высоким представителем ЕС по внешней политике и политике безопасности и автором стратегии Хавьером Соланой исходя из видения, что слабая государственность и неэффективное общественное устройство представляют угрозу для европейского континента: под этим определением подразумевались нестабильные политические и общественные институты стран переходного периода, не в полной мере отражающие идеал представительной демократии. Солана призвал ЕС позаботиться о поиске решений политических проблем в этих странах: в стратегии отмечено, что ЕС должен проявить более активный интерес к государствам Южного Кавказа, которые вскоре окажутся непосредственно в пространстве европейского соседства.

¹⁹⁶ A Secure Europe in a Better World // Council of the European Union. – URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (дата обращения 10.04.2021).

Стратегия безопасности 2003 г. признавала, что ЕС создает разделительные линии, усиливая расхождение между экономическим и политическим развитием стран, входящих в союз, и государств, не являющихся членами ЕС. Расширение доступа к выгодам от экономического и политического сотрудничества в отношении восточных соседей должно было бы этому препятствовать. Планируемое вхождение в ЕС Латвии, Литвы и Польши обусловило возрастающий интерес европейских политиков к постсоветскому пространству: обретение бывшими советскими республиками независимости обозначило необходимость выстраивания новых взаимосвязей с политическим руководством этих государств.

Амбиции Европейского союза влиять на страны к востоку от ЕС, с одной стороны, связаны с необходимостью обеспечения стабильности на границах союза. Подход ЕС в выстраивании взаимоотношений с этими государствами основывается на тезисе о том, что лучшая защита европейской безопасности – мир демократических государств с развитыми политическими институтами. Следовательно, наиболее эффективный способ укрепления международного порядка – распространение норм надлежащего управления, поддержка социальных и политических реформ, борьба с коррупцией, обеспечение верховенства права и защита прав человека. Многие в этом видении обусловлено тем, что сам политический инструментарий ЕС ограничен отсутствием собственной армии, крайне неповоротливым институциональным аппаратом, сложностью принятия внешнеполитических решений и согласования единой позиции среди стран – членов ЕС.

С другой стороны, помимо намерения ЕС служить ролевой моделью для новообразовавшихся государств, интерес союза к странам Южного Кавказа был предопределен конкретными прагматическими интересами: к запуску Политики соседства ЕС активно искал способы диверсификации поставок энергоресурсов. В этом отношении регион Южного Кавказа дал бы доступ к каспийским энергоресурсам, а также возможность транзита нефти и газа из среднеазиатских стран в обход России через Грузию и Турцию.

Именно с этим связана заинтересованность ЕС в стабильности региона, а также множество инициатив по развитию энергетических инфраструктурных проектов. Среди них так и не реализованный проект газопровода «Набукко» из Ирана, а затем Туркмении и Азербайджана в страны ЕС; проект Трансанатолийского газопровода из Азербайджана через Грузию и Турцию до греческой границы; проект Южного газотранспортного коридора, который соединил бы Южнокавказский газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум с Трансанатолийским газопроводом и Трансадриатическим газопроводом, доведя азербайджанский газ через Грузию, Турцию, Грецию и Албанию до Италии.

Доля стран Южного Кавказа во внешнеторговом обороте ЕС незначительна и составляет менее одного процента¹⁹⁷. Статистические показатели внешней торговли Армении, Грузии и Азербайджана с ЕС вместе с тем демонстрируют значительный вес стран – членов ЕС во внешнеторговом обороте государств региона. Так, доля стран – членов ЕС во внешнеторговом обороте Армении в 2019 г. составила порядка 20%, Азербайджана – 36,7%, аналогичный показатель в Грузии за тот же период – 23%¹⁹⁸.

В январе–феврале 2020 г. товарооборот Армении и ЕС снизился на 1,9% по сравнению с аналогичным показателем предыдущего года¹⁹⁹. Падение связано с повышением тарифов и пошлин в рамках членства Армении в Евразийском экономическом союзе, с большей переориентацией Армении на торговые взаимоотношения с Россией, а также с появлением других региональных акторов на армянском рынке, в особенности, Китая. ЕС импортирует из Армении цветные металлы, текстиль, минеральное сырье, драгоценные камни, продукты питания, напитки, табак. Экспорт в Армению из ЕС состоит из машин и оборудования, транспортных средств, химической продукции и др.

¹⁹⁷ Countries and regions // European Commission. – 2021. – URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/> (дата обращения 10.04.2021).

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Экспорт и импорт товаров // Статистический комитет Республики Армения. – URL: https://www.armstat.am/file/article/sv_01_20r_411.pdf (дата обращения 10.04.2021).

Доля ЕС во внешнеторговом обороте Грузии в 2019 г. не превысила аналогичного показателя для стран СНГ, достигшего отметки в 33,7% за тот же период. Лидирующими торговыми партнёрами Грузии остаются Турция, Азербайджан и Россия²⁰⁰. В ЕС Грузия экспортирует минеральные продукты, сельскохозяйственную продукцию, медную руду. Ключевые категории импорта из ЕС – минеральные продукты, машины и производственное оборудование, химическая продукция.

Из всех стран региона Азербайджан наиболее важный для ЕС партнер в энергетической сфере. В страны ЕС в 2019 г. был направлен 51% азербайджанского экспорта, доля ЕС в импорте страны в тот же год составила 16%. Следует ожидать, что с ростом экспорта азербайджанских нефти и газа в Европу эти показатели возрастут²⁰¹. Разведка и разработка нефтегазовых месторождений Каспийского региона способствовала повышению интереса ЕС к строительству необходимой инфраструктуры и диверсификации поставок энергоносителей.

Вызовом сотрудничеству ЕС с Арменией, Грузией и Азербайджаном служит и усиливающаяся тенденция к росту конфликтного потенциала. Страны региона активно наращивают вооружение. Азербайджан по данным 2019 г. входил в число тридцати крупнейших импортеров оружия в мире²⁰². Армения и Азербайджан в 2020 г. были указаны среди десяти наиболее милитаризованных стран мира по данным глобального индекса милитаризации, разрабатываемого Международным центром конверсии в Бонне²⁰³. Индекс учитывает соотношение военных расходов и ВВП страны, а также показатель объема закупаемого тяжелого вооружения в расчете на душу населения. Эти показатели демонстрируют готовность сторон

²⁰⁰ External trade of Georgia. 2019 // National Statistics Office of Georgia. – URL: https://www.geostat.ge/media/32463/External-Merchandise-Trade-2019_publication-2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁰¹ European Union. Trade in Goods with Azerbaijan // Directorate-General for trade. – URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_azerbaijan_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁰² SIPRI Fact Sheet. March 2020 // Stockholm International Peace Research Institute. – URL: https://sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁰³ Global Militarisation Index 2019 // Bonn International Center for Conversion. – URL: https://www.bicc.de/uploads/tx_bicctools/BICC_GMI_2019_EN.pdf (дата обращения 10.04.2021).

возобновить военные действия в зоне конфликта в том случае, если ресурс сдерживания будет исчерпан. Проблема заключается и в том, что даже если конфликт заморожен, эффект соперничества – наращивание военной мощи в расчете на убедительную силовую угрозу сопернику – продолжает действовать. В этом случае основной целью сторон становится не дать противнику добиться быстрого и значительного военного успеха до того, как международные посредники потребуют прекратить боевые действия²⁰⁴. В 2016 г. между странами произошло масштабное военное столкновение, 2020 г. стал печально известен второй карабахской войной.

Наличие замороженных конфликтов в регионе – одно из основных препятствий развитию региональных интеграционных программ. Из-за конфликта в Нагорном Карабахе между Арменией и Азербайджаном отсутствовали какие-либо экономические отношения. Правила зоны свободной торговли Грузии и ЕС в реальности не распространяются на продукцию из Южной Осетии и Абхазии. Согласно статье 429 Соглашения об ассоциации Грузии и ЕС, действие соглашения должно распространиться на регионы Абхазии и Цхинвальский район / Южную Осетию, неконтролируемые правительством Грузии, как только Грузия сможет обеспечить полное осуществление соглашения или части IV о торговле и относящихся к торговле вопросах на всей территории государства²⁰⁵. Таким образом, целые географические области оказываются отрезаны от интеграционных процессов. ЕС не может существенно влиять на решение конфликтов. Тем не менее, угрожая странам репутационным уроном, потерей места в европейском сообществе государств, а также выгод от сотрудничества с Европейским союзом, ЕС в странах Южного Кавказа всегда претендовал и на роль миротворческой силы.

²⁰⁴ Болгова И. Работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? / И.В. Болгова, Н.Ю. Силаев // Сравнительная политика. – 2019. – No 4. – С. 133-154.

²⁰⁵ Association agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part // Official Journal of the European Union. – 2014. – 13 August. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(02)) (дата обращения 10.04.2021).

Внешняя политика ЕС в регионе предполагает взаимосвязь демократизации стран-соседей и снижение риска конфликтного потенциала. Этому до сих пор не произошло: наоборот, за последние годы конфликтный потенциал лишь возрос. Отчасти это связано с комплексностью процессов государственного строительства стран общего соседства России и ЕС. Так, в случае Армении и Азербайджана вопрос решения нагорнокарабахского конфликта неотделим от вопросов национального самоопределения, он играет важнейшую роль в позиционировании стран на международной арене. Бóльшая открытость и активное участие этих стран в процессах европейской интеграции ведёт к большей общественной дискуссии вокруг конфликтного региона. Касательно внешней политики ЕС это означает необходимость пересмотра качества демократических реформ, их основ, мотивации стран-партнёров к их осуществлению.

Особое значение во всех инфраструктурных и транспортных проектах ЕС в регионе приобретают Азербайджан и Грузия: ранее Армения, ввиду наличия территориального конфликта с Азербайджаном, не имела возможности участвовать в такого рода региональных инициативах. В 2021 г. азербайджанская сторона ожидает открытия коридора на территории Армении, который должен обеспечить доступ в автономную республику Нахичевань и связать Азербайджан с Турцией, и, таким образом, Россию с Турцией²⁰⁶. Сохранение мира между Арменией и Азербайджаном означает также стабильность будущих поставок энергоносителей в ЕС.

На фоне общей региональной нестабильности во всех трех странах проходят значимые политические и конституционные изменения. Конституционный референдум, прошедший в Армении в 2015 г., запустил процесс перехода страны к парламентской республике. В ходе мирных протестов 2018 г., последовавших после выборов премьер-министра страны, произошла смена власти: правящая Республиканская партия потеряла свой

²⁰⁶ Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. Ильхам Алиев провел пресс-конференцию для представителей местных и зарубежных СМИ // Президент Республики Азербайджан. – 2021. – 26 февраля. – URL: <https://ru.president.az/articles/50738> (дата обращения 10.04.2021).

политический вес. В Грузии переход к парламентской республике был начат в 2010 г., однако конституционные реформы, касающиеся избирательных процессов, баланса политических сил в стране продолжились вплоть до 2020 г. Конституционные референдумы в 2009 и 2016 гг. в Азербайджане проявили общую тенденцию к укреплению президентской власти. Как правило, ЕС трактует политические процессы в Армении и Грузии как постепенный переход к репрезентативной демократии и европейским нормам. В резолюции Парламентской ассамблеи Евронест от апреля 2020 г.²⁰⁷, резюмирующей итоги десятилетия программы «Восточное партнерство» в Армении, Азербайджане, Грузии, Молдове и на Украине, указано, что Армения – единственная страна, перешедшая от гибридного режима к демократии в результате событий 2018 г. Таким образом, Армения, наряду с Грузией, была включена в «Стратегию Трио плюс 2030», нацеленную на углубление интеграции со странами, продемонстрировавшими приверженность к демократическому режиму правления, европейским стандартам и нормам.

По словам члена Европейской комиссии по расширению и Политике соседства ЕС Йоханнеса Хана, «ЕС должен быть умнее в экспорте стабильности, иначе он будет экспортировать нестабильность»²⁰⁸, а стратегия должна стать олицетворением обновленного подхода. Вместе с тем резолюция 2020 г. Парламентской ассамблеи Евронест обозначает «Стратегию Трио 2030» в качестве геополитического инструмента ЕС, таким образом вводя дифференциацию между странами-партнерами на основе характеристик политических режимов. Подобный подход усилил тенденцию к разделению стран на сторонников европейской демократии (в регионе Южного Кавказа это Армения и Грузия) и партнеров, которые не преследуют цели сближения с европейскими политическими ценностями (среди таковых

²⁰⁷ Resolution by the Euronest Parliamentary Assembly on the future of the Trio Plus Strategy 2030: building a future of Eastern Partnership // Official Journal of the European Union. – 2020. – 24 April. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22020P0424\(05\)&rid=1](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22020P0424(05)&rid=1) (дата обращения 10.04.2021).

²⁰⁸ Там же.

и Азербайджан). Помимо этого, парламентарии открыто заявили о том, что страны «Восточного партнерства», в особенности те из них, которые выражают желание вступить в ЕС, вынуждены мириться с растущей угрозой со стороны Кремля, препятствующего их успеху в сообществе европейских стран. Более того, авторы резолюции отмечают, что лишь путь европейской интеграции приведет государства региона к Европе «целостной, свободной и мирной».

Эволюцию подхода ЕС к странам региона можно проследить по общей риторике соглашений с Арменией, Грузией и Азербайджаном в течение двух десятилетий отношений. Сотрудничество ЕС со странами Южного Кавказа начало развиваться после распада Советского Союза. В 1996 г. ЕС подписал идентичные Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Арменией²⁰⁹, Грузией²¹⁰ и Азербайджаном²¹¹, которые вступили в силу в 1999 г. Текст соглашений включает в себя общие принципы и положения, касающиеся политического диалога, торговли, бизнеса и инвестирования, сотрудничества в законодательной сфере, экономических реформ. Соглашение с каждой из трех стран устанавливало задачи сотрудничества, включая обеспечение необходимых для политического диалога рамок; содействие консолидации демократии и переходу к рыночной экономике в стране-партнере, развитие торговли и инвестирования; гармонизацию экономических связей, поддержку устойчивого экономического развития; обеспечение основы для законодательного, экономического, социального, финансового, научного, технологического и культурного партнерства. Соглашения охватывают

²⁰⁹ Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // Official Journal of the European Union. – 1999. – 9 September. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_partnership_and_cooperation_agreement_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²¹⁰ Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Georgia, of the other part // Official Journal of the European Union. – 1999. – 4 August. – URL: <https://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?step=0&redirect=true&treatyId=188> (дата обращения 10.04.2021).

²¹¹ Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Azerbaijan, of the other part // Official Journal of the European Union. – 1999. – 17 September. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:21999A0917\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:21999A0917(01)) (дата обращения 10.04.2021).

множество тематических направлений, они не сфокусированы на конкретных областях. Многоуровневый и всеохватывающий характер типичен для договоренностей с ЕС: тем самым ЕС демонстрирует важность выхода взаимодействия за рамки формального политического диалога и включения в него как можно большего числа игроков и представителей частного бизнеса, гражданского общества, образования и др. Формирующаяся в итоге сеть взаимосвязей охватывает практически все сферы социального взаимодействия.

Соглашения 1996 г. определили критерий принадлежности к европейскому сообществу, которым служит приверженность демократическому режиму правления. Статья 5 соглашений уточняет цель политического диалога стран с ЕС, которая состоит в усилении взаимосвязи страны-партнера не только со странами – членами ЕС, но и общим сообществом демократических государств. В ней отмечается, что экономическое сотрудничество должно привести к интенсификации политических связей, а также сближению позиций по международным вопросам, что в итоге усилит региональную стабильность. Общая логика сведения долгосрочной стабильности к внутреннему политическому устройству государств сохраняется до сих пор: такой подход упрощает взгляд на вопросы безопасности в странах, нивелируя внешние риски и факторы. Главное негативное следствие применения этой модели заключается в том, что у ЕС нет ответа на вопрос, каким образом сохранить стабильность в регионе, где политическая элита стран может согласиться следовать в определенной степени ценностям демократического правления внутри страны, но не транслировать их во внешнюю политику.

Несмотря на то что само определение следования демократическим ценностям размыто и не предполагает конкретных критериев оценки, соглашения 1996 г. включают возможные формы сотрудничества в этой сфере. Так, статья 68 определяет форматы и направления сотрудничества в рамках поддержки демократии и защиты прав человека. В ней указано, что

подобное взаимодействие может быть осуществлено в форме содействия в составлении законодательных актов и нормативных положений, применении указанных законодательных решений, обеспечении должного функционирования правосудия и избирательной системы. Таким образом, изначально был сделан акцент на формальное заимствование законодательных норм, но не на обмен соответствующими практиками их осуществления.

Важной чертой договоренностей со странами-партнерами служит принцип многосторонности²¹²: ЕС подчеркивает приверженность правовым основам международного порядка, выработанным в сотрудничестве с другими государствами и международными организациями. Каждое из соглашений ссылается на международное законодательство и институты, включая ООН и ОБСЕ, тем самым указывая на легитимность ЕС как актора, устанавливающего нормы для других стран.

Таким образом, соглашения 1996 г., заключенные ЕС с Арменией, Грузией и Азербайджаном, показали заинтересованность ЕС в присутствии в регионе, создав правовую базу для широкого круга взаимодействия, включая не только политическое сотрудничество, но и кооперацию в самых разных областях. В них ЕС утвердил приоритет демократизации как основного критерия предоставления внешнего финансирования странам, однако его точное определение осталось нераскрытым. Таким образом, было создано пространство для множественных интерпретаций того, какой должна быть требуемая демократия и каковы точные бонусы от следования демократической модели. Тем не менее, от Армении, Грузии и Азербайджана европейская сторона ожидала адаптации европейского законодательства, преимущественно касающегося сферы правосудия и избирательного законодательства. Так или иначе, эти шаги были предприняты, но соглашения никак не коснулись их практической имплементации, что впоследствии вызвало критику в применении поверхностных мер.

²¹² Стрежнева М.В. Приверженность Евросоюза принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – No 2. – С. 3-30.

Соглашения 1996 г. вводят понятие «новых независимых государств», не получившее распространения в России: новыми для Российской Федерации эти государства не являлись, а сотрудничество с ними продолжалось в рамках давно сложившихся взаимосвязей. Пользуясь этим определением, международные институты смогли отойти от исторически сложившегося образа региона как части постсоветского пространства к концепции, акцентирующей внимание на возможности образования новой государственности. Термин характерен для стран и организаций – доноров, иницирующих различные программы содействия реформам в развивающихся государствах, нуждающихся во внешнем финансировании. Т.к. доноры заинтересованы в долгосрочном росте уровня жизни в странах-реципиентах и долговременном эффекте от осуществляемых реформ, важным аспектом взаимодействия является поиск экономических и политических моделей, способствующих развитию. Этой логике следуют и программы, инициированные ЕС – Политика соседства ЕС, «Восточное партнерство» и др.

Проблематичность взаимоотношений донор-реципиент заключается в том, что развивающиеся страны не всегда заинтересованы в глубокой интеграции: видя угрозу своему суверенитету в политике примыкания, с каждым новым шагом к сотрудничеству они исчерпывают ресурсы сближения²¹³. Вместе с тем приверженность таких стран к тому или иному политическому партнерству сигнализирует внешнему миру об успешности предложенной модели взаимодействия таким образом превращая их в пространство конкуренции глобальных акторов.

Инициированная ЕС в 2009 г. программа «Восточное партнерство», куда помимо Грузии, Армении и Азербайджана вошли Украина, Молдова и Беларусь, предполагала подписание всеми этими странами Соглашения об ассоциации с ЕС, которое означало форму политического и экономического

²¹³ Скриба А. Балансирование малых и средних государств / А. Скриба // Международные процессы. – 2014. – Т. 12. – № 4. – С. 88-100.

сближения без перспективы вхождения в союз. В 2010 г., несмотря на расхождения в интересах Армении, Грузии и Азербайджана, ЕС инициировал переговоры с руководством стран. Саммит в рамках программы «Восточное партнерство» в Вильнюсе 2013 г. продемонстрировал провал идеи о линейном пути сотрудничества каждой из стран с Европейским союзом: в то время как Грузия парафировала Соглашение об ассоциации, Азербайджан отказался от его подписания, заявив о желании подготовить документ, более адекватно отвечающий уровню отношений и сотрудничества с Евросоюзом²¹⁴. Несмотря на длительную подготовку к подписанию соглашения, незадолго до саммита Армения заявила о вступлении в Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана: присоединение к указанной интеграционной группировке сделало невозможным ассоциацию с ЕС в связи с обязательствами Армении, взятыми в рамках Таможенного союза, а также различающимися принципами и нормами торгового и таможенного регулирования.

Грузия подписала Соглашение об ассоциации в 2014 г.²¹⁵ Важное его отличие – прямое заявление о европейском выборе Грузии. Такого положения нет в Соглашении об углубленном и расширенном партнерстве Армении и ЕС, однако в случае с Грузией ЕС претендует на эксклюзивность партнерства. В соглашении констатируется, что его положения могут быть приняты к осуществлению на всей территории Грузии, таким образом не исключая возможность распространения его действия и на конфликтные территории в случае возвращения Грузией контроля над ними. В документе устанавливается намерение ЕС внести вклад в политическое, социально-экономическое и институциональное развитие Грузии. Вместе с тем уже в преамбуле соглашения отмечена важность участия Грузии в проекте

²¹⁴ Баку предлагает ЕС подписать соглашение о партнерстве // РИА Новости. – 2013. – 25 ноября. – URL: <https://ria.ru/20131125/979541410.html> (дата обращения 10.04.2021).

²¹⁵ Association agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part // Official Journal of the European Union. – 2014. – 13 August. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(02)) (дата обращения 10.04.2021).

«Южный газовый коридор», строительства соответствующей инфраструктуры, необходимой для транзита природного газа из Азербайджана через Грузию в Турцию и далее в европейские страны, правового сближения в энергетической сфере.

В качестве целей политического диалога Грузии и ЕС указаны: углубление политической ассоциации и усиление политического сближения, продвижение принципов территориальной целостности, суверенности и независимости, мирное разрешение конфликтов, международная стабильность и безопасность, усиление сотрудничества и диалога между сторонами, в особенности с целью противостояния глобальным и региональным вызовам и ключевым угрозам.

Соглашение об ассоциации с ЕС также подразумевает принятие Грузией некоторых позиций ЕС во внешней политике, что, однако, никак не свидетельствует о росте её вовлечения в обсуждение внешнеполитических вопросов внутри союза. Так, отчёт по выполнению Соглашения об ассоциации в 2018 г. свидетельствует о том, что Грузия согласовала свою позицию с 31 из 58 деклараций ЕС и решений Европейского совета, к которым она была приглашена присоединиться²¹⁶. Отчёт не уточняет, каких именно вопросов касаются декларации. Вместе с тем ЕС продолжает в официальных документах рассматривать ситуацию в Абхазии и Южной Осетии как конфликт между Россией и Грузией, что противоречит видению российской стороны, признающей Абхазию и Южную Осетию в качестве независимых государств.

Что касается экономической части ассоциации Грузии с ЕС, согласно статье 26 с вступлением Соглашения об ассоциации в силу, все таможенные пошлины на импорт упраздняются. Однако на определенные группы товаров, импортируемые в ЕС, импортные пошлины все же были сохранены, при этом из них вычитывается адвалорный компонент пошлины, установленный в

²¹⁶ Report on the implementation of the EU Association Agreement with Georgia // European Parliament. – 2018. – 15 August. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0320_EN.pdf (дата обращения 10.04.2021).

процентах к таможенной стоимости облагаемых товаров. Среди таких товарных категорий: томаты, огурцы, артишоки, цукини, апельсины, мандарины, цитрусовые гибриды, лимоны, виноград, яблоки, груши, персики, нектарины, сливы, виноградный сок, а также виноградное сусло, служащее основой для изготовления вин. Это сельскохозяйственная продукция, составляющая основу грузинского экспорта за рубеж. Эта отрасль достаточно конкурентна для того, чтобы быть представленной на европейском рынке, но именно она в соглашении подвержена наибольшему регулированию.

Помимо этого, на товары сельскохозяйственной отрасли, включая свежую продукцию и результаты ее переработки, распространяются антидемпинговые меры, что зафиксировано в статье 27 соглашения. Среди них мясные и молочные продукты, крупы, грибы, солод, крахмал, сахар, отруби, сигареты. Для них установлены средние ежегодные значения импорта из Грузии в ЕС, в случае достижения которых ЕС может прекратить режим наибольшего благоприятствования для этих категорий экспорта из Грузии.

Статья 36 соглашения не запрещает Грузии вступать в какие-либо иные таможенные союзы и экономические соглашения с другими странами в том случае, когда это не противоречит установленным в рамках ассоциации с ЕС правилам. Тем не менее, ассоциация с ЕС потребует от Грузии создания множества регулирующих органов. Так, стране предстоит масштабный процесс адаптации к грузинскому праву европейских стандартов, технических регламентов, систем измерения и т.п., а также создание отдельных институций для законодательного регулирования конкретных сфер и поддержания диалога по этому поводу с ЕС, что зафиксировано в статьях 46, 47 соглашения.

Отдельным вопросом становится информирование бизнес-сообщества по поводу постоянно обновляющихся правил игр в ситуации правовой неопределенности. Авторы соглашения дают ответ в статье 68, заявляя о том, что все правовые процедуры должны быть прозрачны, доступны, и к каждой

из них должно быть приведено обоснование необходимости их принятия, по поводу каждого изменения должны проводиться публичные консультации.

Дальнейшие статьи касаются вопросов либерализации рынка транспортных услуг, электронной коммерции, регулирования прав на интеллектуальную собственность, свободного движения капитала, включая прямые инвестиции и приобретение недвижимости.

Отчет Европейского парламента о реализации Соглашения об ассоциации Грузией от 2020 г.²¹⁷ зафиксировал, что либерализация торговли в Грузии происходит быстрее, чем на Украине и в Молдове, тем не менее, европейские технические стандарты обременительны для небольших грузинских сельскохозяйственных предприятий. В отчете отмечены трудности в достижении энергетической эффективности и адаптации правил ЕС в этой сфере. Вместе с тем в некоторых областях Грузия предприняла упреждающие меры, приняв европейское законодательство, к примеру, в сфере информационной безопасности, чего Соглашение об ассоциации не требовало.

В отчете также указаны результаты структурных консультаций по поводу будущей инициативы «Восточное партнерство». Так, 31 октября 2019 г. правительство Грузии направило Европейской комиссии свои предложения по поводу дальнейшего развития взаимоотношений. Среди них: постепенная и полная интеграция в единый европейский рынок, членство Грузии в Центрально-европейской ассоциации свободной торговли, вступление Грузии в единое европейское платежное пространство, интеграция в единый рынок цифровых услуг, стратегические партнерства с европейскими ВУЗами, заключение соглашения о взаимном признании профессиональных квалификаций и др. Несмотря на то что реакция европейской стороны не приведена, в случае выполнения всех предложений

²¹⁷ Association agreement between the EU and Georgia. European Implementation Assessment// European Parliament. – 2020. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/642820/EPRS_STU\(2020\)642820_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/642820/EPRS_STU(2020)642820_EN.pdf) (дата обращения 10.04.2021).

Грузия бы фактически приблизилась к статусу страны – члена ЕС. Столь высокий уровень ожиданий ставит ЕС в сложную ситуацию: когда страна-партнер требует особого отношения, ЕС вынужден каждый раз подкреплять его стимулирующими мерами, либо приводить веские причины отсутствия прогресса. В отчете о реализации Соглашения об ассоциации заявлено о том, что грузинское правительство и население Грузии воспринимают членство в ЕС как закономерный исход сотрудничества. В документе, подготовленном в 2019 г. Грузинским фондом стратегических и международных исследований для консультативного органа ЕС – Европейского социально-экономического комитета – указано, что отсутствие «европейской перспективы» даже для наиболее приверженных идее евроинтеграции стран-партнеров препятствует реформам и консолидации общества по поводу приоритета взаимодействия с ЕС и создает почву для евроскептических настроений²¹⁸.

Стоит отметить и то, что Грузия самостоятельно инициировала подписание соглашений о создании зон свободной торговли с другими странами, в том числе с Китаем и Индией. Авторы отчета предполагают, что это должно способствовать становлению Грузии в качестве торгового моста между ЕС и азиатскими странами. С другой стороны, это также свидетельствует о том, что руководство государства предпочитает диверсифицировать набор внешнеполитических предложений и продолжает стратегическое сотрудничество с другими акторами, одновременно декларируя принципиальную приверженность европейскому вектору.

В отчете Европейской комиссии от 2020 г. приведена статистика за первые десять месяцев 2019 г., касающаяся торговых взаимоотношений Грузии и ЕС²¹⁹. Вопреки столь обширному пакету реформ, призванных интенсифицировать торговлю, и отмеченному в отчете росту грузинской

²¹⁸ 10 years of Eastern Partnership from Georgian perspective // European Economic and Social Committee. – 2019. – 18 September. – URL: <https://www.eesc.europa.eu/en/documents/report/10-years-eastern-partnership-georgian-perspective> (дата обращения 10.04.2021).

²¹⁹ Joint staff working document. Association implementation report on Georgia // European Commission. – 2020. – 6 February. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/1_en_document_travail_service_conjoint_part1_v4.pdf (дата обращения 10.04.2021).

экономики, торговый оборот между Грузией и ЕС сократился на 4% по сравнению с тем же периодом в 2018 г. В то время как европейский экспорт в Грузию сохранил свои значения, импорт грузинских товаров в ЕС упал на 15%. С одной стороны, ЕС предоставляет Грузии средства на программы развития малого и среднего бизнеса, отдельных отраслей экономики, с другой – забюрократизированность процесса выхода на европейский рынок не приносит пользы обоим игрокам, в особенности учитывая значимую роль Турции и Китая в грузинской экономике.

Значительная часть грузино-европейских отношений – прямая макрофинансовая помощь и кредиты Грузии. В рамках программы в период с 2017 по 2020 гг. ЕС предоставил Грузии 45 млн евро, а 134 млн евро были выделены на реформы в сферах управления государственными финансами, на обеспечение верховенства закона и дальнейшую подготовку к исполнению Соглашения об ассоциации. Результатами подписания Соглашения об ассоциации стала отмена виз для граждан Грузии (случай краткосрочных визитов в ЕС) с марта 2017 г.²²⁰

Таким образом, Грузия осуществляет собственную многовекторную внешнюю политику, выстраивая взаимосвязи не только с ЕС, но и со странами региона. Несмотря на декларирование цели интеграции с ЕС и предпринятые шаги по сближению норм и правил в торговой сфере, грузинский экспорт в ЕС падает. Для его роста не созданы соответствующие стимулы: наоборот, некоторые отдельные сферы торговли оказались зарегулированы, включая сельское хозяйство. Хотя ЕС в целом признает прогресс страны в продвижении к европейским нормам, включая их политическое измерение, высокие ожидания руководства Грузии от процесса европейской интеграции в перспективе ставят вопрос о том, в чем заключена стратегическая цель взаимодействия Грузии и ЕС, если перспектива членства не является предметом переговоров.

²²⁰ Там же.

Несмотря на длительный дипломатический кризис во взаимоотношениях с ЕС, 24 ноября 2017 г. в Брюсселе в рамках саммита Восточного партнерства Армения подписала Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Европейским союзом²²¹. В свете дискуссии о конфликте интересов России и ЕС в регионе, последовавшей после отказа Армении подписать Соглашение об ассоциации с ЕС в ноябре 2013 г. и вхождения страны в Евразийский экономический союз, это событие было воспринято сторонами как позитивный шаг. Событие должно было символизировать возможность сотрудничества с ЕС и в условиях ограниченной мотивации страны-партнера к вовлечению в процесс интеграции. Армения, таким образом, осталась настойчива в традиции многовекторности. Формат соглашения был адаптирован к реальным возможностям партнера, тем самым продемонстрировав, что Политика соседства ЕС более не стремится к созданию однообразного экономического и политического «европейского» пространства вокруг самого союза. Наоборот, ЕС стал учитывать нюансы и особенности ситуации в отдельных регионах и странах.

Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Европейским союзом повторяет Соглашение об ассоциации в его политической части, но исключает положения о создании зоны свободной торговли между Арменией и ЕС. С экономической точки зрения, интеграция с европейским рынком для Армении была бы так же целесообразна, как и с российским. Тем не менее, от первого Армения отказалась в пользу второго. Статистический комитет Республики Армении приводил следующие данные о торговом обороте страны в 2013 г.: экспорт из Армении в ЕС составлял 494211,4 тысяч долларов, тот же показатель для России равнялся 334125,7

²²¹ Council Decision on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // European Commission. – 2017. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52017JC0037&from=EN> (дата обращения 10.04.2021).

тысячам долларов²²². В тот же период Армения импортировала из ЕС товары и услуги, оцениваемые в 1159143,3 тысяч долларов, а из России – 1025159,7 долларов²²³.

Формально полномочия по согласованию таможенных тарифов и пошлин с ЕС перешли к Евразийской экономической комиссии. Армения, будучи членом ВТО, вступила в переговоры со странами-партнерами о компенсациях за увеличение таможенных сборов. Фактически армянская экономика переориентировалась с либеральной модели открытого рынка с низкими тарифными ставками на более закрытую по отношению к большинству своих торговых партнеров. Это, во-первых, защитило армянских производителей от роста конкуренции с европейскими фирмами, а во-вторых, избавило Армению от политических рисков партнерства с ЕС в обход стратегически значимого сотрудничества с Россией в военно-политической сфере.

Подписывая соглашение с ЕС, Армения тем не менее не отказалась от предлагаемой ЕС политической модели, которая включает в себя широкую модернизационную повестку по обеспечению прозрачности регулирования государственных институтов, независимости правосудия, стабильности избирательной системы, поддержке малого и среднего бизнеса. Одним из шагов к повышению эффективности мониторинга осуществления Соглашения стало создание платформы гражданского общества, состоящей из армянских и европейских НКО. В соглашении есть и отдельная глава об экономическом диалоге, в которой говорится о проведении реформ по обеспечению независимости Центрального банка страны, стабильности цен, поддержании платежного баланса, реформах в сфере налогообложения, создании благоприятного климата для развития малого и среднего бизнеса. С этой целью стороны планируют вести регулярный диалог об экономической ситуации в стране, стратегии экономического развития и др.

²²² Foreign trade of the Republic of Armenia 2010-2013 // Armstat. – 2014. – URL: https://www.armstat.am/file/article/ft_2nish_2014_3.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²²³ Там же.

В отличие от Евразийского экономического союза, сотрудничество с которым Армения продолжила, философия соглашений ЕС со странами соседства предполагает не просто стандартизацию таможенных пошлин и правил, но и структурное изменение политической и экономической систем. Несмотря на то, что между Арменией и ЕС нет договоренности о создании зоны свободной торговли, бóльшая часть соглашения посвящена сотрудничеству в торговой сфере, призванному улучшить общие условия для ведения торговой деятельности как армянских, так и иностранных предприятий. Соглашение подчеркивает, что ЕС и Армения должны способствовать процессу экономических реформ путем улучшения понимания основ функционирования экономики и исполнения экономической политики. Республика Армения должна предпринять шаги по развитию эффективной рыночной экономики и постепенному приближению экономических, финансовых правил и политик к практикам ЕС. ЕС окажет Армении поддержку в осуществлении макроэкономической политики, включая обеспечение независимости Центрального банка, стабильности цен, устойчивости государственного бюджета, а также стабильного режима обмена валюты. Стороны договорились о сотрудничестве с целью обеспечения надлежащего управления в сфере таможенного регулирования. Речь идет об обеспечении прозрачности, обмене информацией и справедливой налоговой конкуренции. В сфере энергетической безопасности Армения взяла на себя обязательство сближения законодательства с европейским в сфере торговли нефтепродуктами, электричеством, а также в сфере ядерной безопасности. Соглашение отдельно касается промышленной политики и политики в сфере поддержки малого и среднего бизнеса, которые должны базироваться на соответствующих нормах и правилах ЕС.

Соглашение подразумевает либерализацию торговли услугами: в нем предусмотрена возможность двусторонней торговли во множестве секторов экономики, включая лизинговые, консалтинговые, инженерные, финансовые, транспортные услуги, которые армянские компании смогут оказывать на

территории ЕС, а европейские компании – на территории Армении. В некоторых сферах, где не подразумевается активное сотрудничество, предполагается обмен информацией, например, в сфере горнодобывающей промышленности.

Преамбула соглашения подчеркивает приверженность партнеров к ценностям равного партнерства в рамках Европейской политики соседства. В нем отдельно указано, что усиление демократии и рыночной экономики взаимосвязано с мирным разрешением конфликтов. Тем самым демократические реформы в Республике Армения должны способствовать стабильности во всем регионе. Это также признается одной из целей соглашения.

ЕС, таким образом, не удалось изменить доминирующий в Армении политический курс²²⁴; немалую роль в этом сыграла и затянутость переговоров по подписанию Соглашения о расширенном и всеобъемлющем партнерстве с Арменией и еще большая неопределенность в отношении его реализации и конкретных дальнейших шагов²²⁵.

Таким образом, Армения выбрала модель сотрудничества с ЕС, которая не противоречила бы ее стратегическим интересам в условиях изменчивой политической ситуации в регионе и высоких рисков возобновления военных действий в зоне нагорнокарабахского конфликта. Тем не менее страна сохранила дипломатические контакты с ЕС и согласилась на принятие европейских практик, как в сфере государственного регулирования, так и в сфере экономики, поддержав повестку о модернизации существующей институциональной структуры и получая внешнее финансирование, которого в обратном случае она бы лишилась.

Неудачи саммита «Восточного партнерства» 2013 г. в Вильнюсе сказались и на взаимоотношениях Азербайджана и ЕС. Действенность

²²⁴ Terzyan A. Bringing Armenia Closer to Europe? Challenges to the EU-Armenia Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement Implementation / A. Terzyan // Romanian Journal of European Affairs. – 2019. – Vol. 19. – No 1. – P. 97-110.

²²⁵ Kostanyan H. EU-Armenian Relations: Charting a Fresh Course / H. Kostanyan, R. Giragosyan // CEPS Research Report. – 2017. – No 14. – 32 p.

существующих форматов взаимоотношений не раз подвергалась азербайджанской стороной критике. Более того, до 2015 г. они практически не функционировали. С 2012 по 2016 гг. встречи Комитета парламентского сотрудничества не проводились. Комитет – единственный двусторонний формат взаимоотношений на правительственном и парламентском уровнях. На первом же заседании после пятилетнего перерыва депутаты отметили неэффективность парламентского сотрудничества, предубеждение ЕС по отношению к Азербайджану, неинформированность ЕС о нагорнокарабахском конфликте²²⁶. Скепсис азербайджанской стороны сопровождался заявлениями с негативной оценкой со стороны европейских партнёров по поводу предпринимаемых в стране реформ и общей политической ситуации. В 2016 г. Венецианская комиссия Совета Европы раскритиковала конституционную реформу в Азербайджане. Комиссия подготовила предварительный комментарий, основываясь на неофициальном переводе текста конституционных поправок: в финальном документе указано, что азербайджанская сторона не смогла его предоставить, у Комиссии также не было возможности консультации с представителями власти. В заключении указано, что конституционные поправки не были вынесены на обсуждение в парламент страны до голосования на референдуме, наибольшей критике было подвергнуто продление полномочий президента страны²²⁷. В 2017 г. Азербайджан оказался на грани исключения из Совета Европы из-за невыполнения решения ЕСПЧ об освобождении оппозиционера Ильгара Мамедова²²⁸. Настойчивая критика со стороны ЕС лишь усилила ответную реакцию Азербайджана, политическая элита которого в публичных выступлениях подвергла сомнению качество

²²⁶ EU-Azerbaijan Parliamentary Cooperation Committee Fifteen Meeting // European Parliament. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-ministerial-meetings/2018/02/09/> (дата обращения 10.04.2021).

²²⁷ Azerbaijan Preliminary Opinion on the Draft Modifications to the Constitution // Venice Commission. – URL: https://www.venice.coe.int/web_forms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI%282016%29010-e (дата обращения 10.04.2021).

²²⁸ Азербайджан может быть исключён из Совета Европы // ИА REGNUM. – 2017. – 26 сентября. – URL: <https://regnum.ru/news/2326901.html> (дата обращения 10.04.2021).

политических процессов в самом ЕС: кризис интеграции, сложности взаимодействия с мусульманским миром. Несмотря на перечисленные сложности взаимоотношений, переговоры по поводу заключения нового соглашения между Азербайджаном и ЕС были начаты в 2017 г. Тогда же Азербайджан предложил свой вариант договора о сотрудничестве, создав прецедент, когда страна-партнёр сама предлагает формат взаимодействия. Инициатива азербайджанской стороны в подписании соглашения была позитивно воспринята ЕС, т.к. отвечала общему требованию Политики соседства о большей вовлеченности страны-партнера.

Тем не менее ЕС не прекратил негативную критику Азербайджана в вопросах следования демократическим нормам и верховенству закона. В конечном итоге, действия ЕС оказались разнонаправленными: с одной стороны, европейские политики говорили о важности ценностных ориентиров, а с другой – на практике ЕС претворял в жизнь прагматичную политику по обеспечению, прежде всего, энергетических интересов стран-членов. Это подорвало роль ЕС в качестве глобального актора, формирующего особое политическое пространство вокруг себя, основанное на ценностях демократии и свободы.

В 2006 г. Азербайджан и ЕС подписали Меморандум о взаимопонимании по стратегическому партнёрству в энергетической сфере. В нём, в частности, говорится о гармонизации законодательства в сфере энергетики и интеграции энергетического рынка Азербайджана в европейский²²⁹. Тем не менее, Азербайджан лишь декларативно выразил приверженность ценностям открытого рынка. На практике дерегулирование и снижение тарифов представляют угрозу монополизированной экономике страны, что, наравне с отсутствием членства в ВТО, послужило основанием для неподписания Соглашения об углублённой и всеобъемлющей зоне

²²⁹ Memorandum of understanding om a strategic partnership // European Parliament. – 2006. – URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/dsca/dv/dsca_20130321_14/dsca_20130321_14en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

свободной торговли с ЕС²³⁰. В 2013 г. Азербайджан и ЕС все-таки заключили соглашение о поставке газа в Европу с 2019 г. из месторождения Шах Дениз II. Инвестиции со стороны ЕС в строительство необходимой инфраструктуры составили 18 миллиардов евро²³¹. В июне 2018 г. был открыт Трансанатолийский газопровод, ведущий из Азербайджана в Грецию через Турцию. Коммерческие поставки по газопроводу начались в 2020 г.

Планируемое к подписанию новое соглашение о сотрудничестве должно стать политической основой уже существующих стратегически важных для обеих сторон взаимосвязей. Тем не менее, вызывает сомнение способность Азербайджана выполнить все внешние и внутренние обязательства по поставкам природного газа. Во избежание подобной ситуации в 2017 г. Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики заключила договор с ПАО «Газпром» на поставку 1,6 миллиардов кубометров российского газа ежегодно²³², вновь подтвердив стремление Азербайджана к многовекторности во внешнеполитических и внешнеэкономических отношениях. В 2018 г. Азербайджан и ЕС договорились о приоритетах сотрудничества на 2018–2020 гг., включающих сферы надлежущего управления, верховенства закона и прав человека, диалога с гражданским обществом, борьбы с коррупцией и др. В качестве одного из них специально указано вхождение Азербайджана в ВТО²³³. Таким образом ЕС попытался вновь привлечь внимание партнера к необходимости включения во взаимодействие традиционной повестки о проведении демократических реформ, однако прагматические интересы в этом случае явно опережали развитие диалога в этой сфере.

²³⁰ Merabishvili G. The EU and Azerbaijan: Game on for a More Normative Policy? / G. Merabishvili // CEPS Policy Brief. – 2015. – No 329.

²³¹ Gas from Azerbaijan: Commission welcomes final investment decision to extract gas pledged for Europe // European Commission. – 2013. – 17 December. – URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-1271_en.htm.

²³² «Газпром» возобновляет поставки газа в Азербайджан // Газпром. – 2017. – URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2017/november/article381879/> (дата обращения 10.04.2021).

²³³ Recommendation No 1/2018 of the EU-Azerbaijan Cooperation Council of 28 September 2018 on the EU-Azerbaijan Partnership Priorities // Official Journal of the European Union. – 2018. – 24 October. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ%3AL%3A2018%3A265%3A0018%3A0022%3AEN%3APDF> (дата обращения 10.04.2021).

Среди всех стран региона Азербайджан оказался актором, обладающим значимыми инструментами влияния на развитие взаимоотношений даже при несоблюдении политических критериев. Период до возможного подписания обновленного соглашения наиболее важен для продвижения ценностей демократии и прав человека, так как он предоставляет ЕС шанс усилить нормативную основу своей внешней политики в Азербайджане, связав стратегическое сотрудничество с соблюдением демократических норм. На этом настаивал и Европейский парламент: в 2018 году были приняты соответствующие рекомендации²³⁴. В них затронуты вопросы борьбы с коррупцией, обеспечения основополагающих прав и свобод, включая свободу СМИ и свободу собраний. Кроме того, парламентарии настаивали на исключении возможности какого-либо условного или частичного вступления соглашения в силу без соответствующего одобрения всех европейских структур. Подписание соглашения в этом случае утвердило бы тенденцию к геополитизации ЕС в странах-соседях, преобладании стратегических интересов над ценностной повесткой союза. Однако потребность ЕС в диверсификации энергопоставок напрямую взаимосвязана с вопросом кризиса взаимоотношений с Россией и необходимостью наращивания собственных «геополитических мускулов».

Вместе с тем, отдавая предпочтение наращиванию собственного влияния в регионе, ЕС будет вынужден сместить акцент и в других сферах взаимоотношений: так, на данный момент его влияние в сфере безопасности в регионе существенно ограничено. Вопрос решения нагорнокарабахского конфликта – наиболее острый для Азербайджана, в котором он сотрудничает с Россией. Это выражается как в поставках вооружения в Азербайджан, так и в ключевой роли России в Минской группе ОБСЕ и её посреднической роли в организации переговоров конфликтующих сторон.

²³⁴ Report on a European Parliament recommendation to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on the negotiations on the EU-Azerbaijan Comprehensive Agreement // European Parliament. – 2018. – 23 May. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0185_EN.pdf (дата обращения 10.04.2021).

Кроме того, взаимодействие со странами, непосредственно соседствующими с РФ, вряд ли возможно без обновления форматов коммуникации с Россией и Евразийским союзом: даже в ситуации кризиса российско-европейских отношений страны общего соседства России и ЕС склонны самостоятельно выстраивать отношения с обоими акторами.

Резюмируя, подход ЕС к странам Южного Кавказа претерпел значимые изменения. Во многом они обусловлены реакцией самих стран на внешнюю политику ЕС. В этом отношении Южный Кавказ представлен тремя моделями взаимодействия с ЕС. Грузинский путь европейской интеграции состоит в максимальном сближении с европейскими политическими, торговыми, социальными нормами и стандартами. Армения балансирует между сотрудничеством с ЕС и членством в Евразийском экономическом союзе, отказавшись от подписания соглашения о создании зоны свободной торговли с ЕС, но сохранив взаимодействие во всех ранее развивающихся направлениях. Азербайджан же представляет наибольший интерес для ЕС в силу возможности диверсификации поставок энергоресурсов. Вместе с тем ситуация с защитой демократических прав и свобод в стране вызывает регулярную критику европейских структур: Азербайджан наименее склонен из всех трех стран региона принять европейскую модель развития как возможный политический сценарий. Власти страны инициировали заключение соглашения на собственных условиях: общий поворот внешней политики ЕС к большему прагматизму, казалось бы, должен способствовать его подписанию. Однако для ЕС это будет означать снижение значимости ценностной основы сотрудничества.

Таким образом, ЕС столкнулся с несколькими вызовами. Во-первых, привлекательность сотрудничества с ЕС в едином формате не всегда очевидна для стран-соседей: каждая из них об этом давала понять, вынуждая ЕС адаптировать собственные инструменты под запрос второй стороны. Во-вторых, способность государств-партнеров к маневрированию между различными политическими союзами оказалась достаточно высока:

например, в случае Азербайджана страна-партнер смогла выступить с собственными условиями взаимодействия. Армении, в свою очередь, удалось сохранить членство в Евразийском экономическом союзе и партнерство с ЕС вопреки нарастающему кризису в российско-европейских отношениях. Принимая различия в форматах выстраивания взаимоотношений с каждой из стран, ЕС вместе с тем не отказывается от следования изначальным ценностям сотрудничества: построения сообщества демократических государств, мирного решения конфликтов. Сложность видится в сочетании взаимных выгод и сохранении общего позиционирования ЕС в качестве глобальной силы, транслирующей определенные политические ценности.

Выводы к главе 2

Предложение ЕС, адресованное южнокавказским государствам в рамках Политики соседства ЕС и программы «Восточное партнерство», основывается на модели модернизации, которая обобщает опыт стран-членов ЕС в построении рыночной экономики и демократии. Оно подразумевает беспрецедентно широкий спектр сотрудничества. Для решения этих задач ЕС предлагает странам-партнерам не конкретные антикризисные инструменты, а долгосрочное выстраивание институтов в отсутствие перспективы членства в ЕС. Это обстоятельство значительно усложняет продвижение ценностей ЕС посредством внешнеполитических инструментов.

Помимо намерения ЕС служить ролевой моделью для Армении, Грузии и Азербайджана, интерес Европейского союза к исследуемым странам был предопределен конкретными прагматическими интересами по обеспечению энергетической безопасности европейских стран и доступа к Каспийскому региону.

Страны с переходной экономикой становятся автономны в выборе доноров развития и внешнеполитических партнерств, как в вопросах

проведения реформ, так и в сфере развития торговых отношений. Страны Южного Кавказа отдают предпочтение многовекторной политике, даже когда декларируют эксклюзивность партнерства с ЕС, как это показывает случай Грузии.

Сфокусированность политики соседства на ценностях демократии не дала ответов на глубинные противоречия во взаимоотношениях между странами: за последнее десятилетие в регионе Южного Кавказа не прекратились военные столкновения. Помимо этого, закрепились тенденции противостояния России и ЕС.

Поставленные Политикой соседства ЕС цели сотрудничества остаются размытыми. Форматы сотрудничества, предлагаемые ЕС, игнорируют внешнеполитические риски. Комплексность процессов государственного строительства в южнокавказских странах, их привязка к этнополитическим конфликтам служат препятствием глубинным изменениям в ходе поддерживаемых ЕС программ. Относительно внешней политики ЕС это означает необходимость пересмотра качества демократических реформ, их основ, мотивации стран-партнёров к их осуществлению. Опыт стран Южного Кавказа также демонстрирует, что политическая элита стран может согласиться следовать в определенной степени ценностям демократического правления внутри страны, что, однако, не способствует мирному решению конфликтов.

Россия проводит внешнюю политику в регионе, основанную на рациональных и прагматичных интересах сторон. Тем не менее, позиция ЕС и США воспринимается руководством страны как оказывающая негативное влияние на реализацию российских национальных интересов на Южном Кавказе. Возможная роль стран Южного Кавказа как платформы для диалога России и ЕС представляется возможной лишь в случае общего видения обоих акторов по поводу дальнейшего политического развития стран региона.

Приняв различия в форматах выстраивания взаимоотношений с каждой из стран, ЕС сделал выбор в пользу большего приоритета прагматических

интересов. Однако это не обозначило его окончательный переход в роль геополитического актора: во-первых, во внешней политике ЕС все еще имеют большое значение нормативные установки; во-вторых, ЕС не обладает достаточным внешнеполитическим инструментарием для достижения этой цели.

ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЕС И СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА

3.1. Роль ЕС в продвижении демократических реформ в странах Южного Кавказа

В этом разделе диссертации поставлен вопрос о практике проведения демократических реформ, ее результатах и ограничениях в рамках партнерства ЕС со странами Южного Кавказа.

Становление демократии – цель выстраивания отношений ЕС с Арменией, Грузией и Азербайджаном, закрепленная в договоренностях с 1996 г. Именно тогда южнокавказские государства подписали идентичные Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, в отдельной главе которых содержались положения о сотрудничестве в сфере демократии и прав человека²³⁵. Авторы соглашения подчеркивали в качестве приоритетов верховенство закона, уважение прав человека, прав меньшинств, установление многопартийной системы со свободными и демократическими выборами²³⁶.

²³⁵ Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // Official Journal of the European Union. – 1999. – 9 September. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_partnership_and_cooperation_agreement_en.pdf (дата обращения 30.01.2021); Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Georgia, of the other part // Official Journal of the European Union. – 1999. – 4 August. – URL: <https://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?step=0&redirect=true&treatyId=188> (дата обращения 30.01.2021); Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Azerbaijan, of the other part // Official Journal of the European Union. – 1999. – 17 September. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:21999A0917\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:21999A0917(01)) (дата обращения 30.01.2021).

²³⁶ Там же.

В соглашениях, подписанных Арменией и Грузией после вступления в программу «Восточное партнерство», стороны уделяли внимание развитию демократии в подпунктах разделов о реформах государственных институтов. В ст. 4 Соглашения о всеобъемлющем и расширенном сотрудничестве ЕС с Арменией цель развития, укрепления стабильности и эффективности демократических институтов и верховенства закона указана в качестве одного из направлений внутренних реформ²³⁷. В соглашении не уточняется понятие «демократии» либо механизм, посредством которого демократические институты должны развиваться.

Несмотря на подчеркнутую важность демократии в преамбуле Соглашения об ассоциации Грузии с ЕС, множество разделов и статей о секторальном сотрудничестве, реформах в отдельных сферах прописаны гораздо подробнее²³⁸. В документе подчеркивается, что ЕС основан на ценностях демократии, уважения прав человека и фундаментальных свобод, что служит основой политической ассоциации и экономической интеграции. В ст. 4 соглашения указано, что стороны намерены сотрудничать в развитии и усилении стабильности и эффективности демократических институтов и верховенства закона, что связано в том числе с дальнейшим прогрессом в реформировании сферы правосудия и законодательства, государственного управления, борьбой с коррупцией²³⁹. Демократическое развитие также упоминают в ст. 8 соглашения в контексте региональной стабильности и мирного разрешения конфликтов.

Продвижение в сфере демократии – один из основных критериев, используемых Европейским союзом при принятии решений о выделении средств на развитие сотрудничества с третьими странами. Один из главных

²³⁷ Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // European Commission. – 2017. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52017JC0037> (дата обращения 30.01.2021).

²³⁸ Айвазян А.С. Роль ЕС в продвижении демократических реформ в странах Южного Кавказа / А.С. Айвазян // *Общественные науки и современность*. – 2021. – №1. – С. 132-144.

²³⁹ Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part // *Official Journal of the European Union*. – 2014. – 13 August. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(02)) (дата обращения 30.01.2021).

показателей приверженности страны демократическому развитию – заявления политических лидеров о выборе пути сотрудничества с ЕС как основного, а также подписание соответствующих соглашений. Автор ставит в разделе исследовательский вопрос: что именно подразумевается под демократическими реформами, каким образом осуществлялось данное направление партнерства со странами Южного Кавказа, каков достигнутый результат и его ограничения.

Определение демократии применимо к политическим режимам, закрепленным в разных странах. В академических публикациях, к примеру, различают российскую модель суверенной демократии, либерально-демократическую модель США, социально-либеральную модель ЕС²⁴⁰. Выход Великобритании из ЕС способствовал разделению британской демократической модели и демократии континентальной Европы²⁴¹. Говорить о единой европейской демократической политической модели становится затруднительно ввиду существования целого спектра понятий демократии.

Разделение на условно демократичный Запад и недемократичные развивающиеся страны в академических публикациях часто подвергаются критике. Один из выдвигаемых аргументов состоит в том, что будущее демократии более не сводится лишь к тому, насколько Запад способен продвигать свое видение о либеральном порядке. На эту роль претендуют и другие игроки. Так, например, это было свойственно внешней политике Турции во время событий арабской весны; содействие развитию оказывает и Индия, предоставляя помощь на проекты по мониторингу выборов в таких странах, как Египет, Ливия, Намибия и ЮАР²⁴². С другой стороны, утрата доверия к политикам, политическим партиям и институтам – глобальный

²⁴⁰ Oskanian K. Security and Democracy in the Caucasus / K. Oskanian, D. Averre // CASCADE Exploring the Security-Democracy Nexus in the Caucasus. Work Package 2. – March 2016.

²⁴¹ Буторина О. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции / О. Буторина // Современная Европа. – 2020. – No 2. – С. 20-32.

²⁴² Youngs R. Upholding Democracy in a Post-Western Order // R. Youngs // Carnegie Endowment for International Peace. – 2019. – 1 Feb. – 25 p.

тренд, наблюдаемый и в западных странах вследствие обращения к демократическим идеям политических сил самого разного толка²⁴³. Усиливающаяся полицентричность мира размывает основы либеральной модели мироустройства, растет множественность моделей развития государства²⁴⁴.

Вместе с тем страны Южного Кавказа развивают партнерские отношения и с Россией. Таким образом, у государств Южного Кавказа складываются стратегические партнерства, основанные как на идейных предпочтениях политических элит, так и на прагматичных интересах стран.

Исследователи обозначают государства Южного Кавказа как гибридные режимы, в которых сосуществуют формальные признаки демократического правления и неформальные практики, свойственные авторитаризму. Модели политического развития стран региона так или иначе сочетают в себе смешанные формы: например, в отношении Армении использовался термин «конкурентный авторитаризм»²⁴⁵, Грузии – «медленно зреющая демократия»²⁴⁶, термин «полуавторитаризм» свойственен публикациям, в которых речь идет об Азербайджане²⁴⁷. Политические преобразования во всех этих странах отличает сохранение авторитарных тенденций при одновременном сближении с Западом в самых разных сферах взаимодействия, включая правовую. Проблема заключается в том, что само по себе функционирование политических институтов, избирательной системы не означает переход к демократическому режиму правления. Для исследовательской повестки актуален вопрос определения критериев эффективности демократических реформ, используемых ЕС.

²⁴³ Gómez del Valle Ruiz A. Slow Death of Western Democracy / A. Gómez del Valle Ruiz // *Journal of International Affairs*. – 2017. – Vol. 71, No 1. – P. 161-174.

²⁴⁴ Неймарк М. Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза / М. Неймарк // *Современная Европа*. – 2018. – No 1. – С. 26-35.

²⁴⁵ Babayan N. A Global Trend EU-style: Democracy Promotion in “Fragile” and Conflict-Affected South Caucasus / N. Babayan // *Global Policy*. – 2016. – Vol. 7, Is. 2. – P. 217-225.

²⁴⁶ Delcour L. The EU’s Unexpected “Ideal Neighbour”? The Perplexing Case of Armenia’s Europeanisation // L. Delcour, K. Wolczuk // *Journal of European Integration*. – 2015. – 37(4):1. – P. 1-17.

²⁴⁷ Gulyiev F. Post-Soviet Azerbaijan: Transition to Sultanistic Semiauthoritarianism? / F. Gulyiev // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-soviet Democratization*. – 2005. – P. 393-435.

Подходы к определению качества демократических режимов различны: исследователи рассматривают саму процедуру демократического процесса (его управляемость, методы, сроки); структурные характеристики, содержательную часть и идейную основу демократических преобразований; оценки конечных потребителей – граждан, у которых есть возможность подвергнуть критике действия правительства и публично выразить собственное мнение о легитимности правления²⁴⁸. За годы взаимодействия со странами Южного Кавказа ЕС сместил фокус демократических реформ с изменений в правящей структуре государств к используемым административным практикам в государственном управлении, например, в сфере финансов и права. Соответственно, в отчетах о сотрудничестве последних лет с Арменией, Грузией, Азербайджаном Европейский союз особо выделяет защиту прав и свобод индивида и отдельных социальных групп. К сообществам, которые ЕС выделяет как уязвимые и нуждающиеся в правовой защите, относятся гендерные и сексуальные меньшинства, национальные меньшинства, люди с ограниченными возможностями, дети. Для традиционных обществ южнокавказских государств особенно болезненным оказался вопрос вынесения прав гендерных и сексуальных меньшинств на политический уровень. Резонансным стало выступление трансгендерной женщины в армянском парламенте в 2019 г. при обсуждении реформ судебной системы, после чего в ее адрес со стороны парламентариев начали поступать жесткая критика и угрозы²⁴⁹. Грузинская патриархия утвердила «День святости семьи» в ответ на акции в поддержку ЛГБТ сообщества²⁵⁰.

²⁴⁸ Морлино Л. Как оценивать демократию? Какие существуют варианты / Л. Морлино, Л.-Г. Карли // докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1-4 апр. 2014 г. / пер. с англ.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 35 с.

²⁴⁹ Выступление трансгендера в парламенте Армении вызвало резонанс в соцсетях // Кавказский узел. – 2019. – 7 апреля. – URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/333976/> (дата обращения 10.04.2021).

²⁵⁰ Священнослужители проведут автомобильное шествие в Тбилиси на «День святости семьи» // Эхо Кавказа. 2020. – 16 мая. – URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30615939.html> (дата обращения 10.04.2021).

Внимание к вопросам индивидуальных прав и свобод сделало отдельного гражданина точкой отсчета успеха или неуспеха демократических реформ²⁵¹. Такой подход отвечает общему тренду развития концепции «человеческой безопасности» в международном сотрудничестве, заложенному в том числе и в Заключительном акте Хельсинского соглашения, обозначающему военно-политическое, экономическое и «человеческое» измерения как имеющие одинаковую значимость²⁵². Однако в южнокавказских обществах подход ЕС часть политических сил восприняла как несправедливую позитивную дискриминацию отдельных групп, критерии обозначения которых навязаны извне.

Традиционные подходы к распространению демократии подразумевают использование рычагов воздействия на правящие элиты (*leverage* – англ.), либо привязку сотрудничества к результатам реформ (*linkage* – англ.)²⁵³. Во втором случае становление демократии происходит в условиях социально-экономического развития и международного обмена, что, несомненно, было актуально для стран, образовавшихся после распада СССР и находящихся в поиске успешных практик государственного управления. Программы взаимодействия доноров реформ с развивающимися странами имеют широкий масштаб и нацелены на поддержку целого спектра направлений сотрудничества, включая сферу образования, инициативы гражданского общества, экономику и др.

Использование рычагов взаимодействия, наоборот, сфокусировано на роли правящих элит в изменении политических режимов. В этом случае ЕС воздействует на политические элиты, предлагая им определенные выгоды партнерства, как например, членство страны в союзе. В своем сотрудничестве со странами Южного Кавказа ЕС часто прибегает к

²⁵¹ Badalyan T. The Perceived Rationale, Variegated Institutional Take and Impact of the EU's Human Rights Policy in Armenia and Georgia / T. Badalyan, S. Vasilyan // *Journal of Contemporary European Studies*. – No 28:4. – P. 514-529.

²⁵² Paris R. Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? / R. Paris // *International Security*. – 2001. – Vol. 26, No 2. – P. 87-102.

²⁵³ Levitsky S. Linkage versus Leverage. Rethinking the International Dimension of Regime Change // S. Levitsky, A. Lucan Way // *Comparative Politics*. – July 2006. – Vol. 38, No 4. – P. 379-400.

декларативным методам, выражая то или иное мнение по поводу политической ситуации внутри страны и в регионе: в первую очередь, потому что выбор рычагов воздействия очень ограничен, а самый главный стимул к реформам – членство в ЕС – отсутствует в партнерстве с Арменией, Грузией и Азербайджаном.

С расширением программ развития, поддерживаемых ЕС, получил широкое распространение термин «надлежащее управление» (good governance – англ.). Это понятие, в русскоязычных источниках чаще используемое в отношении эффективности государственного управления, обозначает заимствование моделей и практик – принципов прозрачности, подотчетности государственных органов гражданам стран и др. – в ходе взаимодействия различных административных структур, но не непосредственную смену политических режимов²⁵⁴. В то время как такой подход не ставит целью коренную реформу политических институтов, этот путь подготавливает правовую основу для демократического правления и создает предпосылки для перехода к демократии.

В 2006 г. Комиссия ЕС предложила в сотрудничестве с третьими странами перенести акцент со смены политических режимов на распространение практик надлежащего управления, а именно: более прозрачные, подотчетные гражданам практики государственного управления, большую вовлеченность населения в процесс принятия решений даже в авторитарных странах²⁵⁵. В сообщении Европейской комиссии подчеркнута важность эффективного государственного управления в широком значении, включая не только борьбу с коррупцией, но и доступ к здравоохранению, образованию, правосудию, плюрализм в СМИ, функционирование парламента, управление государственными финансами и природными ресурсами.

²⁵⁴ Lavenex S. Models of EU Democracy Promotion: From Leverage to Governance / S. Lavenex // In book: Democracy Promotion by Functional Cooperation. – 2015. – P. 10-24.

²⁵⁵ Governance in the European Consensus on Development. Towards a Harmonised Approach within the European Union // European Commission. – 2006. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/summary/EN/r13012> (дата обращения 10.04.2021).

В 2012 г. Комиссия ЕС выпустила Сообщение «Корни демократии и устойчивого развития – взаимодействие Европы с гражданским обществом во внешних отношениях»²⁵⁶. В результате во взаимодействии ЕС с развивающимися странами появился новый субъект – гражданское общество. В документе именно оно названо важнейшим компонентом демократической системы, включающим в себя все негосударственные и некоммерческие структуры, не принадлежащие к какой-либо политической партии и носящие ненасильственный характер, при помощи которых люди самоорганизуются для достижения общих задач и идеалов, включая политические, культурные, социальные или экономические. В цели институтов гражданского общества, по мнению Европейской комиссии, входят социальный прогресс и фундаментальные ценности мира, свободы, равных прав и человеческого достоинства. Комиссия обозначила три конкретных направления по работе с подобными организациями в странах-партнерах: создание благоприятной среды для соответствующих организаций, значимое участие гражданского общества во внутренней политике стран-партнеров и международных процессах; усиление его способности выполнять функцию актора развития.

Формализация подходов к демократическому развитию стран-партнеров в рамках европейских институтов продолжилась и далее. В 2015 г. Совет Европейского союза принял «План действий ЕС по продвижению прав человека ЕС и демократии»²⁵⁷, в котором положения о защите прав человека были включены во все внешнеполитические программы сотрудничества, в том числе в сферах торговли, миграции, борьбы с терроризмом. Благодаря изданному документу подход к программам развития, основанный на правозащитной повестке, получил формальное обоснование; критерии, связанные с оценкой ситуации с правами человека были признаны

²⁵⁶ The roots of democracy and sustainable development: Europe's engagement with Civil Society in external relations // European Commission. – 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52012DC0492> (дата обращения 10.04.2021).

²⁵⁷ EU Action Plan on Human Rights and Democracy // European Council. – 2015. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/publications/eu-action-plan-on-human-rights-democracy/> (дата обращения 10.04.2021).

определяющими в мониторинге сотрудничества со странами-партнерами во всех областях взаимодействия.

Указанные тенденции отразились и на отношениях ЕС со странами Южного Кавказа. В первые годы Политики соседства ЕС демократические реформы рассматривались в связке с усилиями Европейского союза по снижению бедности в странах. Следуя Европейскому консенсусу развития, – документу, изданному Комиссией ЕС и определяющему основы отношений с развивающимися странами, – ЕС взаимодействовал с третьими странами, преследуя задачи уменьшения бедности, продвижения надлежащего управления и уважения прав человека²⁵⁸.

В 2007–2013 гг. ЕС сотрудничал с Арменией с целью перехода Армении к полноценной демократии и рыночной экономике²⁵⁹. Обеспечить достижение этой задачи ЕС пытался преимущественно за счет адаптации европейских практик государственного управления и европейского законодательства к реалиям страны. Приоритетами служили усиление демократических структур и верховенства права, в особенности реформы правосудия и государственного управления, включая местное самоуправление и борьбу с коррупцией. В национальной индикативной программе Европейского инструмента по партнерству и соседству с Арменией на 2007–2010 гг. в качестве ожидаемого долгосрочного результата стороны обозначили видимое улучшение уважения прав человека и фундаментальных свобод в Армении, активное участие гражданского общества в общественной жизни, стабильное демократическое развитие страны, а в качестве индикаторов – видимые знаки растущего доверия граждан по отношению к правам человека и фундаментальным свободам; стабильный уровень свободы самовыражения и свободы СМИ (что должно

²⁵⁸ The New European Consensus on Development “Our World, Our Dignity, Our future” // European Commission. – 2017. – URL: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/european-consensus-on-development-final-20170626_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁵⁹ Armenia. Country Strategy Paper 2007-2013 // EDRC. – URL: https://www.edrc.am/images/Partnership_Strategies/EU/enpi_country_strategy_paper_%202007_2013_eng.pdf (дата обращения 10.04.2021).

отражаться в оценках независимых наблюдателей, отчетах НКО и др.), укрепление структур общественного диалога²⁶⁰.

В Грузии названные цели сотрудничества включали в себя также задачу мирного решения внутренних конфликтов и восстановления территорий после военных действий²⁶¹. Приоритеты сотрудничества Грузии с ЕС на 2007–2010 гг. – демократическое развитие, верховенство права и надлежащего правления, экономическое развитие, уменьшение бедности и поддержка социальных реформ²⁶². Национальная индикативная программа на 2007–2010 гг. в Азербайджане определяла следующие задачи: социально-экономические реформы и сближение азербайджанского законодательства с европейским, борьбу с бедностью и усиление потенциала государственных органов²⁶³.

С начала взаимодействия Армении, Грузии, Азербайджана и ЕС развитие получили проекты межведомственного сотрудничества, установление контакта непосредственно между министерствами. Особое внимание ЕС уделял министерствам, непосредственно вовлеченным в процесс реформ, среди них: Министерство иностранных дел, Министерство финансов и экономики, Министерство торговли, Министерство правосудия, Министерство сельского хозяйства, Министерство образования. Помимо межведомственного сотрудничества, ЕС также поддерживал программы профессионального обучения и обмен опытом между государственными структурами. Эффект от подобных программ оценить сложно: с одной стороны, государственные служащие действительно участвуют в тренингах и

²⁶⁰ Armenia. National Indicative Programme 2007–2010 // EDRC. – URL: https://www.edrc.am/images/Partnership_Strategies/EU/armenia_enpi_national_indicative_programme_2007-2010.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁶¹ Annual Action Programme 2007 in favour of Georgia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2007_c2007_5372_annual_action_programme_for_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁶² Annual Action Programme 2008 in favour of Georgia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2008_c2008_3516_annual_action_programme_for_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁶³ Azerbaijan. National Indicative Programme 2007-2010 // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/national_ind_prog_azerbaijan.pdf (дата обращения 10.04.2021).

обменах, однако, насколько каждый из них применяет полученные знания в условиях иных систем управления и правовой культуры, никаким образом не отслеживается. Кроме того, фокус подобных программ был изначально размыт, включал реформы правосудия, государственного управления, местного самоуправления, управления государственными финансами, поддержку проектов в развитии гражданского общества, контактов между людьми - все это так или иначе обозначалось в качестве демократических реформ, т.к. способствовало заимствованию норм и практик в ЕС в различных сферах регулирования.

Уже начальный этап развития отношений между ЕС и государствами Южного Кавказа продемонстрировал слабость административного аппарата в странах-партнерах, их ограниченную способность воспринять и адаптировать требования ЕС. Именно эта причина была названа в ЕС как одно из основных препятствий к взаимодействию Азербайджана с международными организациями в целом и с ЕС в частности²⁶⁴.

ЕС не прибегал к санкциям в случае отсутствия прогресса в продвижении к демократической форме правления. Мотивировать страны к реформам должен был принцип «большее за большее», подразумевавший большой прогресс в отношениях при больших усилиях партнеров²⁶⁵. Эта концепция сотрудничества обозначила предел европейской интеграции для государств, участвующих в Политике соседства ЕС: Европейский союз не мог однозначно сформулировать размер выгод и сроки их достижения для каждой из стран.

Наиболее стабильным направлением сотрудничества ЕС со странами Южного Кавказа в сфере демократических реформ стала реформа системы правосудия. В Армении в 2008 г. были пересмотрены закон о регулировании

²⁶⁴ Annual Action Programme 2008 in favour of Azerbaijan // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/c_2008_8238_f1_commission_decision_en_v2_p1_516313.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁶⁵ European Neighbourhood Policy (ENP) – Fact Sheet // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_13_236 (дата обращения 10.04.2021).

статуса судей, процедурах назначения и повышения судей в должности, закон о прокуратуре, внедрении института общественного защитника²⁶⁶. Был основан центр АЕPLАС, изучающий вопросы сближения законодательства страны с европейским, организованы тренинги для сотрудников Министерства юстиции, судей, адвокатуры, представителей гражданского общества по принятым законам. Реформа системы правосудия должна была способствовать принятию европейских процессуальных норм, принципов прозрачности правосудия, уменьшения неравенства во время судебных разбирательств.

В национальной индикативной программе сотрудничества Армении и ЕС на 2011–2013 гг. стороны также рассматривали развитие демократических институтов в контексте реформы правосудия. Среди предложенных мер борьба с коррупцией в секторе правосудия, улучшение доступа к юридическим услугам, повышение качества судебного процесса за счет усиления квалификации судей, адвокатов, работников прокуратуры, пересмотра Уголовного кодекса и уменьшения числа заключенных²⁶⁷. К 2017 г., однако, в обновленном плане сотрудничества страны на 2017–2020 г. указано отсутствие объективных данных о реформах²⁶⁸. Согласно документу, большинство из предпринятых преобразований были направлены на смену общих принципов, но не на конкретный результат. Так, например, качество судебных решений не всегда соответствовало международным стандартам, т.к. судьи не могли обосновать, почему они приняли то или иное решение²⁶⁹. Предпринятые премьер-министром Армении Николом Пашиняном реформы

²⁶⁶ Support to Justice Reform // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2008_c2008_3494_annual_action_programme_for_armenia_justicereform.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁶⁷ Armenia. National Indicative Programme 2011–2013 // Deutsch – Armenische Gesellschaft. – URL: <http://www.deutscharmenischegesellschaft.de/wp-content/uploads/2010/04/EU-Kommission-NATIONAL-INDICATIVE-PROGRAMME-2011-2013-Armenia.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

²⁶⁸ Annual Action Programme 2017 in favour of the Republic of Armenia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2017_c20178195_annual_action_programme_for_armenia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁶⁹ Action Document for “Consolidation of the Justice System in Armenia” // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2017_040664_consolidation_of_the_justice_system.pdf (дата обращения 10.04.2021).

в судебной сфере в 2019 и 2020 гг. вызвали критику оппозиции как попытки учредить «карманный суд» в борьбе с политическими конкурентами. Таким образом, система правосудия оказалась легко трансформируема под интересы власти, несмотря на видимость изменений.

В 2007–2013 гг. усиление верховенства права стало одним из ключевых направлений и приоритетов взаимодействия Грузии и ЕС²⁷⁰. Грузия в особенности продвинулась в реформировании уголовного законодательства. Стратегия по реформе уголовного правосудия была разработана при содействии Миссии ЕС по верховенству права и предусматривала цели обеспечения качественных услуг в сфере уголовного законодательства, включая социальную реинтеграцию заключенных, уменьшение числа заключенных и улучшение условий в тюрьмах, предоставление им доступа к здравоохранению, юридической помощи, усиление института общественного защитника. С 2001 по 2011 гг. ЕС направил более 37 млн евро на реформирование уголовного правосудия в Грузии. Приоритет этой реформы сохранился и на последующие годы. Так, например, план действий 2018 г. включал сотрудничество по усилению безопасности граждан Грузии путем поддержки верховенства закона в стране и надлежащего правления²⁷¹. Этот приоритет остался неизменным и в 2017–2020 гг.²⁷²

Большое влияние на развитие сотрудничества ЕС и стран Южного Кавказа оказал пражский саммит программы «Восточное партнерство» в 2009 г. С этого времени в официальных документах ЕС появилась формулировка «европейский выбор», разделяющая страны-партнеры на принявших соответствующее решение о сближении с ЕС и страны, следующие европейскому вектору интеграции лишь в ограниченной мере.

²⁷⁰ Support to the Criminal Justice Sector // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_4966_annual_action_programme_for_georgia_criminaljusticesector.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁷¹ Annual Action Programme in favour of Georgia for 2018 // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2018_c20188064_annual_action_programme_for_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁷² Single Support Framework for EU support to Georgia (2017-2020) // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/ssf_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

2008 год, предшествовавший саммиту, стал переломным для сотрудничества Армении и ЕС. После президентских выборов и последующей конфронтации между властью и оппозицией 1 марта 2008 г. президент Армении Серж Саргсян обратился к Европейской комиссии с просьбой усилить поддержку реформ и таким образом обеспечить стабильность. Была основана Консультативная группа ЕС, финансирование которой направлялось через Инструмент стабильности. К соответствующим министерствам, омбудсмену Армении, президентской администрации и парламенту страны были прикреплены консультанты (включая офис премьер-министра, министра экономики, министра иностранных дел, министра энергетики)²⁷³. С другой стороны, в плане действий 2009 г. отмечено, что в 2008 г. было получено лишь три предложения касательно межведомственного сотрудничества от проектного офиса в Армении, которые ЕС был готов поддержать.

Армянский опыт 2006–2008 гг. показал, что мотивация руководства страны к партнерству с ЕС может быть обоснована внутривластными причинами: правительства и руководства стран могут таким образом пытаться утвердиться в международном сообществе и повысить свою легитимность внутри государства. С одной стороны, власти Армении высказывали готовность к сотрудничеству, а с другой – на столе переговоров не было большого количества конкретных предложений ни со стороны ЕС, ни со стороны Армении.

С 2009 г. ЕС развивал отношения с Арменией, Грузией и Азербайджаном с намерением заключить с каждой из стран Соглашение об ассоциации. В 2010 г. Комиссия направила 21 млн евро на подготовку Соглашения об ассоциации ЕС и Армении. План включал сближение экономического законодательства и административных практик, в том числе

²⁷³ Twinning and Technical assistance Facility in support of the EU-Armenia European Neighbourhood Policy Action Plan // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2009_c2009_7634_annual_action_programme_for_armenia_twinningtechnicalassistance.pdf (дата обращения 10.04.2021).

стратегию в сфере энергетики²⁷⁴. Кроме того, правительство Армении проявило собственную инициативу, разработав программу и индикаторы по осуществлению Плана действий в рамках Европейской политики соседства, согласно президентскому Указу. С апреля 2009 г. консультативная группа ЕС делилась опытом стран-членов в проведении реформ. С этого момента в планах действий фигурировала цель вовлечения гражданского общества, расширения знаний о ЕС, европейской интеграции и ценностях посредством образовательных программ, в особенности направленных на молодежь.

Годовой бюджет, направленный на подготовку Соглашения об ассоциации с Грузией в 2011 г. составил 9,73 млн евро²⁷⁵. В Азербайджане на аналогичные цели в 2011 г. было направлено 11 млн евро²⁷⁶. Объем выделенных средств различен и соразмерен усилиям по подготовке к подписанию соглашений, включая требуемые изменения в законодательстве, создание необходимых для имплементации государственных институтов и др. В Грузии сотрудничество было сконцентрировано в особенности в тех сферах, которые не были предметом взаимоотношений ранее: экономическое развитие, энергетическая эффективность, окружающая среда, контакты между людьми.

Важной частью подготовки государств Южного Кавказа к ассоциации с ЕС стала Всеобъемлющая программа по созданию институтов, необходимых для имплементации соглашения. ЕС и каждая страна подписали соответствующее рамочное соглашение из трех частей: создание координационной структуры для имплементации Соглашения об ассоциации, подготовка к подписанию Соглашения о создании зоны свободной торговли,

²⁷⁴ Support to the Government of Armenia for the implementation of the ENP Action Plan and preparations for the future Association Agreement // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2010_c20109242_annual_action_programme_for_armenia_multisectorbudgetsupport.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁷⁵ Framework Programme in support of EU-Georgia agreements // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_4966_annual_action_programme_for_georgia_eu-georgia_agreements.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁷⁶ Framework programme in support of EU-Azerbaijan agreements // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_7097_eu-azerbaijan_agreements.pdf (дата обращения 10.04.2021).

подписание Соглашения об упрощении визового режима и реадмиссии. В документах ЕС отмечается ограниченный эффект проектов по причинам слабости административного аппарата, неэффективности правительственных структур, низкой способности стран освоить приток капиталовложений.

Программа всеобъемлющего строительства институтов в Грузии, предполагала развитие трех направлений: координация и переговоры о новом соглашении Грузии и ЕС; сфера торговли; демократическое развитие, надлежащее правление и права человека. Под последними, в частности, имелись в виду создание института общественного защитника, поддержка парламентского сотрудничества²⁷⁷.

Несмотря на значимые вложения ЕС в подготовку Соглашения об ассоциации со странами Южного Кавказа, не были соблюдены основные предусловия сотрудничества: приверженность правительств к реформам, к расширению политического и экономического партнерства с ЕС, наличие политической воли продолжить переговоры и заключить соглашения. Именно поэтому единственной страной региона, подписавшей Соглашение об ассоциации в 2014 г. и сделавшей выбор в пользу европейской интеграции, оказалась Грузия. И Армения, и Азербайджан предпочли сохранить многовекторность внешней политики. Обе страны продолжили переговоры о заключении соглашений с ЕС, однако их формат существенно отличался от предложенных прежде. К тому же ЕС в переговорах настойчиво игнорировал фактор безопасности, столь важный для Армении. Война 2020 г. в Нагорном Карабахе продемонстрировала, насколько беспомощен Европейский союз в кризисной ситуации: армянские политики полагались исключительно на союзническую помощь России. Азербайджан, с другой стороны, предпочел военно-политический союз с Турцией – региональной державой, которая последовательно усиливала свое экономическое и военное

²⁷⁷ Framework Programme in support of EU-Georgia agreements // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_4966_annual_action_programme_for_georgia_eu-georgia_agreements.pdf (дата обращения 10.04.2021).

присутствие в регионе, в то время как большинство европейских политиков и исследователей продолжали рассматривать Южный Кавказ в рамках парадигмы соперничества России и ЕС.

В 2014–2017 гг. особое значение приобрела поддержка организаций гражданского общества. Однако в Армении вложения ЕС были признаны малоэффективными: в отчетах ЕС указывалось, что, несмотря на значительное финансирование, организации гражданского общества в Армении ограничены в возможностях влиять на принятие политических решений, отмечалось недоверие к ним со стороны правительства. Несмотря на то что была создана Национальная платформа гражданского общества в рамках Форума гражданского общества «Восточного партнерства», некоторые организации, не видя возможности коммуникации с правительством, отказались от членства в этой инициативе²⁷⁸. Отмечалось, что Министерство финансов и министерство экономики продемонстрировали нежелание включать организации гражданского общества в обсуждение бюджета и других вопросов. Таким образом, соответствующие государственные институты могли отклониться от вектора сотрудничества с ЕС и открыто проявляли скептицизм в отношении отдельных программ.

Подписание Арменией Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС в 2017 г. ЕС воспринял как окно возможностей для продвижения европейской политической модели. Обновленная повестка взаимодействия предполагала реализацию программы «ЕС для граждан – углубляя демократию в Армении», инициированной в 2018 г. Она предполагала расширение участия гражданского общества в наблюдении за парламентскими выборами, уважение фундаментальных прав и др. Значительные усилия были направлены на поддержку избирательных реформ, внедрение биометрической идентификации, проведение тренингов.

²⁷⁸ Support to Human Rights Protection in Armenia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2014_c2014_7807_final_annual_action_programme_for_armenia_humanrightsprotection.pdf (дата обращения 10.04.2021).

Впоследствии вовлечение гражданского общества во внутриполитические процессы и идеал прямой демократии вызвали активное обсуждение и критику в армянском обществе. Этому способствовали события карабахской войны 2020 г., когда лидер, пришедший к власти на волне массовых общественных протестов, единолично принял решение о сдаче территорий, хотя обещал предоставлять гражданам информацию о ходе войны и предпринимаемых действиях. В условиях высокой милитаризации региона децентрализация власти и ее возможное ослабление – как результат того, что обществу дана возможность высказывать свое недовольство по большому кругу вопросов, – многие восприняли как фактическую угрозу государственности.

Поддержка гражданского общества в Грузии была основана на принципах стимулирующего подхода Европейского инструмента соседства, согласно которому средства ЕС были направлены на поддержку уже существующих правительственных программ, но не на новые инициативы. В 2015 г., к примеру, ЕС предоставил Грузии 10 млн евро в рамках зонтичного механизма финансирования, руководствуясь прогрессом страны на пути к устоявшейся демократии²⁷⁹. Организации гражданского общества получили средства на проведение тренингов, внедрение законодательных инициатив, усиление организационной структуры. Как и в Армении, в Грузии была создана грузинская национальная платформа Форума гражданского общества «Восточного партнерства». В рамках приоритета поддержки прав человека в Грузии в 2019 г. особое внимание ЕС уделил защите прав детей, борьбе с насилием против женщин и обеспечению равенства и инклюзии уязвимых групп населения и меньшинств. Отдельным успехом сотрудничества с ЕС стала конституционная реформа в Грузии, в ходе которой страна постепенно должна осуществить переход к парламентской форме правления к 2024 г.

²⁷⁹ Action Document for Civil Society Facility (Georgia) // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2015_c2015_7148_annual_action_programme_for_georgia_civil_society.pdf (дата обращения 10.04.2021).

Изменения в конституции вызвали острые разногласия между правящей партией «Грузинская мечта – демократическая Грузия», попытавшейся сохранить власть, и объединенной оппозицией. Весь 2020 г. представители ЕС и США были модераторами переговоров, однако без особого успеха. Консенсус не был достигнут, а на парламентских выборах 2020 г. «Грузинской мечте» удалось сохранить большинство голосов, несмотря на растущее общественное недовольство. Фактически вмешательство и рекомендации внешних сил оказались недостаточны, чтобы изменить внутривнутриполитическую динамику: несмотря на то что большинство грузинских политических партий сохраняют прозападную ориентацию, политический процесс воспринимается ими как игра с нулевой суммой, где проигравший может быть лишь один.

Ситуацию в Азербайджане ЕС оценивал наиболее критично, неизменно отмечая ограничения в правах журналистов, правозащитников, гражданских и политических активистов, ограничения в Интернете. За годы сотрудничества регулярная критика со стороны европейцев по поводу преследования журналистов и представителей гражданского общества, пресечения политической конкуренции не прекращалась. Общая оценка политического климата в стране также была негативной. Наряду с продвижением переговоров о новом соглашении, республика оказалась на грани исключения из Совета Европы из-за отказа исполнить решение ЕСПЧ об освобождении оппозиционера Ильгара Мамедова²⁸⁰. Все обвинения против Мамедова Европейский суд признал политически мотивированными. Эта ситуация стала серьезнейшим вызовом для ЕС, который никогда не сталкивался с подобным ранее. Брюссель в случае с Азербайджаном вынужден был искать баланс между прагматическими интересами сотрудничества – с одной стороны, и необходимостью сохранить образ нормативного актора – с другой. Отказаться полностью от повестки развития

²⁸⁰ Azerbaijani Supreme Court acquits human rights defenders to execute the European Court's judgments // Council of Europe. – URL: <https://www.coe.int/en/web/execution/-/azerbaijani-supreme-court-acquits-human-rights-defenders-to-execute-the-european-court-s-judgments> (дата обращения 10.04.2021).

демократии, соблюдения прав человека, защиты фундаментальных прав и свобод ЕС не может, так как эти ценности институционализированы в его учредительных документах и соглашениях с соседствующими странами. Вместе с тем навязывать свои установки критично настроенному партнеру малоэффективно.

В июле 2018 г. Европейский парламент принял ряд рекомендаций по поводу Соглашения о сотрудничестве с Азербайджаном. В рекомендациях прямо говорится о том, что «всеобъемлющее соглашение о сотрудничестве не может быть подписано со страной, не уважающей основные европейские ценности»²⁸¹. В первую очередь это означает исполнение решений Европейского суда по правам человека и освобождение политических заключенных. Руководствуясь данными предписаниями и в связи с подготовкой к заключению нового соглашения с ЕС, Азербайджан все же вынужден был пойти на символические уступки и ослабить политическое давление на гражданских активистов и нелояльных власти политических деятелей. В 2019 г. был освобожден оппозиционер Ильгар Мамедов, вышедший на свободу после пяти с половиной лет заключения.

Несмотря на то что одна из стран региона подписала Соглашение об ассоциации с ЕС, а две других предпочли другие форматы взаимодействия, сотрудничество ЕС и стран Южного Кавказа в сфере демократических реформ в течение всего периода взаимоотношений не предусматривало трансформацию политических режимов в качестве конкретной задачи. Наоборот, акцент был смещен на адаптацию европейских практик, их заимствование государственными институтами стран, диалог с населением через поддержку организаций гражданского общества. Такой подход продемонстрировал признание самим Евросоюзом ограниченности своего влияния в странах-партнерах. С другой стороны, роль ЕС в качестве

²⁸¹ Report on a European Parliament recommendation to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission // European Parliament. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A8-2018-0185&language=EN> (дата обращения 10.04.2021).

независимого голоса международного сообщества способствовала тому, что политические элиты стран прислушивались к заявлениям европейских политиков и старались соответствовать им в меру возможности. В некоторых случаях, в частности, в Азербайджане, это способствовало ослаблению политического давления внутри страны. Однако взаимодействие с ЕС не привело к коренному изменению внутренних политических институтов. Политическая элита стран использовала отсылку к партнерству с ЕС как возможность собственной легитимации внутри страны. Сам ЕС, стремясь заключить со странами Южного Кавказа Соглашения об ассоциации, сместил фокус сотрудничества с содержательной части на формальный факт подписания. Вне зависимости от качеств политического режима в стране-партнере ЕС ранжировал государства по степени их приверженности европейским ценностям. Среди стран Южного Кавказа именно Грузия взяла на себя роль ведущей страны-партнера, что, однако, никак на данный момент не обеспечено перспективой членства в ЕС. Опыт Армении и Азербайджана указывает на то, что, даже если страны не заявляют о приверженности демократии либо частично выполняют свои обязательства по соглашениям, сотрудничество с ЕС может продолжаться на взаимовыгодных условиях. Таким образом, две указанные страны смогли сохранить многовекторность своей внешней политики, не беря на себя чрезмерный груз обязательств.

3.2. Нормативная сила ЕС и рост благосостояния граждан

Осуществление внешней политики ЕС в соседствующих странах предполагает рост благосостояния граждан в странах-партнерах²⁸². Именно в этом выражена нормативная часть торговой политики ЕС, культурных и образовательных проектов, диалога о либерализации визовых режимов. Преимущества следования европейской модели устройства экономики,

²⁸² The European Neighbourhood Policy // European Parliament. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/170/the-european-neighbourhood-policy> (дата обращения 10.04.2021).

общественной жизни, согласно подобному видению, должны быть очевидны в повседневной жизни населения. Речь идет о таких мерах, как улучшение бизнес-среды, повышение доходов граждан, доступ к образованию и др., которые страны-партнеры получают, выстраивая взаимоотношения с ЕС и следуя повестке реформ в политической сфере.

Исследователи отмечают снижение внимания ЕС к принципу жесткой политической обусловленности и переход к экспорту европейских стандартов и норм в отдельных секторах сотрудничества²⁸³. В отличие от стран – кандидатов на членство ЕС, страны – участницы Политики соседства ЕС не получили незамедлительного доступа к рынку ЕС и другим выгодам интеграции: реализация тех или иных мер в различных сферах сотрудничества не гарантирует результат. Партнерство, тем не менее, строится на предположении о прямой связи либерализации рынка, политической сферы и роста общего качества жизни граждан. Качество жизни – широкое определение, включающее в себя как показатели экономического благосостояния, так и информационную безопасность, доступ к медицине, легкодоступность транспортной инфраструктуры, уровень образования и экологии и др. При этом отследить прямую корреляцию между партнерством с ЕС и ростом качества жизни проблематично: если ранее ЕС придерживался проектно-ориентированного подхода, выделяя средства отдельным инициативам, то к 2020 г. было принято решение о приоритетной поддержке существующих программ реформ, проводимых самими государствами²⁸⁴. В первом случае влияние ЕС было точечным и позволяло сделать вывод об успехе отдельной организации или проекта, но не о направлении развития; во втором – успех инициатив со стороны ЕС поставлен в прямую зависимость от эффективности государственных институций и других акторов и практически полностью

²⁸³ Болгова И. Актуальный этап восточной политики ЕС / И. Болгова // Современная Европа. – 2017. – No 7. – С. 56-65.

²⁸⁴ Eastern Partnership policy beyond 2020. Reinforcing Resilience -an Eastern Partnership that delivers for all // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/1_en_act_part1_v6.pdf (дата обращения 10.04.2021).

выведен из зоны ответственности ЕС. Таким образом, рост тех или иных показателей в странах-партнерах лишь косвенно демонстрирует успех программ ЕС, но общие показатели экономического развития стран, включая уровень инфляции, бедности, безработицы, объем прямых иностранных инвестиций применяются в том числе самим ЕС в качестве индикатора продвижения в реформах.

В отчетах о выполнении соглашений ЕС все же продолжает упоминать примеры отдельных успешных точечных вложений: например, создание инклюзивной пекарни в армянском городе Гюмри или переоборудование лаборатории в Ереване для мониторинга качества воды²⁸⁵; создание школы «Восточного партнерства» в Грузии²⁸⁶; проведение бизнес-форума ЕС – Азербайджан и принятие Бакинским международным торговым портом концепции зеленого порта в рамках программ Трансъевропейской транспортной сети²⁸⁷.

В академических публикациях можно встретить критику отсутствия у ЕС реальной стратегии по взаимодействию с регионом, которую заменяют разноплановые инициативы сотрудничества в тех или иных сферах²⁸⁸. Практика реализации соответствующих проектов показывает приоритет собственных интересов внешних акторов над задачами внутренних изменений в странах-партнерах²⁸⁹. Тем самым программы содействия развитию ложатся на неподготовленную почву: национальные правительства готовы их осуществлять (каждое в разной степени), но европейские нормы и стандарты не всегда адекватны местным реалиям и не отражают

²⁸⁵ Partnership Implementation Report on Armenia // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/armenia_partnership_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁸⁶ Association Implementation Report on Georgia // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2021_association_implementation_report_in_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁸⁷ Cooperation Implementation Report on Azerbaijan // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/azerbaijan_cooperation_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁸⁸ Гегелашвили Н.А. Итоги Вильнюсского саммита: кавказское измерение / Н.А. Гегелашвили // Восточное партнерство до и после Вильнюса. – М.: ИЕ РАН, 2014. – С. 73-79.

²⁸⁹ Ademmer E. Beyond Geopolitics: Exploring the Impact of the EU and Russia in the “Contested Neighborhood” // E. Ademmer, L. Delcour, K. Wolczuk // Eurasian Geography and Economics. – 2016. – No 57:1. – P. 1-18.

конкурентные преимущества экономики каждой из стран и их стратегических и долговременных целей. Планы действий во многом повторяют друг друга, предлагая схожие пакеты мер каждому государству-партнеру.

М. Краликова отмечает, что импорт норм сталкивается с интересами властных элит, которые готовы предпринимать диктуемые им действия лишь частично, предпочитая имитировать реформы²⁹⁰. Исследование Л. Симао подтверждает, что Армения, Грузия и Азербайджан отвечали на давление международных доноров, предпринимая реформы «на бумаге» и в ограниченной степени – в действительности²⁹¹. Проблема заключается в том, что любые изменения воспринимаются политической элитой как угроза властной иерархии. К тому же позиционирование страны как сторонницы европейских ценностей или их умеренного последователя не гарантирует действительной приверженности реформам, о чем свидетельствует исследование Л. Делкур, коснувшееся Армении и Грузии²⁹².

На начальном этапе сотрудничества ЕС с Арменией, Грузией и Азербайджаном речь, прежде всего, шла о содействии экономическому развитию. Страны региона, пережившие серьезные потрясения, связанные с военными действиями, распадом Советского Союза и потерей прежних промышленных связей, нуждались в прямой помощи со стороны развитых государств. Эта повестка не исчезла с развитием сотрудничества. Наоборот, конфликт в Грузии в 2008 г., нарушение перемирия между Азербайджаном и Арменией в 2016 г. и 2020 г. наиболее остро обозначили проблемы развития территорий, пострадавших в ходе военных действий, необходимость решения вопроса беженцев, развития антикризисных инструментов и механизмов преодоления гуманитарных катастроф. Наиболее актуальна эта

²⁹⁰ Králiková M. Importing EU norms: the Case of Anti-Corruption Reform in Ukraine / M. Králiková // Journal of European Integration. – 2021. – P. 1-16.

²⁹¹ Simão L. The EU's Neighbourhood Policy towards the South Caucasus Expanding the European Security Community / L. Simão. – Palgrave Macmillan, 2018. – 256 p.

²⁹² Delcour L. Armenia's and Georgia's Contrasted Positioning vis-à-vis the EU: between Vocal Centrality and Strategic Marginality / L. Delcour // Journal of Contemporary European Studies. – 2019. – No 27:4. – P. 439-450.

повестка для Армении и Грузии, в которых сохранялся в течение долгого периода значительный уровень бедности.

С 1991 г. по 2007 г. ЕС направил порядка 120 млн евро на программы гуманитарной помощи в Армении и внес значимый вклад в предотвращение последствий войны в Нагорном Карабахе. В рамках программ технической помощи TACIS и продовольственной безопасности было выделено около 200 млн евро²⁹³. Снижение бедности оставалось приоритетом сотрудничества многие годы вплоть до начала переговоров ЕС и Армении о подписании Соглашения об ассоциации. В плане действий 2009 г. ставилась цель снизить бедность с 26,52% до 8% в 2012 г. В рамках сотрудничества ЕС поддерживал проекты по профессионально-техническому образованию, стремясь решить проблему безработицы²⁹⁴. Бедность среди сельского населения ЕС связывал с отсутствием базовой инфраструктуры, социальных услуг, инвестиций, бизнес-среды. Для преодоления указанных барьеров развития ЕС оказывал содействие правительству Армении в сфере управления государственными финансами, усилении прозрачности государственного бюджета, в сближении с нормами и практиками ЕС в сфере торговли²⁹⁵. Несмотря на важность предпринимаемых мер, они не способствовали прорывному развитию экономики или росту инвестиций европейского бизнеса в Армению, т.к. общая макроэкономическая ситуация осталась неизменной.

Сотрудничество Грузии и ЕС в 1990-е гг. было во многом сфокусировано на экономическом восстановлении территорий, пострадавших после конфликта в Абхазии в 1992–1993 гг. Среди совместных проектов строительство инфраструктурных объектов, реновация

²⁹³ Armenia. Country Strategy Paper 2007–2013 // EDRC. – URL: https://www.edrc.am/images/Partnership_Strategies/EU/enpi_country_strategy_paper_%202007_2013_eng.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁹⁴ Continuation of vocational education and training(VET)reform and development of an employment strategy // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2009_c2009_7634_annual_action_programme_for_armenia_vet.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁹⁵ Support to the Government of Armenia for the implementation of the ENP Action Plan and preparations for the future Association Agreement // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2010_c20109242_annual_action_programme_for_armenia_multisectorbudgetsupport.pdf (дата обращения 10.04.2021).

гидроэлектростанции, больниц, электрических сетей; обеспечение продовольственной безопасности²⁹⁶. В плане действий 2010 г. бедность населения по-прежнему указана в качестве ключевой проблемы. На тот момент уровень бедности в Грузии составлял 27,8%, проблема в особенности требовала решения в сельских областях²⁹⁷. В рамках сотрудничества в 2010 г. было выделено 19 млн евро, в том числе на составление планов развития регионов, проведение тренингов для государственных служащих, улучшение механизма сбора статистических данных, создание финансового инструмента для поддержки инновационных проектов на региональном уровне.

В рамках декларируемой ЕС цели обеспечения устойчивого развития в странах-партнерах сотрудничество с Азербайджаном было сосредоточено на сфере энергетики. Экономическая ситуация в стране выигрывало выделяла Азербайджан в ряду государств региона: доходы от экспорта нефти и газа, рост цен на энергоресурсы способствовали росту экономики, повышению социальной защищенности. В сотрудничестве с ЕС стороны ставили задачу разработки национальной энергетической стратегии по добыче, транспортировке, транзиту энергоресурсов²⁹⁸. Очевидно, что за этим скрывался прагматичный интерес по диверсификации поставок энергоресурсов в европейские страны, а Азербайджан, не видя существенных выгод в монополизации энергетического сектора и заимствовании европейских практик, неохотно шел на сотрудничество. Таким же образом Азербайджан не продвинулся в вопросе вступления в ВТО, несмотря на выделение средств со стороны ЕС на техническую поддержку.

²⁹⁶ Economic rehabilitation and confidence building for Abkhazia / Western Georgia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2007_c2007_5372_annual_action_programme_for_georgia_economic_rehabilitation.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁹⁷ Support to Regional Development Reform in Georgia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2010_c2010_3330_annual_action_programme_for_georgia_regionaldevelopmentreform.pdf (дата обращения 10.04.2021).

²⁹⁸ Energy Reform Support Programme – Azerbaijan // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2007_c2007_6291_annual_action_programme_for_azerbaijan_energyreform.pdf.

Проблема борьбы с бедностью и безработицей все еще актуальна в Грузии и Армении. Согласно данным Всемирного банка, в 2019 г. уровень бедности в Грузии составлял 19,5% населения²⁹⁹, аналогичный показатель для Армении в 2018 г. – 23,5%. Вопреки внешней консультационной и финансовой помощи в обеих странах происходит отток населения. Для них в ближайшем будущем будут актуальны вопросы поиска точек роста экономики, включая поддержку со стороны международных доноров и ЕС. Когда почти четверть населения проживает за чертой прожиточного минимума, сотрудничество с внешними акторами часто становится вынужденной необходимостью, обеспечивающей финансовые средства для развития страны. Однако объем финансовых вливаний со стороны ЕС не столь значителен, чтобы обеспечить существенный экономический рост. С другой стороны, постоянная донорская поддержка создает ловушки сотрудничества, когда правительства стран не пытаются выстраивать собственные кластеры развития, полагаясь на диктуемый извне выбор.

В совместном сообщении Европейской комиссии и Высокого представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности от 18 марта 2020 г. указано, что торговля ЕС со странами – участницами программы «Восточное партнерство» почти удвоилась за последнее десятилетие³⁰⁰. Статистика ЕС последних лет показывает отрицательный рост торговли союза с Грузией: с 2018 г. по 2019 г. импорт в Грузию из ЕС снизился на 5,4%, а экспорт в ЕС на 1,8%; в период с 2015 г. по 2019 г. импорт в среднем снизился на 3,9%, а экспорт возрос на 3,3%. Совокупная доля ЕС в товарообороте страны в 2020 г. составила 22,4%³⁰¹. С 2018 г. по 2019 г. импорт в Армению из ЕС увеличился на 10%, а экспорт в ЕС снизился на 7,3%. Совокупная доля стран – членов ЕС в товарообороте страны в 2019 г.

²⁹⁹ Georgia // World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/country/georgia> (дата обращения 10.04.2021).

³⁰⁰ Eastern Partnership policy beyond 2020. Reinforcing Resilience – an Eastern Partnership that delivers for all // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/1_en_act_part1_v6.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³⁰¹ European Union, Trade in goods with Georgia // Directorate-General for Trade. – URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_georgia_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

составила 20,3%, России – 27,1%³⁰². С 2015 по 2019 гг. импорт из ЕС в Азербайджан в среднем возрос на 0,1%, а экспорт в ЕС снизился на 7,9%. Доля ЕС в товарообороте Азербайджана в 2019 г. значительно выше аналогичного показателя по региону в основном за счет экспорта нефтепродуктов – 36,7%³⁰³. Гипотеза о том, что само по себе подписание странами соглашений с ЕС о сотрудничестве в торговой сфере приведет к интенсификации торговых связей, в долгосрочной перспективе себя оправдывает не полностью: хотя объем торговли действительно возрос, его показатели в последние годы снижаются, а рост происходит за счет повышения импорта.

Эта тенденция связана и с тем, что государствам-партнерам тяжело конкурировать на европейском рынке, они не могут предложить высокотехнологическую продукцию, поэтому облегчение торговых сделок в основном работает на рост импорта продукции из ЕС, не способствуя повышению конкурентоспособности армянских, азербайджанских и грузинских производителей. Доля товарооборота с Грузией и Арменией в общей торговле союза со странами мира практически близится к нулевому показателю, что не способствует большой заинтересованности ЕС в повышении ориентированности на экспорт армянской, грузинской и азербайджанской экономик. Возможным выходом из ситуации могло бы стать развитие отношений стран-партнеров не только с самим ЕС, но и друг с другом. Так, Европейский парламент рекомендовал поддержать инициативы правительства Грузии по развитию взаимоотношений с другими ассоциированными с ЕС государствами³⁰⁴.

³⁰² European Union, Trade in goods with Armenia // Directorate-General for Trade. – URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_armenia_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³⁰³ European Union, Trade in goods with Azerbaijan // Directorate- General for Trade. – URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_azerbaijan_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³⁰⁴ Association agreement between the EU and Georgia. European Implementation Assessment // European Parliament. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/642820/EPRS_STU\(2020\)642820_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/642820/EPRS_STU(2020)642820_EN.pdf) (дата обращения 10.04.2021).

С начала сотрудничества ЕС со странами Южного Кавказа программы были рассчитаны и на формирование потенциала в конкретных областях экономики. Одной из таких инициатив стала поддержка сельского хозяйства и развития сельских областей ENPARD, осуществляемая в каждой из трех стран с 2013 г.³⁰⁵ Программа, в частности, ставит задачу преодоления экономических и социальных расхождений среди населения, предполагая поддержку фермерских ассоциаций, кооперативов. Согласно описанию, ожидаемым результатом инициативы могло бы стать усиление административных ресурсов местных структур власти по территориальному планированию, создание центров поддержки сельского хозяйства, проведение семинаров по ведению бизнеса среди фермерских хозяйств. Значительных сдвигов в этой области не произошло не только потому, что сам процесс осуществления программы непрозрачен и его результаты сложно проследить, но и ввиду ограниченности рынков сбыта сельскохозяйственной продукции стран. Европейский рынок не способствовал существенному повышению спроса в этой отрасли.

Часть программных инициатив ЕС в странах региона предназначалась для содействия региональному развитию. Основной ее целью было формирование навыков у представителей местной власти по разработке стратегии регионального развития и ее реализации. Отдельные программные инициативы ЕС в Армении, Грузии и Азербайджане были направлены на поддержку малого и среднего бизнеса. В основном они были вписаны в сотрудничество с другими донорами развития, включая Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития и др. При этом к 2020 г. в каждой из стран-партнеров фокус и преследуемые цели программ были определены более точно в зависимости от оценки ЕС и национальными правительствами необходимости тех или иных мер.

³⁰⁵ Enpard South // EU Neighbours. – URL: <https://www.euneighbours.eu/en/south/stay-informed/projects/enpard-south-european-neighbourhood-programme-agriculture-and-rural> (дата обращения 10.04.2021).

В 2020 г. при поддержке ЕС правительство Армении пересмотрело стратегию развития регионов к 2025 г.³⁰⁶ и приняло рекомендованный ЕС подход, основанный на «умной специализации»³⁰⁷. Его суть сводится к выявлению конкурентных сторон каждого из регионов и выстраиванию грантовой схемы на их основе. Таким образом, 345 предприятий малого и среднего бизнеса получили гранты в рамках программы. Помимо этого, ЕС совместно в Европейском банке реконструкции и развития поддержал первый в Армении частный фонд прямых инвестиций, управляемый британской компанией Amber Capital³⁰⁸. Фонд осуществил первую инвестицию в сектор возобновляемой энергии в 2020 г.³⁰⁹ В целях фонда способствовать вхождению армянских предприятий с высоким потенциалом роста в европейские производственно-технологические взаимосвязи.

Правительство Грузии, в свою очередь, при поддержке ЕС запустило пилотную программу содействия развитию в пяти регионах (Кахети, Имерети, Гурия, Рача-Лечхуми и Квемо Сванети), объявив открытый сбор проектных предложений. В результате гранты в объеме до 5 млн грузинских лари (около 1,2 млн евро) получили 11 муниципалитетов³¹⁰. Таким способом ЕС поддержал осуществление стратегии по децентрализации развития, поощрив локальные инициативы.

В Азербайджане поддержка ЕС в большей степени направлена на развитие сельского хозяйства. В рамках инициативы ЕС в ленкоранском районе было выделено 13,5 млн евро производителям фруктов и овощей,

³⁰⁶ Partnership Implementation Report on Armenia // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/armenia_partnership_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³⁰⁷ Smart specialization // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/guides/smart_spec/strength_innov_regions_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³⁰⁸ EU-Armenia SME FUND // Entrepreneurial Development Bank. – URL: <https://www.fmo.nl/project-detail/57994> (дата обращения 10.04.2021).

³⁰⁹ Partnership Implementation Report on Armenia // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/armenia_partnership_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³¹⁰ Association Implementation Report on Georgia // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2021_association_implementation_report_in_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

аналогичная сумма была направлена на улучшение образовательной инфраструктуры в регионе³¹¹.

Одна из сложностей взаимодействия с ЕС – забюрократизированность процесса. Так, осуществление Соглашения о глубокой и всеобъемлющей зоне свободной торговли с ЕС, подписанного Грузией в 2014 г., потребовало значительного пересмотра применяемых практик во множестве сфер, включая вопросы конкуренции на рынке, продовольственной безопасности, государственных закупок, стандартизации, оценки соответствия товаров принятым нормам, технических барьеров. Все это привело к ситуации, когда средства ЕС вкладывались не в имплементацию соглашения, а в подготовку к ней. Так, среди запланированных мер в 2018–2020 гг. организация информационных встреч для грузинских предпринимателей по поводу участия в Европейской сети поддержки предпринимательства, пересмотр методологии составления торговой статистики, работа с Национальным статистическим управлением Грузии, усиление участия грузинского бизнеса на торговых ярмарках в странах-членах ЕС, повышение информированности о возможностях выхода на европейский рынок в рамках сотрудничества с ЕС, подготовка и адаптация технических правил, пересмотр законодательства в сфере стандартизации, таможенного обложения и др.³¹² Фактически Грузия получила доступ к европейскому рынку, но вместе с ним – зарегулированность экономической сферы, бюрократизацию всех технических и торговых процессов в условиях слабой осведомленности и конкурентоспособности локальных акторов. Общая система преференций GSP+ при этом не обеспечила значительных тарифных послаблений для основных экспортных категорий Грузии: минеральной продукции и вина³¹³.

³¹¹ Cooperation Implementation Report on Azerbaijan // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/azerbaijan_cooperation_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³¹² DCFTA Implementation National Action for 2018–2020 // DCFTA. – URL: <http://www.dcfta.gov.ge/public/filemanager/implimentation/2018-2020%20DCFTA%20AP.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

³¹³ Rinnert D. The Eastern Partnership in Georgia. Increasing Efficiency of EU Neighborhood Policies in the South Caucasus? // D. Rinnert // Stiftung Wissenschaft und Politik. Working Paper. – 2011. – No 1. – 25 p.

Диалог о либерализации визового режима – еще один значимый компонент переговоров ЕС со странами региона. Наиболее продвинулась в этом отношении Грузия: с марта 2017 г. граждане страны получили возможность ездить в государства ЕС без визы на срок до 90 дней. Дальнейшее обсуждение возможности продвижения в этом вопросе натолкнулось на заявления стран-членов ЕС о превышении гражданами Грузии срока пребывания в ЕС с целью получения убежища. В январе 2018 г. Грузия заняла шестое место по количеству заявок на предоставление убежища в ЕС (в общей сложности от граждан страны поступило более 1859 заявок). Пик пришелся на середину 2017 г.³¹⁴ Вместе с тем статистика депортаций грузинских граждан из других стран, включая Турцию и Израиль, сопоставима или превышает статистику депортаций из Германии и Франции, лидирующих по этому показателю среди европейских стран. Например, в 2018 г. из Турции было депортировано 1788 граждан Грузии, из Франции – 273, из Германии – 531, из Израиля – 813³¹⁵. Однако в случае ЕС вопрос возвращения грузинских граждан значительно более политизирован, т.к. служит условием продвижения страны в визовом диалоге. В отчете об имплементации ассоциации с ЕС 2020 г. указано, что Грузия выполняет все условия либерализации визового режима, а также приняла отдельный закон о правилах и процедурах выезда и въезда в Грузию для грузинских граждан³¹⁶.

Соглашение об упрощении выдачи виз между Арменией и ЕС было подписано в 2013 г.³¹⁷ В нем стороны подтверждают стремление к безвизовому режиму краткосрочных поездок в должное время. Граждане ЕС получили возможность безвизового въезда в Армению на срок до 90 дней, процесс получения визы для граждан Армении в ЕС был упрощен. Несмотря

³¹⁴ Bulletin Quotidien Europe. No 11977 // Agence Europe. - URL: <https://agenceurope.eu/fr/bulletin/detail/11977> (дата обращения 10.04.2021).

³¹⁵ 2019 Migration Profile of Georgia // State Commission on Migration Issues. – URL: https://migration.commission.ge/files/mp19_eng_web3.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³¹⁶ Association Implementation Report on Georgia // European Commission. – URL: https://eas.europa.eu/sites/default/files/2021_association_implementation_report_in_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³¹⁷ Agreement between the European Union and the Republic of Armenia on the facilitation of the issuance of visas // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22013A1031%2801%29> (дата обращения 10.04.2021).

на это, среди населения растет непонимание сущности предлагаемых ЕС мер: посол ЕС в Армении Андреа Викторин в 2019 г. выступила с заявлением, что либерализация визового режима не означает свободного доступа на рынок труда ЕС для граждан Армении, а лишь предполагает возможность безвизового въезда на срок до 90 дней³¹⁸. Вместе с тем в отчете об имплементации Европейской комиссии от 2020 г. указано продвижение в процессе реадмиссии: так, процент вернувшихся повысился с 21,3% в 2014 г. до 47,16% в 2018 г.³¹⁹, сократились случаи отказа в визе, а процент выдачи многократных виз достиг 31,7% в 2018 г. В целом показатели свидетельствуют о стабильном улучшении ситуации в вопросе либерализации визового режима.

Соглашение об упрощении выдачи виз между ЕС и Азербайджаном действует с 2014 г.³²⁰ В преамбуле документа подчеркнут факт начала переговоров о подписании Соглашения об ассоциации Азербайджана и ЕС, а в качестве основания начала диалога о либерализации визового режима указана декларация саммита «Восточного партнерства» 2009 г. Политическое руководство страны использует отсылку к визовому диалогу как условную отметку о достижении Азербайджаном определенных успехов в сотрудничестве (среди них, например, завершение строительства Южного газового коридора)³²¹. Связано это с тем, что визовая либерализация – один из наиболее ощутимых для населения стимулов к сотрудничеству с ЕС, поэтому власти государств считают необходимым заполучить это предложение. Однако, даже учитывая ограничения, связанные с невозможностью доступа к рынку труда ЕС граждан из стран-участниц

³¹⁸ EU Ambassador in Armenia: Visa Liberalization Does Not Mean Permission to Work in EU // Schengen Visa. – URL: <https://www.schengenvisainfo.com/news/eu-ambassador-in-armenia-visa-liberalization-does-not-mean-work-in-eu/> (дата обращения 10.04.2021).

³¹⁹ Partnership Implementation Report on Armenia // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/armenia_partnership_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³²⁰ Agreement between the European Union and the Republic of Azerbaijan on the facilitation of the issuance of visas // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22014A0430%2802%29>.

³²¹ Possible Progress on Visa Liberalization for Azerbaijan with the EU // Caspian Policy Center. – URL: <https://www.caspianpolicy.org/possible-progress-on-visa-liberalization-for-azerbaijan-with-the-eu/> (дата обращения 10.04.2021).

программы «Восточного партнерства», прогресс в этом вопросе труднодостижим из-за инертности европейских институтов и отсутствия консенсуса по этому поводу в самих странах ЕС. При этом отчет об имплементации, подготовленный Европейской комиссией и Высоким представителем по внешней политике и политике безопасности, отмечает определенный прогресс диалога с Азербайджаном по поводу либерализации визового режима: процент отказов в визе сократился с 13,1% в 2017 г. до 10,5% в 2018 г., процент многократных виз достиг 40,4% в 2018 г.³²²

К 2020 г. фокус программ ЕС сместился на приоритет конкретных выгод, которые должны были бы получить граждане стран-партнеров в результате проводимых совместно с ЕС инициатив. Так, к 2020 г. программа «Восточного партнерства» должна была бы принести ощутимые выгоды населению стран-участниц: в программных документах были выделены двадцать пунктов, напрямую относящихся к улучшению качества жизни в государствах-партнерах. Среди них: поддержка малого и среднего бизнеса, включая займы, дешевый доступ в интернет в особенности в сельских областях, интенсификация торговых связей с ЕС; усиление надлежащего правления, что преимущественно выразилось в поддержке организаций гражданского общества; улучшение транспортной инфраструктуры; усиление контактов между людьми, включая поддержку молодежных и образовательных программ³²³.

Одной из наиболее успешных сфер взаимодействия Грузии с ЕС остается образование. Грузия входит в число десяти ведущих партнеров программы Erasmus+: в стране осуществляются семь проектов по усилению потенциала высшего образования, 11 проектов Жана Моне, 28 совместных магистерских программ с европейскими университетами. В 2020 г. по программе мобильности было выделено 1193 стипендий студентам и 1965 –

³²² Cooperation Implementation Report on Azerbaijan // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/azerbaijan_cooperation_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³²³ Deliverables for 2020: Bringing tangible results for citizens // EEAS. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/20_deliverables_for_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

сотрудникам ВУЗов³²⁴. В Армении в 2019 г. было выделено 13 стипендий студентам по совместным магистерским программам в рамках Erasmus Mundus, в 2020 г. их число достигло 10 человек. В программу также вовлечены более 1400 школьных учителей³²⁵. Помимо программы Erasmus Mundus, ЕС поддерживает Центр креативных технологий «Тумо», в котором обучаются дети от 12 до 18 лет, в основном специализирующиеся на дизайне и технологиях. В Азербайджане при поддержке ЕС действуют 6 проектов, направленных на улучшение системы высшего образования, в них участвуют 24 университета. Шемахинская астрофизическая обсерватория участвует в программе обмена RISE, некоторые проекты финансируются в рамках программы Horizon 2020³²⁶.

Одним из основных каналов коммуникации с гражданами соседствующих стран для ЕС стал Форум гражданского общества «Восточного партнерства», объединивший на межправительственном уровне организации гражданского общества стран – участниц программы. Форум, выступая наблюдателем и выражая интересы граждан стран, имеет право и возможность высказываться с критикой предлагаемых мер. Так, в 2020 г. в рамках Форума был выпущен аналитический материал, посвященный поставленным в рамках программы «Восточного партнерства» целям³²⁷. В нем авторы отметили ключевое предусловие успешной реализации программ ЕС в странах-партнерах – приверженность правительств к осуществлению реформ. Именно на основе этого критерия ЕС оценивает перспективы партнерства и размер финансовой помощи. Согласно документу, такой подход селективен и лишает страны с политической элитой, не

³²⁴ Association Implementation Report on Georgia // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2021_association_implementation_report_in_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³²⁵ Partnership Implementation Report on Armenia // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/armenia_partnership_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³²⁶ Cooperation Implementation Report on Azerbaijan // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/azerbaijan_cooperation_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³²⁷ 2020 Deliverables Put to Work // EAP CSF. – URL: <https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/2020-Deliverables-Put-to-Work-1.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

приверженной к повестке реформаторства, возможности участия и получения выгод от взаимодействия с европейскими партнерами. Привязка к продвижению по шкале успешности политических реформ привела к тому, что правительствам стран проще создать иллюзию деятельности в надежде достичь собственные интересы. Развитие альтернативных форм кооперации, помимо Соглашения об ассоциации, отчасти призвано привлечь во внимание взаимосвязь мотивации стран к партнерству с множеством различных факторов. Среди них не только политическая воля, но и геополитическая ситуация, зависимость от третьих игроков, вероятность вооруженных конфликтов³²⁸.

18 марта 2020 г. Комиссия ЕС опубликовала документ «Восточное партнерство после 2020. Укрепляя устойчивость – Восточное партнерство, результативное для всех»³²⁹. Публикация основывается на масштабных публичных консультациях в странах – членах ЕС и странах-партнерах, инициированных в мае 2019 г. по поводу будущей программы. В ней Комиссия акцентирует внимание на необходимости особых подходов к каждой из стран, смещая фокус с использования единообразных форматов для всех на двустороннее сотрудничество с каждым из государств. С каждым партнером ЕС определил приоритеты сотрудничества, были приняты рамочные соглашения о предоставлении финансирования.

С этого момента ЕС стал уделять большее внимание конкретным уязвимым социальным группам, получающим поддержку в рамках сотрудничества. Например, одним из основных элементов партнерства ЕС и Армении в 2019 г. стала инициатива по наращиванию потенциала местных акторов развития LEAD³³⁰. ЕС уточнял, что формирование местных

³²⁸ Frear M. Report on Complementary and Alternative Modes of Engagement with the Eastern Partnership countries // M.Frear, K. Maniokas, L. Jonavičiusand, I. Tabarta // EU-STRAT Report series. – 2018. – No 5. – 30 p.

³²⁹ Eastern Partnership policy beyond 2020 // EEAS. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/1_en_act_part1_v6.pdf (дата обращения 10.04.2021).

³³⁰ Action Document for Local Empowerment of Actors for Development (LEAD) // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/annexes/c_2019_8734_f1_annex_en_v3_p1_1054440.pdf (дата обращения 10.04.2021).

сообществ необязательно привязано к собственно административным границам. В программе сделан акцент на равноценное вовлечение различных социальных групп, включая женщин и пожилых. Поддержка локальных инициатив осуществлялась посредством микрофинансирования, создания местных фондов развития и др. Реализация программы предполагала сотрудничество с Национальным центром развития малого и среднего бизнеса Республики Армения. Большая часть финансовых средств была направлена на содействие развитию наиболее бедных областей на севере страны: Лори, Тавуш и Ширак. Финансирование предоставлялось Армении в рамках Единой схемы поддержки 2017–2020. Ключевые компоненты программы на этот период – региональное развитие в рамках инициативы EU4Region; обеспечение участия граждан в рамках программы EU4Citizens, включающей, например, открытие детских садов и образовательных учреждений в сельских местностях; поддержка малого бизнеса в рамках инициативы EU4Business; защита окружающей среды в рамках EU4Environment, и др. В целом все перечисленные проекты не были направлены на создание новых институциональных структур, но дополнили существующие государственные программы развития, в особенности подчеркивая необходимость поддержки уязвимых групп населения и наименее развитых территорий.

Статистика проведения программы EU4Business показывает существенный отрыв Грузии от остальных стран программы «Восточное партнерство», включая Армению и Азербайджан: в 2019 г. Грузия получила 161,67 млн евро на двусторонние проекты между ней и ЕС и 167,16 в рамках региональных инициатив ЕС, Армения – 53,88 и 22,45 млн евро соответственно, Азербайджан – 17,31 и 9,51 млн евро³³¹. Согласно отчету, объем предоставленных средств отражает не только приоритеты национальных правительств и ЕС, но и «скорость освоения» средств.

³³¹ Annual Report 2020 // EU4Business. – URL: <https://eu4business.eu/uploads/21/02/25/4c15bfa2ead5d631dfd4cd19016c9ce4.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

Очевидно, что грузинская сторона наиболее активна в реализации проектов программы, что не наблюдается в случае Армении и Азербайджана.

Масштаб поддерживаемых ЕС программ и инициатив в странах региона беспрецедентен: ЕС предлагает южнокавказским государствам обширный спектр направлений сотрудничества. ЕС поддерживает как точечные проекты, так и более масштабные государственные программы реформ. У стран-партнеров также есть право высказать пожелания по определению приоритетных сфер сотрудничества, что представляет важную возможность дополнительного финансирования как для государственных органов, так и местных акторов. Даже в случае Азербайджана, когда страна-партнер критично относится к взаимодействию с ЕС, взаимодействие в сферах, выходящих за рамки исключительно политического диалога, представляет собой значимую сферу сотрудничества.

Тем не менее можно наблюдать, что существенного скачка в развитии экономик стран не происходит, что относится и к ситуации в Грузии. Это связано с большим объемом регулирующих торговую деятельность правовых документов, технических стандартов и регламентов, адаптация которых потребовала большого периода времени. Более того, государственные институты стран и местные акторы оказались не осведомлены о том, каким образом могут быть получены выгоды от участия в различных проектах, поддерживаемых ЕС. Соглашаясь на ассоциацию с ЕС, политическое руководство Грузии взяло на себя ответственность за обеспечение крайне забюрократизированного процесса перехода к новым практикам государственного регулирования во множестве сфер, что отличает грузинский сценарий от развития отношений ЕС с Арменией и Азербайджаном. Важной оговоркой служит и то, что Грузия приняла эти обязательства в условиях неопределенности выгод сотрудничества: ассоциация с ЕС, с одной стороны, открыла новые возможности сотрудничества с ЕС, а с другой – не дала гарантий быстрого роста благосостояния грузинских граждан. В отсутствие явной экономической

составляющей мотивацию стран к партнерству определяли политические факторы, включая ожидание гарантий безопасности от ЕС в случае Грузии и продолжение стратегического партнерства с Россией в случае Армении.

Стоит отметить, что ЕС сыграл значимую роль в восстановлении территорий, пострадавших во время военных действий, предоставлении прямой финансовой помощи правительствам стран, а также в поддержке уязвимых категорий граждан и наименее развитых районов. Эта повестка более актуальна для Армении и Грузии, где сохраняются проблемы бедности, безработицы, расхождения в развитии городских и сельских местностей. В меньшей степени программы содействия развитию различных сфер экономики актуальны для Азербайджана. Однако страна заинтересована в получении ощутимых результатов сотрудничества, одним из которых могла бы являться либерализация визового режима. Пока значимого прогресса в этой сфере не происходит из-за роста опасений внутри самого ЕС и отсутствия консенсуса по поводу предоставления гражданам стран-соседей возможности беспрепятственного въезда на территорию ЕС.

По многим инициативам заметен отрыв Грузии от Армении и Азербайджана по объему получаемых от ЕС средств и по количеству участников программ. Наименее вовлеченным оказался Азербайджан, не проявляющий активного участия, однако и не нуждающийся во внешнем финансировании в той мере, в которой это актуально для Армении и Грузии.

3.3. Фактор нормативной силы в сфере региональной безопасности

Стратегия безопасности ЕС 2003 г. обозначила Южный Кавказ в качестве региона, имеющего важное значение для безопасности союза, отметив необходимость последовательных усилий в решении существующих конфликтов и выстраивании взаимодействия со всеми региональными

акторами³³². В 2008 г. Европейская комиссия следующим образом сформулировала цели программы «Восточное партнерство»: «Восточное партнерство» должно передать политическое сообщение о солидарности ЕС, включая ощутимую поддержку демократических и рыночно-ориентированных реформ, консолидации государственности и территориальной целостности. Это должно служить стабильности, безопасности и процветанию ЕС, его партнеров и всего континента»³³³. В академической литературе практически сразу же появились критические замечания, касающиеся недостаточности одной политической воли для становления ЕС в качестве актора в сфере безопасности и нехватке административных ресурсов для реализации этой цели³³⁴; существенных ограничениях ЕС в насаждении европейской экономической и политической модели на глобальной арене, где европейские ценности далеко не всегда эксклюзивны и неоспоримы³³⁵.

Вместе с тем региональная стабильность и мирное разрешение конфликтов – важная часть соглашений ЕС со странами региона. В Соглашении о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Арменией и ЕС указано, что стороны берут на себя обязательство вкладывать усилия в улучшение условий регионального сотрудничества, поддерживая идею открытых границ и приграничного партнерства, способствуя добрососедским отношениям и демократическому развитию, таким образом обеспечивая стабильность и безопасность в регионе³³⁶. Отдельные статьи Соглашения об ассоциации Грузии и ЕС также посвящены региональной стабильности и

³³² European Security Strategy – A secure Europe in a better world // European Council. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/publications/european-security-strategy-secure-europe-better-world/#> (дата обращения 10.04.2021).

³³³ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0823:FIN:EN:PDF> (дата обращения 10.04.2021).

³³⁴ Rieker P. The EU – A Capable Security Actor? Developing Administrative Capabilities / P. Rieker // Journal of European Integration. – 2009. – No 31:6. – P. 703-719.

³³⁵ Zielonka I. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // I. Zielonka // International Affairs. – 2008. – Vol. 84, No 3. – P. 471-484.

³³⁶ Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // European Commission. – 2017. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52017JC0037> (дата обращения 10.04.2021).

мирному разрешению конфликтов³³⁷. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве ЕС с Азербайджаном подчеркивает приверженность сторон к мирному решению территориальных споров³³⁸. Следует предположить, что власти всех трех стран, вступая в военное противостояние, должны осознавать возможные последствия применения силы в достижении внешнеполитических целей для дальнейшего развития сотрудничества с ЕС. Несмотря на высокую степень милитаризации региона, ЕС, как правило, ограничивается заявлениями и призывами к миру в случае военных столкновений или агрессивных высказываний представителей государств региона. В Армении, Грузии и Азербайджане сама идея становления государственности напрямую связана с территориальными претензиями каждого из государств, а националистические настроения находят широкую поддержку масс, оправдывая военное вмешательство.

С момента обретения независимости страны региона прошли сквозь череду конфликтов, на долгое время закрепивших военную безопасность в качестве ключевого приоритета любой политической элиты, оказывающейся у власти. Речь идет о непризнанных республиках: Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии. Проблема этих территориальных споров заключается не только в возможности возобновления военных действий, но и в создании вакуума безопасности, в которых вопросы обеспечения последней выпадают из области контроля правительств стран ввиду того, что они контролируются со стороны непризнанных политических сил³³⁹. Государства с «проблемной» суверенностью обладают устойчивой политической средой,

³³⁷ Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part // Official Journal of the European Union. – 2014. – 13 August. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(02\)https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52017JC0037](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(02)https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52017JC0037) (дата обращения 10.04.2021).

³³⁸ Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Azerbaijan, of the other part // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A21999A0917%2801%29> (дата обращения 10.04.2021).

³³⁹ German T.C. Visibly Invisible: EU Engagement in Conflict Resolution in the South Caucasus / T.C. German // European Security. – 2007. – No 16:3-4. – P. 357-374.

собственной легитимностью и властными институтами, формирующими особую идентичность³⁴⁰.

Понимание безопасности для ЕС связано с нерушимостью принципов международного права, приоритетом дипломатических методов решения разногласий между странами, включая принцип территориальной целостности и суверенности государств. Однако существование непризнанных государств, в каждом из которых сложился свой политический уклад, развились свои политические институты, в этом отношении стало вызовом для европейских политиков. Поскольку ЕС не признал ни одно из них в качестве потенциальных акторов диалога, все эти территории оказались вне проектов, инициированных в рамках Европейской программы соседства и программы «Восточного партнерства». Условием расширения выгод от интеграции на конфликтные территории мог бы стать отказ политических лидеров де-факто государств от претензий на независимый статус. Однако как таковые преимущества интеграции с ЕС, включая возможные послабления визового режима, участие в целевых программах по развитию отдельных отраслей экономики и т.п., не перевесили вопросы гарантий безопасности населения, проживающих на этих территориях. Даже в тех случаях, когда правительства государств пытаются самостоятельно и при поощрении ЕС предоставить населению конфликтных территорий определенные социальные выгоды, вопросы, лежащие в основе конфликта, остаются нерешенными. Примером может служить инициированная грузинским правительством программа «Шаг к лучшему будущему», раскритикованная властями Абхазии как попытка продемонстрировать мировому сообществу подобие дружелюбия³⁴¹. Таким же образом встает вопрос о защищенности этнического армянского населения в рамках

³⁴⁰ Маркедонов С. Целостность и самоопределение государств в мире проблемной суверенности / С. Маркедонов, И. Окунев // *Quaestio Rossica*. – 2020. – Vol. 8. – No 4. – P. 1422-1436.

³⁴¹ Комментарий Даура Кове о новой мирной инициативе правительства Грузии «Шаг к лучшему будущему» // Министерство иностранных дел Республики Абхазия. – URL: http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-daura-kove-o-novoy-mirnoy-initsiative-pravitelstva-gruzii-shag-k-luchshemu-budushchemu/ (дата обращения 10.04.2021).

азербайджанского государства в случае присоединения Нагорного Карабаха к Азербайджану. Так, военные действия 2020 г. премьер-министром Армении были расценены как результат многолетней пропаганды и армянофобии³⁴². Страны региона нуждаются в дипломатическом посредничестве, развитии механизмов защиты населения спорных территорий, превентивных и работающих форматах налаживания диалога. Программы, направленные на улучшение благосостояния граждан спорных территорий, вызывают отторжение со стороны политического руководства этих образований и рассматриваются как инструмент манипуляции. Вместе с тем именно программы развития – основной инструмент ЕС, призванный служить мотивирующим фактором к мирному разрешению конфликтов.

Несмотря на декларирование ЕС взаимосвязи демократии и рыночных реформ, на деле преобразования, отмечаемые ЕС как демократические, и становление государственности в странах Южного Кавказа нередко сопровождались ростом внешнеполитической нестабильности. Грузинский пример, когда к власти пришел лидер, объявивший европейский вектор интеграции приоритетным, показал, что выбор демократического пути развития в политической риторике Михаила Саакашвили фактически всегда рассматривался в контексте роста дестабилизации в регионе и конкуренции между глобальными акторами: ЕС и Россией. На заседаниях Европейского парламента заявления об агрессии со стороны России в отношении Грузии находили абсолютную поддержку со стороны европейских политиков³⁴³. Несмотря на признание каждой из сторон необходимости мирных переговоров, тенденция к фрагментации сохранилась, завершившись вооруженным конфликтом в 2008 г. между военными силами Грузии с одной стороны и Абхазии, Южной Осетии и Российской Федерации – с другой.

³⁴² Интервью премьер-министра Пашиняна агентству «France24» // Премьер-министр Республики Армения. – URL: <https://www.primeminister.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2020/10/04/Nikol-Pashinyan-interview-France24/> (дата обращения 10.04.2021).

³⁴³ Mikheil Saakashvili: “Georgia is an ancient European nation” // European Parliament. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=IM-PRESS&reference=20061113IPR12538&language=SL> (дата обращения 10.04.2021).

Конфликт имел не только локальные последствия, вызвав гуманитарный кризис в самой Грузии и повлияв на ожидания грузинских властей по поводу возможного вступления страны в НАТО, но и глобальные, послужив еще большей поляризации отношений между Россией с одной стороны и ЕС, США и НАТО – с другой.

За переходом Армении к парламентской форме правления в ходе смены власти в 2018 г. и «бархатной революции» не последовало нормализации взаимоотношений с Азербайджаном: в 2020 г. нагорнокарабахский конфликт перешел в военную стадию, приведя к значительным потерям с обеих сторон. Хотя стабильность, безопасность и демократия декларируются ЕС в качестве целей Политики соседства ЕС, исследователи также подчеркивают его не столь явно обозначенную задачу: первостепенным приоритетом внешней политики ЕС служит легитимация институтов ЕС в пределах самого союза³⁴⁴. Как следствие, ЕС не заинтересован в коренном изменении ситуации в конфликтах между странами, лишь декларируя торжество европейской модели в тех случаях, когда во внешнеполитических отношениях стран сохраняется относительная стабильность и они продолжают сотрудничество с ЕС. В реальности же конфликтный потенциал между Арменией и Азербайджаном постоянно нарастал, а переход сторон к военному противостоянию не нашел никакого значимого ответа со стороны европейских партнеров.

Отчасти причина этого кроется в ограниченности внешнеполитических инструментов ЕС: не имея собственной армии, союз может играть роль посредника в переговорах между странами, выполнять мониторинговую функцию, поддерживать программы развития и восстановления территорий после военных действий. Несмотря на практически отсутствующий механизм имплементации внешнеполитических решений европейских институтов, касающихся региона, ЕС использовал мирное решение конфликтов в

³⁴⁴ Cianciara A.K. Stability, Security, Democracy: Explaining Shifts in the Narrative of the European Neighbourhood Policy // Journal of European Integration. – 2016. – 39:1. – P. 49-62.

качестве одного из предусловий развития взаимодействия со странами, предполагая, что выгоды от партнерства могут побудить Армению, Грузию и Азербайджан поддерживать региональную стабильность и препятствовать возникновению военных столкновений. Этого не происходило, т.к. требование было декларативным и не подразумевало подкрепления какими-либо политическими действиями. В большинстве случаев ЕС лишь выполнял функцию независимого арбитра, выражая ту или иную позицию относительно внешнеполитической стратегии правительств государств.

Таким образом, ЕС не предлагал собственных моделей для нормализации отношений между странами, но полагался на уже существующие международные институты, работающие в конфликтных зонах. В случае нагорнокарабахского конфликта таким институтом с момента перемирия между Арменией и Азербайджаном в 1994 г. являлась Минская группа ОБСЕ, в Южной Осетии мандат на урегулирование конфликта в 1992 г. получила ОБСЕ, в Абхазии с 1994 г. таким международным посредником была ООН. После кризиса августа 2008 г. в Грузии и непосредственного вовлечения в процесс медиации президента Франции Николя Саркози ЕС, наравне с ООН и ОБСЕ, стал непосредственным участником Женевских дискуссий; была создана миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии.

Несмотря на вовлечение международных акторов в урегулирование конфликтов, для политической элиты стран Южного Кавказа решение территориальных споров означало, прежде всего, определение статуса конфликтных территорий и восстановление суверенитета, но не воздержание от военного наступления. Это существенно отличало позиции властей стран от позиций международных наблюдателей, скорее, видящих результатом переговоров сохранение статус-кво и региональной стабильности. Хотя ЕС в официальных документах всегда подчеркивал принцип территориальной целостности как ключевой, его трактовка европейскими политиками не была однозначной и предполагала различные интерпретации. С этим, например,

связаны призывы азербайджанской стороны к международному сообществу оказать политическое давление на Армению и дать понять армянской стороне, что Нагорный Карабах не может быть ни частью Армении, ни независимым государством³⁴⁵. С другой стороны, прямолинейная трактовка некоторыми европейскими политиками принципа территориальной целостности государств также противоречила основам мирного урегулирования, в рамках которого статус территорий стороны должны были определить в ходе переговоров. Как результат, представители сторон нагорнокарабахского конфликта выражали недоумение и непонимание европейской позиции. В июне 2020 г. между европарламентариями и парламентом Республики Армения разразился скандал. Сопредседатель Комитета парламентского партнерства ЕС – Амения Марина Кальюранд, постоянный докладчик по Армении Траян Бэеску и постоянный докладчик по Азербайджану Зеляна Зовко выступили с заявлением, в котором Нагорный Карабах обозначен как оккупированная Арменией территория, и содержится призыв к мирному разрешению конфликта в рамках признанных международным сообществом границ Азербайджана. Армянский парламент выступил с осуждением, заявив, что подобные высказывания противоречат принципам Минской группы ОБСЕ и дискредитируют процесс мирного урегулирования³⁴⁶. Несогласованность и непоследовательность заявлений со стороны отдельных европейских политиков и европейских институтов послужили препятствием к выстраиванию доверия между странами и ЕС в наиболее острых внешнеполитических вопросах.

Важным фактором нарастания конфликтного потенциала в регионе стало невключение со стороны ЕС России в программу «Восточное партнерство». В РФ программа была однозначно воспринята как выведение

³⁴⁵ Münchner Sicherheitskonferenz 2020, München// Security Conference. – URL: <https://securityconference.org/mediathek/asset/conversation-an-update-on-nagorno-karabakh-20200215-1830/> (дата обращения 10.04.2021).

³⁴⁶ Заявление членов Комитета парламентского партнерства Армения-ЕС в связи с заявлением трех членов Европарламента // Парламент Республики Армения. – URL: http://www.parliament.am/news.php?do=view&cat_id=2&day=12&month=06&year=2020&NewsID=13083&lang=rus (дата обращения 10.04.2021).

стран-партнеров из-под влияния России³⁴⁷. Не будучи активным участником инициатив ЕС в регионе, Россия тем не менее всегда играла важную роль в ключевых вопросах безопасности региона. В первую очередь, как сопредседатель Минской группы ОБСЕ, Россия вносит значимый вклад в урегулирование нагорнокарабахского конфликта. Россия – стратегический партнер Грузии, Армении и Азербайджана в экономической и политической сферах. С 2008 г. присутствие России в регионе, признание ею Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых республик, стало для ЕС поводом к прочерчиванию еще одной разделительной линии. В подходах России и ЕС к соседствующим странам появилось противоречие, которое нарушило существовавшую ранее правовую основу регулирования конфликтов: в то время как РФ признала право на самоопределение Абхазии и Южной Осетии, ЕС поддержал политику грузинского правительства по непризнанию сепаратистских республик. ЕС способствовал правовому оформлению произошедших событий как оккупации Российской Федерацией территории Грузии, приняв непосредственное участие в разработке грузинским правительством государственной стратегии в отношении оккупированных территорий³⁴⁸. Тем самым грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты в международной повестке были переведены в плоскость грузино-российских отношений, что поставило власти непризнанных республик в ситуацию выбора между независимостью, гарантируемой военным присутствием России, и отказом от претензий на автономность в обмен на социальные выгоды, обещанные населению со стороны грузинского правительства. При этом ЕС впоследствии поддерживал стремление грузинского правительства снизить напряженность в отношениях с Россией,

³⁴⁷ «Восточное партнерство»: проблемы реализации и возможные последствия // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f243fdc22b87385.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

³⁴⁸ Шаишмелашвили Г. Роль Евросоюза в трансформации грузино-абхазского конфликта / Г. Шаишмелашвили // Грузия-Россия: две перспективы по вопросам политики, безопасности и экономики. Сборник статей. – Caucasian House. – 2014. – С. 48-51.

выступая с соответствующими заявлениями³⁴⁹. При понимании важности мирных взаимоотношений между странами, сообщения, исходящие от европейских институтов, противоречили друг другу: с одной стороны, ЕС рассматривал Россию как нарушителя установленного правового порядка в регионе, с другой – возлагал ответственность на Грузию по налаживанию добрососедских отношений.

Фактическое вычеркивание вопроса безопасности из повестки дня программы «Восточное партнерство» минимизировало влияние ЕС на сферу внешнеполитических взаимоотношений стран. Такое решение не дало ответа на рост конфронтации между Россией и ЕС, вернув страны Южного Кавказа в «игру без правил» и спровоцировав внешнеполитическую неустойчивость³⁵⁰. Украинский кризис ухудшил ситуацию и повысил обеспокоенность среди политических элит стран Южного Кавказа по поводу того, в какой степени они могли бы рассчитывать на Запад в качестве гаранта безопасности³⁵¹.

В то время как Брюссель рассматривал демократические преобразования в качестве индикатора долговременного мира и стабильности у своих границ, с российской позиции эти изменения виделись, скорее, как вмешательство стран Запада в пространство стран СНГ, естественно воспринимаемое Россией как стратегически значимое партнерство. В академической литературе обозначенные явления отмечались не просто как соперничество России и ЕС, а цивилизационный разлом, связанный с различным пониманием суверенности и демократии, используемых обеими акторами в геополитических целях³⁵². Южный Кавказ стал рассматриваться как площадка столкновения интересов России и НАТО, в особенности после

³⁴⁹ Хаиндрава И.Л. Асимметрия (к вопросу о грузинско-российских взаимоотношениях) / И.Л. Хаиндрава // Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития. – Российский совет по международным делам. – 2014. – С. 6-29.

³⁵⁰ Новикова Г. Южный Кавказ между Россией и Западом: насколько прагматичны подходы заинтересованных сторон? / Г. Новикова // Connections. – 2015. – Т. XIV, No 2. – С. 41-57.

³⁵¹ Paul A. The Eastern Partnership, the Russia-Ukraine War, and the Impact on the South Caucasus / A. Paul // IAI Working Papers. – 2015. – No 6.

³⁵² Nuryiev E. Russia, the EU and the South Caucasus: Forging an Efficient Over-Arching Cooperative Regional Security Scheme / E. Nuryiev // Connections. – 2015. – Vol. 14, No. 2. – P. 51-64.

заявлений грузинских властей о стремлении к членству в НАТО после 2008 г.³⁵³ Одновременно с этим в регионе появились и другие игроки: среди них Китай, развивающий экономические отношения с каждой из стран, а также Турция³⁵⁴. Вследствие транспортировки энергоресурсов через территорию Грузии и Турции в европейские страны, стратегически значимые отношения Анкары, Тбилиси и Баку укрепились не только в экономической сфере. Баку и Анкара сформировали и военный союз. Не получая гарантий безопасности со стороны ЕС, страны региона успешно нашли их в лице других партнеров, не всегда следующих дипломатическому пути решения конфликтов как единственно возможному.

Вместе с тем Армения, Грузия и Азербайджан предпринимали попытки лоббировать собственные интересы в рамках европейских институтов. Среди вопросов, выдвинутых странами региона для обсуждения в Совете Европы, Европейском парламенте и других структурах ЕС, оказались межгосударственные взаимоотношения, так или иначе рассматриваемые с позиций международного права, демократии и уважения фундаментальных прав и свобод. Тем самым государства-партнеры, воспользовавшись политической повесткой Евросоюза, укрепили доминирующий в каждой из них внешнеполитический нарратив. В некоторых случаях это привело к еще большему расхождению позиций сторон, как, например, в вопросе армяно-азербайджанских или российско-грузинских отношений. В этой связи среди рисков использования нормативной повестки во внешнеполитических целях важно отметить то обстоятельство, что аргумент о принадлежности к Европе и принятии европейских ценностей применялся как критерий отличия от политических оппонентов. Тем самым разделительные линии между политическими силами или конфликтующими сторонами углублялись, будучи подкреплены идеологическим компонентом.

³⁵³ Nasirov E. The South Caucasus: A Playground Between NATO and Russia? / E. Nasirov, K. Iskandarov, S. Sadyiev // *Connections*. – 2017. – Vol. 16, No 3. – P. 47-56.

³⁵⁴ Sarjveladze M. The South Caucasus in the Context of the EU-Russia Crisis / M. Sarjveladze // *Security Policy Working Paper*. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. – 2017. – No 28. – 4 p.

Так, один из основных пунктов соглашений Еревана с Брюсселем – мирное урегулирование нагорнокарабахского и других региональных конфликтов, а также установление дипломатических отношений с Турцией. Оба вопроса косвенно взаимосвязаны с проблемой соблюдения прав человека. В частности, речь идет о правах и свободах населения Нагорного Карабаха и признании геноцида армян турецкой стороной. Бывший президент Армении Серж Саргсян (2008–2018 гг.) неоднократно подчеркивал это в своих выступлениях, связывая оба вопроса с борьбой за права человека, соответствующей в том числе европейским ценностям. Именно на этих темах он акцентировал внимание во время четвертого саммита «Восточного партнерства» в Риге³⁵⁵. В 2015 г. С. Саргсян поблагодарил Европейскую народную партию за вклад в принятие Европейским парламентом резолюции, осудившей геноцид армян³⁵⁶. Следуя той же логике, официальные лица Армении считают Нагорный Карабах принадлежащим европейскому пространству. В этих случаях лидеры государства говорят о стремлении населения Арцаха (Нагорного Карабаха) к построению открытого общества, основанного на правах человека и основополагающих свободах, а также о необходимости справедливых выборов в органы местного самоуправления, исполнительной и законодательной власти³⁵⁷.

Подчеркивая, что Ереван следует принципам диалога и поиска мирного решения конфликта, представители Армении отмечали агрессивность высказываний азербайджанской стороны и отсутствие возможности мирного урегулирования вследствие неготовности Баку к переговорам. Молчание ЕС в этой ситуации воспринималось как принятие «вопиющего попрания духа

³⁵⁵ Выступление Президента Сержа Саргсяна на встрече лидеров Восточного партнерства Европейской народной партии // Официальный сайт Президента Республики Армения. – URL: <http://www.president.am/ru/statementsand-messages/item/2015/05/21/Statement-of-President-Serzh-Sargsyan-EPP-Latvia/> (дата обращения 10.04.2021).

³⁵⁶ Речь Президента РА Сержа Саргсяна на съезде ЕНП // Официальный сайт Президента Республики Армения. – URL: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2015/10/21/President-Serzh-Sargsyan-speech-at-EPPCongress/> (дата обращения 10.04.2021).

³⁵⁷ Речь Президента Сержа Саргсяна в Центре Карнеги // Официальный сайт Президента Республики Армения. – URL: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2017/02/28/President-Serzh-Sargsyan-remarks-at-the-Carnegie-Center/> (дата обращения 10.04.2021).

Хельсинки»³⁵⁸ и подрывало репутацию Брюсселя как посредника, заинтересованного в решении данного конфликта. Несмотря на формальную поддержку принципа территориальной целостности Азербайджана со стороны ЕС, именно эти аргументы успешно использовались армянской стороной для лоббирования своих интересов в парламентах западных стран. Деятельность Евросоюза и настойчивость в призывах к мирному урегулированию и соблюдению прав человека Ереван обращал против самого ЕС, не способного обеспечить соблюдение всеми странами-партнерами декларируемых ценностей. В этом случае аргумент о принадлежности к Европе применялся Арменией как признак отличия от агрессивного «другого» и еще более усиливал разделительные линии в пространстве соседства.

В 2018 г. стало очевидно, что отношения с Турцией не могут быть пересмотрены. Вступивший в должность в 2018 г. президент Армен Саркисян аннулировал Цюрихские протоколы о нормализации взаимоотношений между странами, которые были подписаны в 2009 г. Сержем Саргсяном в присутствии представителей РФ, США, Франции и ЕС³⁵⁹. Брюссель долгое время возлагал надежды на восстановление дипломатических связей между двумя государствами. В плане действий по сотрудничеству Армении и ЕС в 2010 г. указывалось, что власти Армении должны использовать момент для установления дипломатических отношений с Турцией: усиление диалога между правящими политическими силами и оппозицией по этому вопросу должно было способствовать развитию государства. В 2015 г. возможности восстановления дипломатических отношений между Арменией и Турцией было посвящено заседание Европейского парламента, в ходе которого депутаты призвали стороны

³⁵⁸ Выступление Президента Сержа Саргсяна на Мюнхенской конференции по безопасности // Официальный сайт Президента Республики Армения. – URL: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2018/02/17/President-Serzh-Sargsyans-speech-at-Munich-Security-Conferance/> (дата обращения 10.04.2021).

³⁵⁹ Protocol on the Establishment of Diplomatic Relations between the Republic of Turkey and the Republic of Armenia // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. – URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/zurih-protokoller-en.pdf. (дата обращения 10.04.2021).

воспользоваться примером решения конфликтов между европейскими государствами³⁶⁰. Тем самым ЕС утверждал себя в роли миротворческой и посреднической силы. Однако несмотря на то, что весь этот период Турция сохраняла статус кандидата в члены ЕС, Ереван и Анкара не смогли преодолеть противоречия во взаимоотношениях. Механизм обусловленности, когда прогресс в сотрудничестве с ЕС зависит от следования договоренностям, очевидно, не сработал в отсутствие ясных бонусов и перспектив для обеих стран. Примирения не удалось достичь не потому, что Армения этого недостаточно хотела: конфигурация политических сил в регионе была такова, что Ереван не мог бы наладить отношений с Анкарой без вовлечения в этот диалог Баку и определения статуса Нагорного Карабаха.

С момента подписания Грузией Соглашения об ассоциации Евросоюз не рассматривался как единственный нормативный актор. Дискуссия о европейской интеграции всегда шла бок о бок с заявлениями о возможном вхождении в евро-атлантические структуры безопасности. М. Саакашвили, занимавший пост президента в 2005–2007 и 2008–2013 гг., определял общее пространство западных стран, близких Грузии, как «семью демократических государств, состоящих из наших европейских братьев и наших американских друзей и партнеров»³⁶¹. Таким образом, речь шла не об эксклюзивно европейском пространстве, а, скорее, о сообществе западных стран. Это позволяло Тбилиси наряду с европейской интеграцией налаживать контакты и взаимоотношения с США, другими государствами региона – Азербайджаном и Турцией. Ориентация на сотрудничество с Россией рассматривалась в этом ключе как часть травматичного прошлого. Грузинские официальные лица использовали отсылку к России как к разделительной линии между «европейской семьей» и странами, к ней не

³⁶⁰ Armenian genocide centenary: MEPs urge Turkey and Armenia to normalize relations // European Parliament. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20150413IPR41671/armenian-genocide-centenary-meps-urgeturkey-and-armenia-to-normalize-relations> (дата обращения 10.04.2021).

³⁶¹ Speech delivered by Mikheil Saakashvili at John Hopkins University // Saakashvili Archive. – URL: <http://www.saakashviliarchive.info/en/PressOffice/News?p=2779&i=1> (дата обращения 10.04.2021).

принадлежащими. Например, визит президента РФ Владимира Путина в Абхазию 8 августа 2017 г. в официальном заявлении МИД Грузии обозначен как попытка легитимизации изменения границ суверенного государства путем военной агрессии и оккупации³⁶². В то же время успех Грузии, продолжавшей политику мира и диалога, демократического и экономического развития страны, европейской и евроатлантической интеграции, объяснялся в том числе противостоянием России³⁶³. В своих выступлениях президент Грузии Георгий Маргвелашвили подчеркивал, что Грузия заслуживает членство в ЕС и НАТО, а важнейшим условием этого процесса считал политику, отвечающую на вызовы грузино-российских отношений. Это, в свою очередь, должно было бы способствовать достижению мира и стабильности не только в странах-соседах, но и в самой России³⁶⁴. Таким образом, Грузия пыталась ускорить процесс европейской интеграции, используя аргумент внешней угрозы и апеллируя к ЕС как к независимой инстанции, способной принять меры в отношении актора, не действующего в соответствии с европейскими нормами. Брюссель всецело поддерживал позицию Тбилиси, в том числе политическими заявлениями. В этом случае попытка ЕС реализовать потенциал нормативной силы в регионе исключала Россию как актора, принадлежащего к общему европейскому пространству и разделяющего соответствующие ценности и ориентиры.

Региональное измерение нормативного влияния Евросоюза наиболее проблематично, так как предполагает взаимодействие акторов, в разной степени стремящихся к политическому сближению с ЕС. Тем самым Политика соседства ЕС, стирая границы между странами-партнерами и самим ЕС, обозначает их вновь, очерчивая пространство, не вошедшее в

³⁶² Statement by the Ministry of Foreign Affairs of Georgia // Ministry of Foreign Affairs of Georgia. – URL: [http://www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmetasaministros-ganckhadeba-\(1\).aspx?CatID=5&lang=en-US](http://www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmetasaministros-ganckhadeba-(1).aspx?CatID=5&lang=en-US) (дата обращения 10.04.2021).

³⁶³ Statement of the Ministry of Foreign Affairs of Georgia regarding the 9th anniversary of the August 2008 War // Ministry of Foreign Affairs of Georgia. – URL: <http://www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmeta-saministros-ganckhadeba-2008-clis.aspx?CatID=5> (дата обращения 10.04.2021).

³⁶⁴ President Margvelashvili: We believe that Georgia deserves the EU and NATO membership // President of Georgia. – URL: <https://president.gov.ge/en-US/pressamsakhuri/siakhleebi/chven-gvjera,-rom-vimsakhurebt-evrokavshirisa-da-n.aspx> (дата обращения 10.04.2021).

дружественный круг государств. Это существенно ослабляет нормативное влияние Брюсселя, так как ставит под сомнение саму идею универсальности ценностей и вместо региональной стабилизации способствует, скорее, еще большей фрагментации региона. Вместе с тем представляется, что именно в коммуникации с акторами, отличными от самого ЕС, европейский проект утверждает свою легитимность.

ЕС в своем роде нуждается в странах соседства, поскольку в диалоге с ними становятся очевидны его отличительные черты. Отношения Брюсселя и Баку в этом смысле наиболее противоречивы. Среди прочего со стороны Азербайджана в адрес ЕС прозвучали обвинения в применении политики двойных стандартов, когда на Армению в связи с конфликтом в Нагорном Карабахе не были наложены санкции, подобные тем, которым подверглась Россия в связи с украинским кризисом³⁶⁵. Официальный Баку всегда заявлял о поддержке ценностей свободы, верховенства права и демократии как стимулов к модернизации страны. Более того, Азербайджан считает важной свою роль по сближению европейского пространства с мусульманским миром, что в 2017 г. президент Ильхам Алиев на съезде партии «Ени Азербайджан» назвал «почетной миссией Азербайджана»³⁶⁶. Тем не менее, согласно заявлению главы государства, мусульмане сталкиваются с трудностями интеграции в странах ЕС, о чем свидетельствуют дискриминация и ксенофобия в Европе. В политическом отношении аргументы с критикой Брюсселя используются для сохранения постоянной дистанции в отношениях с Европейским союзом. Это, например, выражается в неисполнении решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), обсуждении возможного выхода страны из состава Совета Европы. Важность возврата территории Нагорного Карабаха Азербайджану в официальных заявлениях президента республики вписана в контекст угрозы сепаратизма в

³⁶⁵ Азербайджан вновь обвиняет Евросоюз в применении двойных стандартов // АрмИнфо. – URL: http://arminfo.info/full_news.php?id=24294 (дата обращения 10.04.2021).

³⁶⁶ Речь Ильхама Алиева на VI съезде Партии «Ени Азербайджан» // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – URL: <http://ru.president.az/articles/26998> (дата обращения 10.04.2021).

самом ЕС и необходимости защиты принципа территориальной целостности в международном масштабе³⁶⁷. Таким образом, в отсутствие существенных мотивов к сближению с европейской политической моделью страна-партнер неизбежно подвергает сомнению качество политических процессов в самом ЕС. Аргумент о непринадлежности к Европе, несовершенстве предлагаемой демократической модели развития используется политическим режимом для легитимизации собственной позиции внутри страны и отстаивания независимого курса Азербайджана на международной арене.

Резюмируя, стоит отметить, что с 2008 г. в регионе нарастает конфликтный потенциал и тенденция к фрагментации. Долгосрочного решения этой проблеме не предложил ни один международный актор, включая ЕС. Страны региона заинтересованы в решении территориальных споров и определении статуса де-факто государств; международные акторы воспринимают процесс урегулирования конфликтов как сохранение статуса-кво и отсутствие военных столкновений. Попытка ЕС использовать привязку сотрудничества со странами-партнерами к условию мирного разрешения конфликтов не удалась: у каждого из государств нашлось достаточное количество аргументов в пользу собственной позиции, не противоречащей идеалам защиты прав человека и соблюдения принципа территориальной целостности. Множественность трактовок со стороны европейских политиков и институтов основных принципов урегулирования конфликтов привела к потере доверия к ЕС как посреднику между странами в наиболее острых внешнеполитических вопросах. Политика ЕС в отношении конфликтов в Абхазии и Южной Осетии способствовала прочерчиванию еще одной разделительной линии в регионе, коснувшейся взаимоотношений стран Южного Кавказа с Российской Федерацией.

Выводы к главе 3

³⁶⁷ Там же.

Несмотря на значимость демократических реформ как критерия в оценке продвижения страны-партнера в общей повестке взаимодействия с ЕС, ни одно из соглашений со странами Южного Кавказа не дало точного определения тому, что именно имеется в виду под «демократией» и каким образом внешние наблюдатели могут сделать вывод о том, что страна действительно встала на путь демократического развития. В сотрудничестве с ЕС элементом приверженности к демократическому развитию служат заявления лидеров государств о выборе европейского пути как ключевого, однако практика поддержки демократических реформ не позволяет сделать однозначного вывода о торжестве этой политической модели хотя бы в одной из исследуемых стран, даже в случае прямого участия ЕС во внутриполитических процессах.

Сотрудничество ЕС и стран Южного Кавказа в сфере демократических реформ не ставит трансформацию политических режимов в качестве конкретной задачи. ЕС преимущественно рассчитывает на адаптацию европейских практик государственными институтами стран, диалог с населением через поддержку организаций гражданского общества, что приводит к видимому эффекту реформ, но не предполагает кардинальных изменений в структуре власти стран-партнеров. Механизм заимствования практик обеспечения эффективности государственных институтов получил широкое распространение под термином «надлежащее правление». В этой сфере наиболее стабильным направлением сотрудничества ЕС со странами Южного Кавказа стала реформа системы правосудия.

С 2009 г. акцент сотрудничества ЕС со странами сместился с внутренних реформ на подготовку к подписанию Соглашения об ассоциации, что потребовало значимых институциональных изменений, создания специальных консультативных групп, проведения анализа всех сфер взаимодействия и разработке соответствующих предложений по их приближению к европейским стандартам и нормам. Масштабность самого процесса подготовки к подписанию соглашений, а затем к их

имплементации, значительно затруднила отслеживание конкретных результатов взаимодействия, сместив фокус на факт заключения договоренностей. Наибольший объем обязательств из стран региона взяла на себя Грузия, вступив на путь максимального пересмотра существующих формальных институтов, регулирующих государственное управление и экономику. Армения и Азербайджан, со своей стороны, сохранили за собой право выбора. В случае Армении приоритетным стало направление евразийской интеграции, что отражается и на показателях внешней торговли последних лет: доля России во внешней торговле и в прямых иностранных инвестициях в страну планомерно растет. Тем не менее ЕС сохраняет позицию второго по значимости торгового партнера. Сотрудничество ЕС с Азербайджаном сфокусировано в энергетической сфере, что отвечает прагматическим интересам обеих сторон.

На начальном этапе сотрудничества ЕС с Арменией, Грузией и Азербайджаном содействие экономическому развитию сыграло значимую роль для восстановления стран региона после потрясений, связанных с военными конфликтами. Проблемы бедности и безработицы до сих пор актуальны в Армении и в Грузии, для стран по-прежнему важны программы макрофинансовой помощи и содействия развитию. Среди инициатив ЕС, поддержанных другими донорами развития, включая Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, перспективны программы регионального развития. К 2020 г. в каждой из стран-партнеров преследуемые цели программ отличались: в Армении приоритет был отдан развитию малого бизнеса с высоким потенциалом роста, в Грузии – децентрализации развития и поддержке местных инициатив, в Азербайджане – развитию сельскохозяйственных районов. Это успешный пример, когда ЕС смог оценить ситуацию в каждой из стран и в сотрудничестве с национальными правительствами определить задачи и цели.

Прямой корреляции между подписанием странами соглашений с ЕС о сотрудничестве в торговой сфере и интенсификацией торговых связей нет:

несмотря на рост товарооборота, в последние годы наблюдается снижение показателей, в особенности экспорта в ЕС. Существуют и объективные сложности, препятствующие выходу стран Южного Кавказа на европейский рынок: их ограниченная конкурентоспособность, зарегулированность европейского рынка, неосведомленность локальных акторов о правилах игры, присутствие других экономических партнеров в регионе. Вместе с тем заметен отрыв Грузии от Армении и Азербайджана по показателю объема вложений ЕС в различные сферы развития экономики, образования, инфраструктуры. Так, например, Грузия лидирует по количеству участников в программах вузовских обменов.

Визовая либерализация – один из наиболее ощутимых для населения стимулов к сотрудничеству с ЕС, однако прогресс в этом вопросе труднодостижим из-за инертности европейских институтов и отсутствия консенсуса по поводу возможных рисков в самих странах ЕС. Несмотря на то, что некоторые страны – члены ЕС указывают в качестве угрозы возможный рост заявок на политическое убежище, во всех трех странах наблюдается улучшение статистических показателей, касающихся соблюдения Грузией, Арменией и Азербайджаном выдвигаемых ЕС требований. Грузия также предпринимает упреждающие действия, стремясь следовать условиям визового диалога.

Военная безопасность – ключевой приоритет национальных элит, приходящих к власти в Армении, Грузии и Азербайджане. Несмотря на то что страны региона нуждаются в развитии превентивных форматов налаживания диалога, дипломатическое посредничество ЕС к этому не привело. Вопреки декларируемой взаимосвязи процессов демократизации и мирного урегулирования, преобразования, отмеченные ЕС как демократические зачастую сопровождались ростом внешнеполитической нестабильности. Нормативное влияние ЕС в сфере безопасности оказалось минимальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование лишь частично подтвердило гипотезу о том, что ЕС удастся влиять на политические процессы в Армении, Грузии и Азербайджане посредством формирования в этих южнокавказских государствах норм демократического правления, роста благосостояния граждан, мирного разрешения конфликтов. Главным образом, проведенный анализ свидетельствует об ограничениях подобного воздействия.

Неолиберальная теоретическая традиция основывается на тезисе о комплексной взаимозависимости государств и вытекающей из этого возможности их рационального выбора в пользу долгосрочного мира. Появление механизмов кооперации и коммуникации должно было создать возможности для пересмотра национальных интересов и заимствования практик успешного государственного строительства. Концепции идеологического влияния внешней политики, включая концепцию нормативной силы тем не менее на практике несут риск монополизации представлений о нормах мирового порядка тем или иным актором и насаждении их сверху странам-партнерам в отсутствие какой-либо дискуссии о возможных альтернативах.

Нормативная сила как способность формировать представление о том, что есть норма, не основывается на конкретном внешнеполитическом инструментарии, но подразумевает постоянный диалог между носителем норм и их реципиентом. Ее ключевой характеристикой является инклюзивность этого диалога, его открытость другим акторам. Претендуя на роль нормативной силы ЕС совместно со странами-партнерами и внешними игроками принимает участие в формировании дискурса о том, что есть идеи мира, демократия, открытый рынок и др., ввиду того, что ни одно из этих понятий не имеет неоспоримого определения, которое было бы закреплено в соглашениях ЕС со странами.

Объективная оценка фактора нормативной силы не может быть построена на принятии той или иной ценностной концепции как единственно верной, но должна предполагать множество трактовок со стороны стран-партнеров. Основным критерием существования нормативного влияния служит его признание другими акторами. Таким образом, «измерить» нормативную силу возможно, сопоставив расхождение между ожиданиями акторов внутри и вовне Евросоюза по поводу исполняемой им роли и реальными возможностями ЕС. Чем это расхождение больше, тем менее силен фактор нормативной силы в стране-партнере.

Исследование продемонстрировало неоднородность институциональных изменений в ходе взаимодействия с ЕС на национальном уровне: Арменией, Грузией и Азербайджаном были приняты различающиеся форматы сотрудничества с ЕС, определенные контекстом взаимоотношений и оценкой каждой из стран возможных выгод и издержек такого партнерства. В случае Грузии речь идет об ассоциации с ЕС – максимальной форме сближения страны-партнера с ЕС в отсутствие краткосрочной перспективы членства. Вторая форма взаимодействия – расширенное партнерство, оно – применимо в отношении взаимодействия ЕС и Армении. В не страна-партнер декларирует приверженность партнерству с ЕС, но сотрудничает и с другими акторами, учитывая интересы различных сторон. И, наконец, третий сценарий, наблюдаемый в отношениях ЕС с Азербайджаном, основан на внеблоковой позиции государства и критическом анализе соответствия каждого из предъявляемых требований прагматическим интересам сторон. Выбор в пользу того или иного формата партнерства обусловлен как представлением стран о возможных выгодах сотрудничества, так и пространством для маневра каждой из них: Азербайджан оказался наиболее гибок в диалоге с ЕС, имея в своем арсенале возможность влияния на партнерство в сфере энергетики. Армения и Грузия, будучи в более уязвимой позиции с точки зрения обеспечения национальной безопасности и нуждаясь в источниках финансирования государственных реформ, не имели

возможности более избирательного отношения к предлагаемому формату партнерства. Учитывая различающуюся степень вовлечения стран региона в программы сотрудничества с ЕС, в работе нормативное влияние ЕС проанализировано в трех сферах взаимодействия: в рамках демократических реформ, поддерживаемых ЕС; во взаимосвязи с ростом благосостояния граждан в широком понимании, обозначающем не только увеличение доходов граждан, но и общее качество жизни и расширение возможностей; в сфере региональной безопасности.

Следует отметить, что опыт взаимодействия ЕС с Арменией, Грузией и Азербайджаном охватывает множество сфер отношений. С момента обретения указанными государствами независимости ЕС прочно занял место значимого регионального актора, не только установив дипломатические, политические и экономические отношения со странами региона, но и задав тон дискуссии о государственных интересах, ценностях и моделях развития. Нарратив о европейских нормах и ценностях был принят национальными политическими элитами и используется для аргументации выбора внешнеполитических партнеров. Особенно ярко это проявилось в случае политического руководства Грузии, заявившего о «европейском выборе» страны. Европейская модель политического устройства, основанная на принципах демократии, надлежащего правления, уважения прав человека, стала предметом экспорта внешней политики ЕС. Декларируя приверженность европейским нормам и ценностям как пути к стабильности и процветанию, Европейский союз вступил в конкуренцию с другими игроками в регионе, включая Российскую Федерацию. Тем самым ЕС способствовал тому, что вопросы институционального сближения, принятия практик ЕС в сфере государственного управления, включение широких слоев населения в принятие политических решений стали частью внешнеполитической повестки. Используя указанные принципы как формальный критерий продвижения стран в достижении целей партнерства,

ЕС мотивировал руководство стран так или иначе им соответствовать даже в тех случаях, когда властные элиты проявляли недоверие.

Постепенный переход от восприятия европейских ценностей как этических установок к пониманию норм ЕС в качестве интересов способствовал отходу от демократизации стран-партнеров как обязательного условия сотрудничества. Тем не менее, ЕС по-прежнему ставит условием углубления партнерства демократические реформы и принятие европейской модели политического устройства. В этом отношении нормативная сила ЕС выступает как относительная категория, – недостижимая в абсолютном значении, неравномерно развивающаяся в разные периоды становления внешней политики ЕС как глобального актора и имеющая неоднородное влияние, зависящее от контекста применения.

Реализация Политики соседства ЕС и Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности сталкивается со сложностями, характерными для взаимоотношений стран-доноров развития и реципиентов. Они связаны с координацией, целеполаганием, результативностью, - во всех этих аспектах внешней политики ЕС в Армении, Грузии и Азербайджане ее цели размыты, а отслеживание результатов малоэффективно в отсутствие четких критериев оценки. Стремясь развить взаимоотношения во множестве сфер, ЕС часто ограничивается поверхностным взаимодействием: сотрудничеству также препятствует отсутствие в странах-партнерах функционирующих механизмов осуществления программ развития.

Помимо этого, продвижение сотрудничества с ЕС как одного из векторов развития южнокавказских государств затруднено вследствие общей внешнеполитической ситуации. В первую очередь, речь идет о проблеме вакуума безопасности, сложившейся на территориях непризнанных государств, когда часть вопросов региональной безопасности выпадает из контроля национальных правительств; а также о росте конфронтации между Россией и ЕС. Политика ЕС в регионе никаким образом на эти внешнеполитические риски не ответила, не предложив странам-партнерам

конкретные антикризисные инструменты, но настаивая на долгосрочном выстраивании институтов рыночной экономики и стабильной политической системы. Между тем, угрозы стабильности в регионе не относятся напрямую к сфере внутренней политики. Набор теорий и инструментов, применяемых ЕС, не позволил учесть и факторы, воздействующие на рост реваншистских настроений в рамках существующих конфликтов, а также рост внутривнутриполитической нестабильности в ходе процессов демократизации.

Усиление роли внешнеполитических интересов ЕС в формировании программных инструментов взаимодействия со странами-соседями вместе с тем привело к открытому признанию геополитической компоненты политики ЕС в странах Южного Кавказа. Появление понятия устойчивости в Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности переложило ответственность на страны-партнеры и обязало их быть готовыми адаптироваться к вызовам и угрозам, со многими из которых сам ЕС не справляется.

Редуцирование вопроса долгосрочной стабильности во внешней политике ЕС к внутреннему политическому устройству государств упрощает взгляд на вопросы безопасности в странах. Исследование также демонстрирует, что политическая элита стран может согласиться следовать в определенной степени ценностям демократического правления внутри страны, но это не приводит к разрешению внешнеполитических споров. Одной из серьезных угроз дестабилизации пространства соседства служит фактор кризиса российско-европейских отношений. Открыто признавая Россию в качестве вызова в регионе, ЕС провел разделительную линию между интеграционными проектами, способствовав фрагментации и усилению конфликтного потенциала. Таким образом, пространство для маневра для стран-соседей сократилось.

Позиция России в регионе основывается на нескольких ключевых принципах, входящих в противоречие и конкуренцию с восточным вектором внешней политики ЕС. Это, прежде всего, признание полицентричности

международных отношений, а также закрепление за Россией статуса лидирующей мировой державы. Идея о сочетании вектора евразийской интеграции и партнерства с ЕС в странах Южного Кавказа, в частности, в Армении, малореалистична. Общая политическая риторика России и ЕС по поводу государств региона носит все более конфронтационный характер. Полноценное сотрудничество ЕС и Евразийского экономического союза возможно лишь в случае консенсуса между Россией и ЕС по поводу дальнейшего политического развития исследуемых стран. Однако государства региона верны традиции многовекторности и успешно расширяют свою корзину внешнеполитических партнерств, развивая отношения с другими региональными акторами, включая Турцию и Китай.

Наиболее сильно нормативное влияние ЕС проявило себя в партнерстве с Грузией: страна взяла на себя обязательства максимального сближения политических, экономических, социальных институтов с принятыми в ЕС нормами и практиками. Важной оговоркой является неполная определенность долгосрочных перспектив сотрудничества и возможности членства в ЕС. Таким образом, в долгосрочной перспективе, учитывая общую тенденцию к многовекторности, политические элиты страны могут пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты, отдав предпочтение союзам с более значимыми внешнеполитическими выгодами, включая гарантии безопасности и возможное развитие торговых и инфраструктурных связей.

Расширенное партнерство ЕС и Армении вместе с тем дало возможность стране оставаться в сообществе стран, признаваемых ЕС в качестве стран-партнеров, разделяющих европейские ценности и нормы. Усиление нормативного влияния ЕС и расширение получаемых страной-партнером выгод в этом случае возможно тогда, когда политические элиты страны примут решение о выборе европейского вектора развития как основного, что на данный момент не происходит по причине высоких рисков внешнеполитической нестабильности.

С другой стороны, в прагматическом партнерстве Азербайджана и ЕС на первый взгляд страна-партнер игнорирует вопросы политических ценностей и норм, однако и в этом случае ЕС удастся точно воздействовать на конкретные вопросы внутривластной повестки: среди них, например, вопрос освобождения политических заключенных, реформа правосудия. Таким образом, нормативное влияние ЕС присутствует в минимальном своем проявлении и в этом формате сотрудничества, в особенности в вопросах демократических реформ, и в меньшей степени – в области региональной безопасности и программ сотрудничества, направленных на рост благосостояния граждан.

Сотрудничество ЕС и Армении, Грузии и Азербайджана в сфере демократических реформ в разные периоды времени фокусировалось на различных подходах ЕС к тому, каким образом демократия должна развиваться в третьих странах. Соответствующие концептуальные изменения фиксировались в заявлениях Европейской комиссии, отражая те или иные приоритеты. С 2006 г. одним из таких приоритетов служило распространение «надлежащего управления», обозначившего заимствование моделей и практик (принципов прозрачности, подотчетности государственных органов гражданам стран и др. – в ходе взаимодействия различных административных структур), но не непосредственную смену политических режимов. Несмотря на то что целью такого подхода не является реформа структуры власти, этот путь подготовил, прежде всего, правовую основу для возможного демократического транзита. Однако даже начальный этап развития отношений между ЕС и государствами Южного Кавказа продемонстрировал слабость административного аппарата в государствах-партнерах, их ограниченную способность адаптировать требования ЕС. Таким образом, многое было принято в законодательстве стран, но не на практике. Наиболее стабильным направлением сотрудничества ЕС со странами Южного Кавказа в сфере демократических реформ стала реформа системы правосудия. Одновременно с этим именно эта сфера оказалась легко

трансформируема под интересы власти, несмотря на видимость изменений в каждом из государств.

Наиболее сильна роль ЕС в качестве независимого голоса международного сообщества. Отчасти политические элиты стран прислушивались к заявлениям европейских политиков и так или иначе старались им соответствовать. Однако взаимодействие с Евросоюзом не привело к коренному изменению политических институтов.

С 2012 г. акцент в распространении демократических практик сместился на взаимодействие с гражданским обществом. Гражданское общество, состоящее из негосударственных и некоммерческих структур, при помощи которых люди самоорганизуются для достижения политических, культурных, социальных, экономических задач и идеалов, стало актором во взаимоотношениях ЕС и южнокавказских государств. Европейский союз поддерживал благоприятную среду для развития подобных организаций, а также ставил условием развития взаимоотношений значимое участие гражданского общества во внутренней политике стран-партнеров. Действительно, активность гражданского общества в исследуемых странах при поддержке ЕС возросла, тем не менее его влияние на политические решения осталось ограниченным, о чем свидетельствуют как отчеты Евросоюза, так и мнения, выраженные самими организациями.

С 2015 г. в задачи продвижения демократии во внешней политике ЕС была включена правозащитная повестка. Критерий соблюдения прав человека вошел во все внешнеполитические программы сотрудничества, в том числе касающиеся сферы торговли, миграции, борьбы с терроризмом. В отсутствие механизма применения каких-либо санкций, в случае несоблюдения требований о защите прав человека мотивировать страны в продвижении реформ должен был принцип «большее за большее»: больший набор политических и экономических бонусов за больший прогресс. Этот механизм показал свою ограниченную эффективность в особенности в случае Азербайджана. ЕС был вынужден балансировать между прагматичными

интересами сотрудничества и необходимостью сохранить образ нормативного актора. Навязывание нормативной повестки критически настроенному партнеру, с одной стороны, подвергает сомнению роль ЕС как нормативного актора, а с другой – позволяет партнеру выстраивать собственную позицию, основанную на критике происходящих в самом ЕС политических процессах.

Одна из целей Политики соседства ЕС – рост благосостояния граждан в странах-партнерах. Благосостояние означает не только повышение доходов, но и получение гражданами ощутимых выгод от сотрудничества, среди которых: улучшение бизнес-среды, получение какого-либо содействия предпринимательской активности, доступ к образовательным услугам, возможность беспрепятственного въезда в ЕС, гуманитарная помощь и восстановление территорий после военных действий и др. На практике ЕС поддерживает разноплановые инициативы сотрудничества в самых разных сферах, включая сельское хозяйство, развитие женского предпринимательства, поддержку наименее развитых регионов и т.д. Повестка содействия развитию была актуальна для стран региона после потрясений, связанных с распадом Советского Союза, когда государства нуждались в прямой помощи. Однако она важна и сейчас: в особенности для Армении и Грузии, которые не побороли проблемы бедности и безработицы и нуждаются во внешнем финансировании. В обеих странах происходит отток населения, каждая из них находится в поиске точек роста экономики. Взаимодействие с ЕС в основном дополняет уже существующие государственные программы либо направлено на точечное развитие отдельных домохозяйств или групп акторов. Хотя инициативы ЕС и не предполагают кардинальных смен экономической парадигмы, для Армении и Грузии это важный источник внешнего финансирования. В случае Грузии заметен отрыв страны от Армении и Азербайджана по показателям вложений ЕС в различные программы развития.

Помимо прямого содействия экономическому развитию, партнерство ЕС со странами основывается на предположении о прямой связи либерализации рынка и роста общего качества жизни граждан. В этом отношении ЕС, во-первых, встретил сопротивление внутри государств, как в случае требования демонаполизации энергетического сектора Азербайджана. Во-вторых, в среднесрочной перспективе гипотеза о том, что подписание странами соглашения с ЕС о сотрудничестве в торговой сфере приведет к интенсификации торговых связей, подтвердилась лишь частично. Государствам-партнерам тяжело конкурировать на европейском рынке, они не могут предложить высокотехнологическую продукцию, а облегчение торговых сделок в основном работает на рост импорта продукции из ЕС, не способствуя повышению конкурентоспособности армянских, азербайджанских и грузинских производителей. Пример Грузии, подписавшей Соглашение об ассоциации с ЕС, показал сложности, с которыми небольшие страны сталкиваются, входя в зону свободной торговли с ЕС. В первую очередь процесс имплементации соглашения потребовал значительного пересмотра применяемых практик во множестве сфер, что потребовало значительного вклада со стороны ЕС не в имплементацию соглашения, а в подготовку к его подписанию. Помимо этого, Грузия действительно получила доступ к европейскому рынку, но вместе с ним и зарегулированность экономической сферы, бюрократизацию всех технических и торговых процессов в условиях слабой осведомленности и конкурентоспособности локальных акторов. При этом одна из наиболее конкурентоспособных экспортных отраслей – сельское хозяйство – не получила никаких тарифных послаблений.

Продвижение в вопросе визовой либерализации натолкнулось на опасения стран – членов ЕС о возможном росте числа граждан стран региона, ищущих убежища в странах ЕС. Тем не менее как Грузия, так и Армения и Азербайджан демонстрировали согласие с предъявляемыми условиями и соблюдали их. Таким образом, ожидания стран-партнеров превысили набор

обещанных выгод, как только вопрос перешел с наднационального на уровень обсуждения странами – членами ЕС.

Сфера безопасности – наиболее уязвимый аспект осуществления нормативной силы ЕС в регионе Южного Кавказа. Вопреки практически отсутствующему внешнеполитическому инструментарию по обеспечению безопасности в регионе, ЕС использовал мирное решение конфликтов как одно из предусловий развития отношений со странами. Предполагалось, что выгоды от партнерства с ЕС будут препятствовать возникновению военных столкновений, а также мотивируют Армению, Грузию и Азербайджан и других региональных акторов к добрососедским отношениям. При этом в большинстве случаев ЕС лишь выполнял функцию независимого арбитра, выражая ту или иную позицию относительно внешнеполитической стратегии правительств государств и не подкрепляя декларативные заявления какими-либо действиями.

Политические элиты стран Южного Кавказа понимали решение конфликта прежде всего как определение статуса конфликтных территорий и восстановление суверенитета, но не воздержание от военного наступления. В условиях высокой милитаризации становление государственности в Армении, Грузии и Азербайджане напрямую связано с территориальными претензиями каждого из государств, что находит широкую поддержку масс, оправдывая военное вмешательство. Международные наблюдатели и ЕС, наоборот, видели решение в сохранении долгосрочной стабильности в рамках статус-кво. Трактовка европейскими политиками принципа государственного суверенитета и позиций сторон в региональных конфликтах не была однозначной и предполагала различные интерпретации. Сообщения, исходящие от европейских институтов и различных дипломатических лиц, противоречили друг другу.

В случае южнокавказских государств не сработал и расчет ЕС на то, что процессы, расцениваемые им как демократические, – смена власти, переход государств от президентской к парламентской республике – будут

способствовать стабильности в регионе. Пример Грузии и Армении показывает, что приход политического лидера, декларирующего демократические ценности, в условиях чрезвычайно хрупкой системы региональной безопасности, наоборот, может сопровождаться внешнеполитической дестабилизацией. В отсутствие функционирующих антикризисных механизмов и форматов диалога внутривластные процессы находятся в постоянной зависимости от внешней безопасности.

С одной стороны, возлагая на страны-партнеры ответственность по налаживанию добрососедских отношений, ЕС вместе с тем прочерчивал собственные разделительные линии в регионе, обозначая круг дружественных ему государств и исключая из него страны, не разделяющие обозначенные европейские ценности. Как результат, Южный Кавказ стал рассматриваться глобальными акторами, включая Россию и ЕС, как площадка столкновения интересов. Это существенно ослабило нормативное влияние ЕС, поставив под сомнение саму идею универсальности ценностей и способствуя фрагментации региона.

Влияние фактора нормативной силы ЕС, таким образом, неравномерно, всегда ограничено контекстом взаимоотношений с каждой из стран-партнеров. Признавая это, ЕС тем не менее продолжает продвигать ценности и нормы европейского политического устройства вне своих границ. Внешняя политика ЕС таким образом расширяет пакет возможных выгод, которые ЕС предлагает странам-соседям. Среди них как непосредственно прагматические интересы, так и обмен опытом в самых различных сферах государственного и общественного устройства. С одной стороны, в странах-партнерах существует запрос на эти знания, а с другой стороны, это позволяет ЕС сохранять свое присутствие на самых разных уровнях взаимодействия, не ограничиваясь дипломатическими связями с политической элитой государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты, отчеты и заявления высших органов государственной власти Российской Федерации

1. Годовой отчет за 2015 год // Министерство финансов Российской Федерации. – URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2016/05/main/Prilozhenie_1_TEKSTOVAYA_CHAST.pdf (дата обращения 10.04.2021).

2. Декларация о дружбе и стратегическом партнёрстве между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией // Официальные сетевые ресурсы Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/250> (дата обращения 10.04.2021).

3. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения // Собрание законодательства Российской Федерации, №51, 1998. С. 6274. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/8306454> (дата обращения 10.04.2021).

4. Договор о присоединении Республики Армения к договору о Евразийском экономическом союзе // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0007297/itia_11102014 (дата обращения 10.04.2021).

5. Концепция внешней политики РФ // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения 10.04.2021).

6. О подходе администрации США к ситуации в Грузии // Служба внешней разведки Российской Федерации. – 2021. – 9 марта. – URL: <http://svr.gov.ru/smi/2021/03/o-podkhode-administratsii-ssha-k-situatsii-v-gruzii.htm>.

7. Стратегия национальной безопасности Республика Армения // Министерство иностранных дел Республики Армения. – URL: <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

8. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации //Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1> (дата обращения 10.04.2021).

9. Указ Президента Российской Федерации от 20.04.2014 г. № 259. Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию // Официальные сетевые ресурсы Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334> (дата обращения 10.04.2021).

Учредительные договоры ЕС, договоры ЕС со странами, планы действий, отчеты об имплементации, заявления Европейской Комиссии

10. 10 years of Eastern Partnership from Georgian perspective // European Economic and Social Committee. – 2019. – 18 September. – URL: <https://www.eesc.europa.eu/en/documents/report/10-years-eastern-partneship-georgian-perspective> (дата обращения 10.04.2021).

11. 2020 Deliverables Put to Work // EAP CSF. – URL: <https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/2020-Deliverables-Put-to-Work-1.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

12. 20 Deliverables for 2020 Monitoring –State of Play in February 2020 // European Commission. – 2020. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/default/files/monitoring_spring_2020_20_deliverables_for_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

13. Action Document for Local Empowerment of Actors for Development (LEAD) // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/annexes/c_2019_8734_f1_annex_en_v3_p1_1054440.pdf (дата обращения 10.04.2021).

14. Action Document for Civil Society Facility (Georgia) // European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood->

enlargement/sites/near/files/eni_2015_c2015_7148_annual_action_programme_for_georgia_civil_society.pdf (дата обращения 10.04.2021).

15. Action Document for “Consolidation of the Justice System in Armenia” // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2017_040664_consolidation_of_the_justice_system.pdf (дата обращения 10.04.2021).

16. Agreement between the European Union and the Republic of Armenia on the facilitation of the issuance of visas // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22013A1031%2801%29> (дата обращения 10.04.2021).

17. Annual Action Programme 2017 in favour of the Republic of Armenia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2017_c20178195_annual_action_programme_for_armenia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

18. Annual Action Programme in favour of Georgia for 2018 // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2018_c20188064_annual_action_programme_for_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

19. Annual Action Programme 2007 in favour of Georgia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2007_c2007_5372_annual_action_programme_for_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

20. Annual Action Programme 2008 in favour of Georgia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2008_c2008_3516_annual_action_programme_for_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

21. Annual Action Programme 2008 in favour of Azerbaijan // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/c_2008_8238_f1_commission_decision_en_v2_p1_516313.pdf (дата обращения 10.04.2021).

22. Annual Report 2020 // EU4Business. – URL: <https://eu4business.eu/uploads/21/02/25/4c15bfa2ead5d631dfd4cd19016c9ce4.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

23. Armenia. Country Strategy Paper 2007-2013 // EDRC. – URL: https://www.edrc.am/images/Partnership_Strategies/EU/enpi_country_strategy_paper_%202007_2013_eng.pdf (дата обращения 10.04.2021).

24. Armenia. National Indicative Programme 2007-2010 // EDRC. – URL: https://www.edrc.am/images/Partnership_Strategies/EU/armenia_enpi_national_indicative_programme_2007-2010.pdf (дата обращения 10.04.2021).

25. Armenia. National Indicative Programme 2011-2013 // Deutsch – Armenische Gesellschaft. – URL: <http://www.deutscharmenischegesellschaft.de/wp-content/uploads/2010/04/EU-Kommission-NATIONAL-INDICATIVE-PROGRAMME-2011-2013-Armenia.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

26. Association agreement between the EU and Georgia. European Implementation Assessment// European Parliament. – 2020. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/642820/EPRS_STU\(2020\)642820_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/642820/EPRS_STU(2020)642820_EN.pdf) (дата обращения 10.04.2021).

27. Association agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part // Official Journal of the European Union. – 2014. – 13 August. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(02)) (дата обращения 10.04.2021).

28. Association Implementation Report on Georgia // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2021_association_implementation_report_in_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

29. Azerbaijan. National Indicative Programme 2007-2010 // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/national_ind_progr_azerbaijan.pdf (дата обращения 10.04.2021).

30. Commission services position paper on the Trade Sustainability Impact Assessment in support of negotiations of a Deep and Comprehensive Free Trade Area between the European Union and the Republic of Armenia // European Commission. – URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2014/july/tradoc_152653.pdf (дата обращения 10.04.2021).

31. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2008:0823:FIN:EN:PDF> (дата обращения 10.04.2021).

32. Communication from the Commission. European Neighbourhood Policy Strategy Paper // Commission of the European Communities. – 2004. – 5 December. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/2004_communication_from_the_commission_-_european_neighbourhood_policy_-_strategy_paper.pdf (дата обращения 10.04.2021).

33. Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // European Commission. – 2017. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52017JC0037> (дата обращения 30.01.2021).

34. Council Decision on the conclusion, on behalf of the European Union, of the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // European Commission. – 2017. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52017JC0037&from=EN> (дата обращения 10.04.2021).

35. Cooperation Implementation Report on Azerbaijan // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/azerbaijan_cooperation_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

36. Continuation of vocational education and training(VET)reform and development of an employment strategy // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2009_c2009_7634_annual_action_programme_for_armenia_vet.pdf (дата обращения 10.04.2021).

37. Council conclusions on the Review of the European Neighbourhood Policy // European Council. – 2015. – 20 April. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/04/20/council-conclusions-review-european-neighbourhood-policy/> (дата обращения 10.04.2021).

38. Deliverables for 2020: Bringing tangible results for citizens // EEAS. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/20_deliverables_for_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

39. DCFTA Implementation National Action for 2018–2020 // DCFTA. – URL: <http://www.dcfta.gov.ge/public/filemanager/implimentation/2018-2020%20DCFTA%20AP.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

40. Document on the European Identity. Published by the Nine Foreign Ministers, Copenhagen // Archive of European Integration. – 2019. – URL: <http://aei.pitt.edu/4545/> (дата обращения 10.04.2021).

41. Eastern Partnership policy beyond 2020. Reinforcing Resilience – an Eastern Partnership that delivers for all // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/1_en_act_part1_v6.pdf (дата обращения 10.04.2021).

42. Energy Reform Support Programme – Azerbaijan // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2007_c2007_6291_annual_action_programme_for_azerbaijan_energyreform.pdf.

43. European Security Strategy – A secure Europe in a better world // European Council. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents->

publications/publications/european-security-strategy-secure-europe-better-world/#
(дата обращения 10.04.2021).

44. Enpard South // EU Neighbours. – URL:
<https://www.euneighbours.eu/en/south/stay-informed/projects/enpard-south-european-neighbourhood-programme-agriculture-and-rural> (дата обращения 10.04.2021).

45. Economic rehabilitation and confidence building for Abkhazia / Western Georgia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2007_c2007_5372_annual_action_programme_for_georgia_economic_rehabilitation.pdf (дата обращения 10.04.2021).

46. EU Action Plan on Human Rights and Democracy // European Council. – 2015. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/publications/eu-action-plan-on-human-rights-democracy/> (дата обращения 10.04.2021).

47. EU-Armenia SME FUND // Entrepreneurial Development Bank. – URL: <https://www.fmo.nl/project-detail/57994> (дата обращения 10.04.2021).

48. European Neighbourhood Policy (ENP) – Fact Sheet // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_13_236 (дата обращения 10.04.2021).

49. EU-Azerbaijan Parliamentary Cooperation Committee Fifteen Meeting // European Parliament. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-ministerial-meetings/2018/02/09/> (дата обращения 10.04.2021).

50. Framework programme in support of EU-Azerbaijan agreements // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_7097_eu-azerbaijan_agreements.pdf (дата обращения 10.04.2021).

51. Framework Programme in support of EU-Georgia agreements // European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood->

enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_4966_annual_action_programme_for_georgia_eu-georgia_agreements.pdf (дата обращения 10.04.2021).

52. Gas from Azerbaijan: Commission welcomes final investment decision to extract gas pledged for Europe // European Commission. – 2013. – 17 December. – URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-1271_en.htm.

53. Governance in the European Consensus on Development. Towards a Harmonised Approach within the European Union // European Commission. – 2006. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/summary/EN/r13012> (дата обращения 10.04.2021).

54. Memorandum of understanding on a strategic partnership // European Parliament. – 2006. – URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/dsca/dv/dsca_20130321_14/dsca_20130321_14en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

55. Joint staff working document. Association implementation report on Georgia // European Commission. – 2020. – 6 February. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/1_en_document_travail_service_conjoint_part1_v4.pdf (дата обращения 10.04.2021).

56. Joint Consultation Paper. Towards a new European Neighbourhood Policy // European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/consultation/consultation.pdf> (дата обращения 20.04.2021).

57. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Review of the European Neighbourhood Policy // European Commission. – 2015. – URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (дата обращения 20.04.2021).

58. Joint Declaration of the Eastern Partnership summit // European Council. – 2015. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/21526/riga-declaration-220515-final.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

59. Joint Staff Working Document. Eastern Partnership-20 Deliverables for 2020. Focusing on key priorities and tangible results // European Commission. – 2017. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/swd_2017_300_f1_joint_staff_working_paper_en_v5_p1_940530.pdf (дата обращения 10.04.2021).

60. Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // Official Journal of the European Union. – 1999. – 9 September. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_partnership_and_cooperation_agreement_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

61. Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Georgia, of the other part // Official Journal of the European Union. – 1999. – 4 August. – URL: <https://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?step=0&redirect=true&treatyId=188> (дата обращения 10.04.2021).

62. Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Azerbaijan, of the other part // Official Journal of the European Union. – 1999. – 17 September. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:21999A0917\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:21999A0917(01)) (дата обращения 10.04.2021).

63. Partnership Implementation Report on Armenia // European Commission. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/armenia_partnership_implementation_report_2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

64. Programming of the European Neighbourhood Instrument (ENI) 2017–2020. Single Support Framework for EU support to Armenia // Official Web-site of the European Union. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/armenia_ssf_2017-2020_final.pdf (дата обращения 10.04.2021).

65. Protocol on the Establishment of Diplomatic Relations between the Republic of Turkey and the Republic of Armenia // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. – URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/zurih-protokolleri-en.pdf. (дата обращения 10.04.2021).

66. Recommendation No 1/2018 of the EU-Azerbaijan Cooperation Council of 28 September 2018 on the EU-Azerbaijan Partnership Priorities // Official Journal of the European Union. – 2018. – 24 October. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ%3AL%3A2018%3A265%3A0018%3A0022%3AEN%3APDF> (дата обращения 10.04.2021).

67. Report on the implementation of the EU Association Agreement with Georgia // European Parliament. – 2018. – 15 August – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0320_EN.pdf (дата обращения 10.04.2021).

68. Report on a European Parliament recommendation to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on the negotiations on the EU-Azerbaijan Comprehensive Agreement // European Parliament. – 2018. – 23 May. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2018-0185_EN.pdf (дата обращения 10.04.2021).

69. Report on a European Parliament recommendation to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission // European Parliament. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A8-2018-0185&language=EN> (дата обращения 10.04.2021).

70. Resolution by the Euronest Parliamentary Assembly on the future of the Trio Plus Strategy 2030: building a future of Eastern Partnership // Official Journal of the European Union. – 2020. – 24 April. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22020P0424\(05\)&rid=1](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22020P0424(05)&rid=1) (дата обращения 10.04.2021).

71. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European Union External

Action. – 2016. – URL:
https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения 10.04.2021).

72. Single Support Framework for EU support to Georgia (2017–2020) // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/ssf_georgia.pdf (дата обращения 10.04.2021).

73. Smart specialization // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/guides/smart_spec/strength_innov_regions_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

74. State of the Union Address 2017 // European Commission. – 2017. – 13 September. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_17_3165 (дата обращения 10.04.2021).

75. Support to the Criminal Justice Sector // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_4966_annual_action_programme_for_georgia_criminaljusticesector.pdf (дата обращения 10.04.2021).

76. Support to Justice Reform // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2008_c2008_3494_annual_action_programme_for_armenia_justicereform.pdf (дата обращения 10.04.2021).

77. Support to the Government of Armenia for the implementation of the ENP Action Plan and preparations for the future Association Agreement // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2010_c20109242_annual_action_programme_for_armenia_multisectorbudgetsupport.pdf (дата обращения 10.04.2021).

78. Support to Human Rights Protection in Armenia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2014_c2014_7807_final_annual_action_programme_for_armenia_humanrightsprotection.pdf (дата обращения 10.04.2021).

79. Support to Regional Development Reform in Georgia // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2010_c2010_3330_annual_action_programme_for_georgia_regionaldevelopmentreform.pdf (дата обращения 10.04.2021).

80. The European Neighbourhood Policy // European Parliament. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/170/the-european-neighbourhood-policy> (дата обращения 10.04.2021).

81. The Single European Act // EUR-Lex. Access to the European law. – 2018. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Axy0027> (дата обращения 10.04.2021).

82. The New European Consensus on Development “Our World, Our Dignity, Our future” // European Commission. – 2017. – URL: https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/european-consensus-on-development-final-20170626_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

83. The roots of democracy and sustainable development: Europe’s engagement with Civil Society in external relations // European Commission. – 2012. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52012DC0492> (дата обращения 10.04.2021).

84. Treaty of Maastricht on European Union // EUR-Lex. Access to the European Law. – 2018. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Axy0026> (дата обращения 10.04.2021).

85. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts // EUR-Lex. Access to the European Law. – 1997. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.C_.1997.340.01.0001.01.ENG&toc=OJ:C:1997:340:TOC (дата обращения 10.04.2021).

86. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon // EUR-Lex. Access to the European Law. – 2007. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal->

content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12007L%2FTXT (дата обращения 10.04.2021).

87. Twinning and Technical assistance Facility in support of the EU-Armenia European Neighbourhood Policy Action Plan // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2009_c2009_7634_annual_action_programme_for_armenia_twinningtechnicalassistance.pdf (дата обращения 10.04.2021).

Заявления, выступления, интервью

88. Владимир Чижов: итоги саммита «Восточного партнёрства» наши отношения с ЕС не укрепили // Информационное Агентство России ТАСС. – 2015. – 27 мая. – URL: <https://tass.ru/interviews/1998343> (дата обращения 10.02.2021).

89. «Восточное партнерство»: проблемы реализации и возможные последствия // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f243fdc22b87385.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

90. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Мюнхен, 17 февраля 2018 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2018. – 17 февраля. – URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/3081301 (дата обращения 10.04.2021).

91. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на 56-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности «Глобальный беспорядок: есть ли шансы для новой повестки дня?», Мюнхен, 15 февраля 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2020. – 15 февраля. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/

/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4043519 (дата обращения 10.04.2021).

92. Выступление Президента Сержа Саргсяна на встрече лидеров Восточного партнерства Европейской народной партии // Официальный сайт Президента Республики Армения. – URL: <http://www.president.am/ru/statementsand-messages/item/2015/05/21/Statement-of-President-Serzh-Sargsyan-EPP-Latvia/> (дата обращения 10.04.2021).

93. Выступление Президента Сержа Саргсяна на Мюнхенской конференции по безопасности // Официальный сайт Президента Республики Армения. – URL: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2018/02/17/President-Serzh-Sargsyans-speech-at-Munich-Security-Conferance/> (дата обращения 10.04.2021).

94. Заявление членов Комитета парламентского партнерства Армения-ЕС в связи с заявлением трех членов Европарламента // Парламент Республики Армения. – URL: http://www.parliament.am/news.php?do=view&cat_id=2&day=12&month=06&year=2020&NewsID=13083&lang=rus (дата обращения 10.04.2021).

95. Интервью заместителя Министра иностранных дел России А.В. Грушко информационному агентству «Интерфакс», 16 июля 2020 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2020. – 17 июля. – URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDJso/content/id/4238766 (дата обращения 20.04.2021).

96. Интервью премьер-министра Пашиняна агентству «France24» // Премьер-министр Республики Армения. – URL: <https://www.primeminister.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2020/10/04/Nikol-Pashinyan-interview-France24/> (дата обращения 10.04.2021).

97. Косачев К.И. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. – 2012. – URL:

<https://globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642> (дата обращения 10.04.2021).

98. Комментарий Даура Кове о новой мирной инициативе правительства Грузии «Шаг к лучшему будущему» // Министерство иностранных дел Республики Абхазия. – URL: http://mfaapsny.org/ru/allnews/news/statements_speeches/kommentariy-daura-kove-o-novoy-mirnoy-initsiative-pravitelstva-gruzii-shag-k-luchshemu-budushchemu/ (дата обращения 10.04.2021).

99. Пашинян назвал приоритеты внешней политики Армении // Deutsche Welle. – 2018. – 12 октября. – URL: <https://www.dw.com/ru/пашинян-назвал-приоритеты-внешней-политики-армении/a-46671030> (дата обращения 10.04.2021).

100. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. Ильхам Алиев провел пресс-конференцию для представителей местных и зарубежных СМИ. // Президент Республики Азербайджан – 2021. – 26 февраля. – URL: <https://ru.president.az/articles/50738> (дата обращения 10.04.2021).

101. Президент Грузии призвал Запад выступить единым фронтом против России // Коммерсантъ. – 2016. – 3 февраля. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2907303> (дата обращения 10.04.2021).

102. Речь Ильхама Алиева на VI съезде Партии «Ени Азербайджан» // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – URL: <http://ru.president.az/articles/26998> (дата обращения 10.04.2021).

103. Речь Президента РА Сержа Саргсяна на съезде ЕНП // Официальный сайт Президента Республики Армения. – URL: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2015/10/21/President-Serzh-Sargsyan-speech-at-EPPCongress/> (дата обращения 10.04.2021).

104. Речь Президента Сержа Саргсяна в Центре Карнеги // Официальный сайт Президента Республики Армения. – URL: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2017/02/28/President-Serzh-Sargsyan-remarks-at-the-Carnegie-Center/> (дата обращения 10.04.2021).

105. Armenian genocide centenary: MEPs urge Turkey and Armenia to normalize relations // European Parliament. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20150413IPR41671/armenian-genocide-centenary-meps-urgeturkey-and-armenia-to-normalize-relations> (дата обращения 10.04.2021).

106. EU Ambassador in Armenia: Visa Liberalization Does Not Mean Permission to Work in EU // Schengen Visa. – URL: <https://www.schengenvisainfo.com/news/eu-ambassador-in-armenia-visa-liberalization-does-not-mean-work-in-eu/> (дата обращения 10.04.2021).

107. European Parliament calls on Russia to end occupation of Georgian territories // European Parliament. – 2018. – 14 June. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20180607IPR05245/european-parliament-calls-on-russia-to-end-occupation-of-georgian-territories> (дата обращения 10.04.2021).

108. Josep Borrell. My visit to Moscow and the future of EU-Russia relations // European External Action Service. – 2021. – 7 February. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/92722/My%20visit%20to%20Moscow%20and%20the%20future%20of%20EU-Russia%20relations (дата обращения 20.04.2021).

109. MEPs urge Moldova, Georgia, Ukraine to pursue reform and Russia to leave // European Parliament. – 2016. – 21 January. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20160114IPR09906/meps-urge-moldova-georgia-ukraine-to-pursue-reform-and-russia-to-leave> (дата обращения 10.04.2021).

110. Mikheil Saakashvili: “Georgia is an ancient European nation” // European Parliament. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=IM-PRESS&reference=20061113IPR12538&language=SL> (дата обращения 10.04.2021).

111. Münchner Sicherheitskonferenz 2020, München// Security Conference. – URL: <https://securityconference.org/mediathek/asset/conversation-an-update-on-nagorno-karabakh-20200215-1830/>(дата обращения 10.04.2021).

112. The President of Georgia reporting to the Parliament at the Extraordinary Session. – 2020. – 9 April. – URL: http://parliament.ge/en/saparlamnto-saqmianoba/plenaruli-sxdomebi/plenaruli-sxdomebi_news/parlamentis-riggareshe-sxdomaze-qveynis-mdgomareobis-umnishvnelovanes-sakitxebze-saqartvelos-prezidenti-moxsenebit-wardga.page.htm (дата обращения 10.04.2021).

113. President Margvelashvili: We believe that Georgia deserves the EU and NATO membership // President of Georgia. – 2018. – 3 October. – URL: <https://president.gov.ge/en-US/pressamsakhuri/siakhleebi/chven-gvjera,-rom-vimsakhurebt-evrokavshirisa-da-n.aspx> (дата обращения 10.04.2021).

114. Statement by the Ministry of Foreign Affairs of Georgia // Ministry of Foreign Affairs of Georgia. – URL: [http://www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmetasaministros-ganckhadeba-\(1\).aspx?CatID=5&lang=en-US](http://www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmetasaministros-ganckhadeba-(1).aspx?CatID=5&lang=en-US) (дата обращения 10.04.2021).

115. Statement of the Ministry of Foreign Affairs of Georgia regarding the 9th anniversary of the August 2008 War // Ministry of Foreign Affairs of Georgia. – URL: <http://www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmeta-saministros-ganckhadeba-2008-clis.aspx?CatID=5> (дата обращения 10.04.2021).

116. Speech by President Donald Tusk at the Batumi International Conference // European Council. – 2019. – 11 July. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/07/11/speech-by-president-donald-tusk-at-the-batumi-international-conference/> (дата обращения 10.04.2021).

117. Speech delivered by Mikheil Saakashvili at John Hopkins University // Saakashvili Archive. – URL: <http://www.saakashviliarchive.info/en/PressOffice/News?p=2779&i=1> (дата обращения 10.04.2021).

Диссертационные исследования на русском языке

118. Арутюнян О.В. Отношения ЕС-Армения в контексте программы «Восточное партнерство» : дис. ... канд. пол. наук : 23.00.04 / Арутюнян Оксана Вагифовна ; науч. рук. Сергунин А.А. ; СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2018. – 287 с.

119. Стрелков А.А. Возможности и границы применения принципа политической обусловленности во внешней политике Европейского союза : дис. ... канд. пол. наук : 23.00.04 / Стрелков Александр Александрович ; науч. рук. Кавешников Н.Ю. ; ИЕ РАН. – Москва, 2009. – 290 с.

Монографии и сборники трудов на русском языке

120. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. – М.: Весь Мир, 2014. – 704 с.

121. Борко Ю.А. Восточное партнерство: проект, реальность, будущее / Ю. Борко. – М.: ИЕ РАН 2018. – 70 с.

122. Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. – М.: Весь Мир, 2015. – 592 с.

123. Крастев И. Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию / И. Крастев. – М.: Альпина Паблицер, 2020. – 354 с.

Статьи и главы в научных изданиях на русском языке

124. Айвазян А.С. Нормативная сила ЕС в Армении: факторы восприятия / А.С. Айвазян, И.В. Петрова // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – №4. – С. 91-102.

125. Айвазян А.С. Нарушение перемирия между Арменией и Азербайджаном / А.С. Айвазян // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2020. – №39. – 8 с.

126. Арбатова Н.К. Глобальная стратегия ЕС 2016. Аналитический доклад / Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 33 с.

127. Арбатова Н. К. Фактор СНГ в отношениях России и Запада: истоки конфликта / Н.К. Арбатова // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2018. – Т. 62. – №8 – С. 77-87.

128. Арутюнян О.В. Восточное партнерство ЕС: второе дыхание / О.В. Арутюнян, А.А. Сергунин // *Обозреватель – Observer.* – 2012. – №1. – С. 90-97.

129. Арутюнян О.В. Армяно-европейские отношения в контексте «Восточного партнерства» ЕС / А.А. Сергунин, О.В. Арутюнян // *Вестник СПбГУ.* – 2012. – Сер. 6. – Вып. 2. – С. 115-120;

130. Бабынина Л.О. Деевропеизация или демонтаж: как будут строиться отношения ЕС и Великобритании / Л.О. Бабынина // *Современная Европа.* – 2020. – №3. – С. 5-15.

131. Бабынина Л.О. Проблема привлекательности современной модели развития ЕС для «стран-евроскептиков» /Л.О. Бабынина // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика.* – 2013. – №3. – С. 49-68.

132. Бартенев В.И. Инструмент обеспечения стабильности в структуре механизмов внешней помощи ЕС / В.И. Бартенев // *Европейский союз в формирующемся миропорядке / отв. ред. Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова.* – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – С. 4-17.

133. Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности / С. Бископ // *Вестник международных организаций.* – 2009. – №2. – С. 105-120.

134. Болгова И. Работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? / И. В. Болгова, Н.Ю. Силаев // *Сравнительная политика.* – 2019. – №4. – С. 133-154.

135. Болгова И.В. «Восточное партнерство» после украинского кризиса: ценность стабильности или стабильные ценности? / И.В. Болгова // *Современная Европа.* – 2019. – №7(93). – С. 115-123.

136. Болгова И. Актуальный этап восточной политики ЕС / И. Болгова // Современная Европа. – 2017. – №7. – С. 56-65.
137. Буторина О. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции / О. Буторина // Современная Европа. – 2020. – №2. – С. 20-32.
138. Гегелашвили Н.А. Итоги Вильнюсского саммита: кавказское измерение / Н.А. Гегелашвили // Восточное партнерство до и после Вильнюса. Доклады Института Европы. – 2014. – №31. – С. 73-79.
139. Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор / Д.А. Данилов // Современная Европа. – 2017. – №1. – С. 10-21.
140. Вит М. «Мягкая сила» ЕС и Китая на Западных Балканах и пределы ее применения / М. Вит // Современная Европа. – 2019. – №7. – С. 148-157.
141. Громогласова Е.С. Концепция европеизации в зарубежной политологии / Е.С. Громогласова // Вестник МГУ. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – №4. – С. 27-43.
142. Громько А. Метаморфозы политического неолиберализма / А. Громько // Современная Европа. – 2020. – №2. – С. 6-19.
143. Гудалов Н. Н. Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов / Н.Н. Гудалов, Д.С. Тулупов // Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики). – 2018. – №88(1). – С. 135-147.
144. Кавешников Н.Ю. Четыре сценария европейской интеграции / Н.Ю. Кавешников. – Москва: Российский совет по международным делам: 2016. – 10 с.
145. Кавешников Н. Ю. Малые и вредные? / Н.Ю. Кавешников // Международные процессы. – 2008. - Т. 6. – №3(18). – С. 84-92.
146. Кавешников Н.Ю. Становление европейского внешнеполитического сотрудничества // Н.Ю. Кавешников, Ю.А. Матвеевский // Европейский союз: история, институты, политика. – М.: Аспект пресс, 2017. – С. 131-138.

147. КОРТУНОВ А.В. Международные отношения: рациональный мировой порядок?: рабочая тетр. № 34/20 / А.В. КОРТУНОВ, И.Н. Тимофеев, В.В. Сутырин, И.А. Иванов, А.П. Цветов. – М.: НП РСМД, 2016. – 40 с.
148. Кузнецова Е. Европейский союз: экспорт норм, ценностей, стандартов. / Е. Кузнецова // Европейский союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О.Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. – М.: Издательство «Весь мир», 2012. – С. 619-643.
149. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 123-134.
150. Маркедонов С.М. Постсоветское пространство: распад или сохранение? / С.М. Маркедонов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2017. – №8. – С. 9-16.
151. Маркедонов С. Целостность и самоопределение государств в мире проблемной суверенности / С. Маркедонов, И. Окунев // Quaestio Rossica. – 2020. – Vol. 8. – №4. – P. 1422-1436.
152. Минасян С. Армения держит баланс / С. Минасян // Понарс Евразия. Аналитическая записка. – 2015. – №377. – 5 с.
153. Морлино Л. Как оценивать демократию? Какие существуют варианты / Л. Морлино, Л.-Г. Карли // докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1-4 апр. 2014 г. / пер. с англ.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 35 с.
154. Неймарк М. Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза / М. Неймарк // Современная Европа. – 2018. – №1. – С. 26-35.
155. Новикова Г. Южный Кавказ между Россией и Западом: насколько прагматичны подходы заинтересованных сторон? / Г. Новикова // Connections. – 2015. – Т. XIV, №2. – С. 41-57.

156. Павлова Е.Б. «Постколониальный подход» во внешней политике Европейского союза (на примере отношений с Российской Федерацией) / Е.Б. Павлова, Т.А. Романова // Современная Европа. – 2018. – №6 – С. 82-92.

157. Павлова Е.Б. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС / Е.Б. Павлова, Т.А. Романова // Полис. Политические исследования. – 2017. – №1. – С. 162-176.

158. Романова Т. А. Евросоюз как нормативная сила и проблемы ее восприятия в России как барьер на пути политико-правового сближения / Т.А. Романова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия, культурология, политология, право, международные отношения. – 2011. – №1. – С. 52-66.

159. Романова Т. От гражданской и нормативной силы к стрессоустойчивости? Эволюция идейных основ внешней деятельности ЕС / Т. Романова, Е. Павлова // Международные процессы. – Том 16. – №2. – С. 73-90.

160. Рябов А.В. Постсоветское пространство: факторы и циклы развития / А.В. Рябов // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – №3. – С. 67-82.

161. Сергунин А.А. «Восточное партнерство»: вызов российской дипломатии в восточной Европе / А.А. Сергунин // Вестник ВГУ. – 2010. – №1. – С. 205-210.

162. Сихарулидзе А.Т. Грузия за пределами «радикальной европеизации»: нераскрытые направления внешней политики / А.Т. Сихарулидзе // Международная аналитика. – 2020. – №11(2) . – С. 91-108.

163. Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции / М.В. Стрежнева // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2009. – №1. – С. 28-45.

164. Стрежнева М.В. Европейский союз: архитектура внешней политики / М.В. Стрежнева, Д.Э. Руденкова. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 135 с.

165. Стрежнева М.В. Приверженность Евросоюза принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка / М.В.

Стрежнева // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – №2. – С. 3-30.

166. Скриба А. Балансирование малых и средних государств / А. Скриба // Международные процессы. – 2014. – Т. 12. – №4. – С. 88-100.

167. Стрелков А.А. Европейская политика соседства: непоследовательное движение к цели / А.А. Стрелков // Современная Европа. – 2009. – №3. – С. 119-126.

168. Стрелков А.А. Применение Европейским союзом политической обусловленности в рамках Европейской политики соседства / А.А. Стрелков // Известия АлтГУ. – 2008. – №4-5. – С. 277-281.

169. Сушенцов А. Инструменты политической стратегии России в Восточной Европе: экономическая взаимозависимость / А. Сушенцов, Д. Офицеров-Бельский // Современная Европа. – 2019. – №3. – С. 139-149.

170. Тимофеев И. Выборочное сотрудничество между ЕС и Россией / И. Тимофеев, З. Фишер. – М.: РСМД, 2018. – 11 с.

171. Хаиндрава И.Л. Асимметрия (к вопросу о грузинско-российских взаимоотношениях) / И.Л. Хаиндрава // Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития. – Российский совет по международным делам. – 2014. – С. 6-29.

172. Цыганков А.П. Кризис идеи «демократического мира» / А.П. Цыганков, П.А. Цыганков // Международные процессы. – 2005. – Т. 3. – №3. – С. 33-44.

173. Шайшмелашвили Г. Роль Евросоюза в трансформации грузино-абхазского конфликта / Г. Шайшмелашвили // Грузия-Россия: две перспективы по вопросам политики, безопасности и экономики. Сборник статей. – Caucasian House. – 2014. – С. 48-51.

174. Язькова А.А. ЕС и регион Южного Кавказа / А.А. Язькова // Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред. Ал.А. Громько, М.Г. Носова. – М.: Весь Мир, 2015. – С. 141-160.

Монографии и сборники трудов на иностранных языках

175. Carta. C. EU Foreign Policy through the Lens of Discourse Analysis. Making Sense of Diversity / C. Carta. J.-F. Morin (ed.). – Dorchester: Dorset Press, 2014. – 272 p.

176. Mahncke D. Europe's Near Abroad. Promises and Prospects of the EU's Neighbourhood Policy / D. Mahncke, S. Gstohl (eds.). – Brussels: Peter Lang, 2008. – 320 p.

177. Oskanian, K. Security, Society and the State in the Caucasus / D. Averre, K. Oskanian (eds.) – Routledge, 2019. – 202 p.

178. Simão L. The EU's Neighbourhood Policy towards the South Caucasus Expanding the European Security Community / L. Simão. – Palgrave Macmillan, 2018. – 256 p.

179. Telo N. The EU's Foreign Policy. What Kind of Power and Diplomatic Action? / N. Telo, F. Ponjaert (ed.). – Dorchester: Dorset Press, 2013. – 248 p.

180. Yemelianova G. Routledge Handbook of the Caucasus / G. Yemelianova, L. Broers. – Abingdon: Routledge, 2020. – 466 p.

Статьи и главы в научных изданиях на иностранных языках

181. Ademmer E. Beyond Geopolitics: Exploring the Impact of the EU and Russia in the "Contested Neighborhood" / E. Ademmer, L. Delcour, K. Wolczuk // Eurasian Geography and Economics. – 2016. – No 57:1. – P. 1-18.

182. Aliyev H. Civil Society in the South Caucasus: Kinship Networks as Obstacles to Civil Participation / H. Alyiev // Southeast European and Black Sea Studies. – 2014. – No 14:2. – P. 263-282.

183. Aliyev H. Informal Networks as Sources of Human (In)security in the South Caucasus / H. Aliyev // Global Change, Peace & Security. – 2015. – No 27:2. – P. 191-206.

184. Ayvazyan A. Perceptions of the EU's Power in the Eastern Partnership Region: The case of Armenia / I. Petrova, A. Ayvazyan // *European Foreign Affairs Review*. – 2018. – Vol. 23. – P. 61-78.

185. Ademmer E. The Challenge of Inclusive Economic Integration / E. Ademmer, Y. Lissovlik // *Getting Out from «In-Between». Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia*. – Rand Corporation, 2018. – P. 25-28.

186. Axelrod, R. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions / R. Axelrod, R.O., Keohane // *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate*. – New-York: Columbia University Press, 1993. – 85 p.

187. Axyonova V. The European Union as a Transformative Power, a Donor or a Security Provider?: The View from the Eastern Partnership Countries / V. Axyonova, S. Gerasymchuk, K. Kakachia, A. Rosca // *European Foreign Affairs Review*. 2018. – No 23. – Is. 1. – P. 23-40.

188. Babayan N. A Global Trend EU-style: Democracy Promotion in “Fragile” and Conflict-Affected South Caucasus / N. Babayan // *Global Policy*. – 2016. – Vol. 7, Is. 2. – P. 217-225.

189. Badalyan T. The Perceived Rationale, Variegated Institutional Intake and Impact of the EU’s Human Rights Policy in Armenia and Georgia / T. Badalyan, S. Vasilyan // *Journal of Contemporary European Studies*. – 2020. – No 28:4. – P. 514-529.

190. Blockmans S. 2015 ENP Review : A Policy in Suspended Animation / S. Blockmans // *CEPS Commentary*. – 2015. – 1 December. – 4 p.

191. Bolgova, I. Post-Soviet or Post-Colonial? The Relations between Russia and Georgia after 1991/ I. Bolgova, L. Spetschinsky // *European Review of International Studies*. – 2014. – No 1(3). – P. 110-122.

192. Börzel T. When Europe Hits Home: Europeanization and Domestic Change / T. Risse, T. Börzel // *European Integration Online Papers*. – 2000. – 29 November. – URL: <http://eiop.or.at/eiop/pdf/2000-015.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

193. Broers L. Introduction: the Unrecognized Politics of De Facto States in the Post-Soviet Space / A. Iskandaryan, S. Minasyam, L. Broers // *Caucasus Survey*. – 2015. – No 3:3. – P. 187-194.
194. Cadier D. The Geopoliticisation of the EU's Eastern Partnership / D. Cadier // *Geopolitics*. – 2019. – No 24:1 – P. 71-99.
195. Carothers T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // *Journal of Democracy*. – 2002. – No 1. - P. 5-21.
196. Cianciara A. K. Stability, Security, Democracy: Explaining Shifts in the Narrative of the European Neighbourhood Policy // *Journal of European Integration*. – 2016. – 39:1. – P. 49-62.
197. Chaban N. Images of the EU beyond its Borders: Issue-Specific and Regional Perceptions of European Union Power and Leadership / N. Chaban, O. Elgstroem, S. Kelly, L. Suet // *JCMS*. – 2013. – Vol. 51. – No 3. – P. 433-451.
198. Chaban N. A Perceptual Approach to EU Public Diplomacy: Investigating Collaborative Diplomacy in EU-Ukraine Relations / N. Chaban, O. Elgström // *The Hague Journal of Diplomacy*. – 2020. – No 15(4). – P. 488-516.
199. Cornell S. E. Autonomy as a Source of Conflict: Caucasian Conflicts in Theoretical Perspective / E. Svante, S. E. Cornell // *World Politics*. – 2002. – No 54 (2). – P. 245-276.
200. Danylov D. EU-Russia Relations in the Post-Soviet Space / D. Danylov // *The EU Global Strategy: Implications for Russia* // Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Egmont Royal Institute for International Affairs. – 2017. – P. 15-26.
201. Delcour L. The EU's Unexpected "Ideal Neighbour"? The Perplexing Case of Armenia's Europeanisation / L. Delcour, K. Wolczuk // *Journal of European Integration*. – 2015. – No 37(4). – P. 491-507.
202. Delcour L. Armenia's and Georgia's Contrasted Positioning vis-à-vis the EU: between Vocal Centrality and Strategic Marginality / L. Delcour // *Journal of Contemporary European Studies*. – 2019. – No 27:4. – P. 439-450.

203. Del Sarto A.R. Normative Empire Europe: The European Union, its Borderlands, and the “Arab Spring” / A.R. Del Sarto // *JCMS*. – 2016. – Vol. 54. – No 2. – P. 215-232.
204. Diez T. Normative Power as Hegemony / T.Diez // *Cooperation and Conflict*. – 2013. – Vol. 48. – No 2. – P. 194-210.
205. Diez T. Setting the Limits: Discourse and EU Foreign Policy / T. Diez // *Cooperation and Conflict*. – 2014. – Vol. 49. – No 3. – P. 319-333; Diez T. Normative Power as Hegemony / T. Diez // *Cooperation and Conflict*. – 2013. – Vol. 48. – No 2. – P. 194-210.
206. Diez T. Normative Power Europe and Conflict Transformation / T. Diez, M. Pace. // *Normative Power Europe. Palgrave Studies in European Union Politics*. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 210-225.
207. Duchêne F. Europe’s Role in World Peace / R. Mayne (ed.) // *Europe Tomorrow: Sixteen Europeans Look Ahead*. – London: Fontana, 1972. – P. 32-47.
208. Frear M. Report on Complementary and Alternative Modes of Engagement with the Eastern Partnership Countries / M.Frear, K. Maniokas, L. Jonavičiusand, I. Tabarta // *EU-STRAT Report series*. – 2018. – No 5. – 30 p.
209. Gallarotti M.G. The Changing Face of Power in International Relations, 1979–2019 / M.G. Gallarotti // *Journal of Political Power*. – 2021. – P. 1-26.
210. Gamkrelidze T. EU Integration: A View from Georgia: Interview with Ghia Nodia / T. Gamkrelidze // *EUCACIS in Brief*. – 2018. – No 4. – 6 p.
211. German T.C. Visibly Invisible: EU Engagement in Conflict Resolution in the South Caucasus / T.C. German // *European Security*. – 2007. – No 16:3-4. – P. 357-374.
212. Gómez del Valle Ruiz A. Slow Death of Western Democracy / A. Gómez del Valle Ruiz // *Journal of International Affairs*. – 2017. – Vol. 71, No 1. – P. 161-174.
213. Gulyiev F. Post-Soviet Azerbaijan: Transition to Sultanistic Semiauthoritarianism? / F. Gulyiev // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-soviet Democratization*. – 2005. – P. 393-435.

214. Gvalia G. Neoclassical Realism and Small States: Systemic Constraints and Domestic Filters in Georgia's Foreign Policy / G. Gvalia, B. Lebanidze, D.S. Siroky // *East European Politics*. – 2019. – 35:1. – P. 21-51.
215. Harman S. International Development in Transition // S. Harman, D. Williams // *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*. – 2014. – Vol. 90. – No 4. – P. 925-941.
216. Hyde-Price A. Normative Power Europe: a Realist Critique / A. Hyde-Price // *Journal of European Public Policy*. – 2006. – No 13:2. – P. 217-234.
217. Kakachia K. Defying Marginality: Explaining Ukraine's and Georgia's Drive towards Europe / K. Kakachia, B. Lebanidze, V. Dubovyk // *Journal of Contemporary European Studies*. – 2019. – No 27:4. – P. 451-462.
218. Kakachia K. Identity politics: Exploring Georgian foreign policy behavior / K. Kakachia, S. Minesashvili // *Journal of Eurasian Studies*. – 2015. – P. 1-10.
219. Kereselidze N. The Engagement Policies of the European Union, Georgia and Russia towards Abkhazia / N. Kereselidze // *Caucasus Survey*. – 2015. – No 3:3. – P. 309-322.
220. Kornilov A. Russia's Soft Power in the South Caucasus: Discourses, Communication, Hegemony / A. Kornilov, A. Makarychev // *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*. – Routledge, 2014. – P. 238-254.
221. Kostanyan H. EU-Armenian Relations: Charting a Fresh Course / H. Kostanyan, R. Giragosyan // *CEPS Research Report*. – 2017. – No 14. – 32 p.
222. Králiková M. Importing EU Norms: The Case of Anti-Corruption Reform in Ukraine / M. Králiková // *Journal of European Integration*. – 2021. – P. 1-16.
223. Larsen H. Normative Power Europe or Capability–Expectations Gap? The Performativity of Concepts in the Study of European Foreign Policy / H. Larsen // *JCMS*. – 2020. – Vol. 58. – No 4. – P. 962-977.
224. Lavenex S. Models of EU Democracy Promotion: From Leverage to Governance / S. Lavenex // In book: *Democracy Promotion by Functional Cooperation*. – 2015. – P. 10-24.

225. Levitsky S. Linkage versus Leverage. Rethinking the International Dimension of Regime Change / S. Levitsky, A. Lucan Way // Comparative Politics. – July 2006. – Vol. 38, No 4. – P. 379-400.

226. Levy J.S. The Democratic Peace Hypothesis: From Description to Explanation / J.S. Levy // Mershon International Studies Review. – 1994. – No 38. – P. 352-354.

227. Litra L. EU Membership Perspective for Georgia, Moldova and Ukraine: Impossible, Forgotten, or Hidden? / L. Litra, I. Chkhikvadze // Institute of World Policy. – 2016. – 20 p.

228. Mammadov F. A Small State's Worldview / F. Mammadov, F. Chiragov // Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development. – 2018. – No 11. – P. 170-177.

229. Manners I. Assessing the Decennial, Reassessing the Global: Understanding European Union Normative Power in Global Politics / I. Manners // Cooperation and Conflict. – 2013. – Vol. 48. – No 2. – P. 304-329.

230. Manners I. The Normative Ethics of the European Union / I. Manners // International Affairs (Royal Institute of International Affairs). – 2008. – Vol. 84. – No 1. – P. 45-60.

231. Manners I. Normative power Europe: A Contradiction in terms? / I. Manners // Journal of Common Market Studies. – 2002. – Vol. 40. – No 2. – P. 235-258.

232. March J.G. 1998, The institutional dynamics of international political orders / J.P. Olsen, J.G. March // International Organization. – No 52(4). – P. 943-969.

233. Markedonov S. De Facto Statehood in Eurasia: a Political and Security Phenomenon / S. Markedonov // Caucasus Survey. – 2015. – No 3:3. – P. 195-206.

234. Martinus K., Sigler T., Iacopini I., Derudder B. The Brokerage Role of Small States and Territories in Global Corporate Networks / K. Martinus, T. Sigler, I. Iacopini, B. Derudder // Growth and Change. 2021. – No 52. – P. 12-28.

235. Merabishvili G. The EU and Azerbaijan: Game on for a more Normative Policy? / G. Merabishvili // CEPS Policy Brief. – 2015. – No 329. – 9 p.

236. Nasirov E. The South Caucasus: A Playground Between NATO and Russia? // E. Nasirov, K. Iskandarov, S. Sadyiev // *Connections*. – 2017. – Vol. 16, No 3. – P. 47-56.
237. Nitoiu C. Introduction: The Rise of Geopolitics in the EU's Approach in Its Eastern Neighbourhood / C. Nitoiu, M. Sus // *Geopolitics*. – 2018. – November. – P. 1-19.
238. Nuryiev E. Russia, the EU and the South Caucasus: Forging an Efficient Over-Arching Cooperative Regional Security Scheme / E. Nuryiev // *Connections*. – 2015. – Vol. 14, No 2. – P. 51-64.
239. Nodia, G. Democracy's Inevitable Elites / G. Nodia // *Journal of Democracy*. – 2020. – No 1. – P. 75-87.
240. Nye J. S. Neorealism and Neoliberalism / J.S. Nye // *World Politics*. – 1988. – Vol. 40. – No 2. – P. 235-251.
241. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*/ J.S. Nye. – New-York: Public Affairs, 2004. – 191 p.
242. Oskanian K. Security and Democracy in the Caucasus / K.Oskanian, D. Averre // *CASCADE Exploring the Security – Democracy Nexus in the Caucasus. Work Package 2*. – March 2016.
243. Oskanian K. A Very Ambiguous Empire: Russia's Hybrid Exceptionalism / K. Oskanian // *Europe-Asia Studies*. – 2018. – No 70:1. – P. 26-52.
244. Pace M. The Construction of EU Normative Power/ M. Pace // *JCMS*. – 2007. – Vol. 45. – No 5. – P. 1041-1064.
245. Paris R. Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? / R. Paris // *International Security*. – 2001. – Vol. 26, No 2. – P. 87-102.
246. Paul A. The EU in the South Caucasus and the Impact of the Russia-Ukraine War / A. Paul // *The International Spectator*. – 2015. – No 50:3. – P. 30-42.
247. Potemkina O. European Union – Eurasian Economic Union: potential for cooperation / O. Potemkina // «The EU – Russia: the way out or the way down?» – Moscow, Institute of Europe – Egmont. Royal Institute for International Relations. – 2018. – P. 40-46.

248. Polese A. Introduction: Informality and Power in the South Caucasus / A. Polese, L. Rekhviashvili // *Caucasus Survey*. – 2017. – No 5:1. – P. 1-10.

249. Radaelli C. The Europeanization of Public Policies: Introduction / S. Saurugger, C. Radaelli // *Journal of Comparative Policy Analysis*. – 2008. – No 10:3. – P. 213-219.

250. Rieker P. The EU – A Capable Security Actor? Developing Administrative Capabilities / P. Rieker // *Journal of European Integration*. – 2009. – No 31:6. – P. 703-719.

251. Rinnert D. The Eastern Partnership in Georgia. Increasing Efficiency of EU Neighborhood Policies in the South Caucasus? / D. Rinnert // *Stiftung Wissenschaft und Politik. Working Paper*. – 2011. – No 1. – 25 p.

252. Rosamond B. The EU's Normative Power and Three Modes of Liberal Communicative Discourse / B. Rosamond // *EU Foreign Policy through the Lend of Discourse Analysis*. – Surrey, England: Ashgate, 2014. – P. 211-227.

253. Sarjveladze M. The South Caucasus in the Context of the EU-Russia Crisis / M. Sarjveladze // *Security Policy Working Paper*. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. – 2017. – No 28. – 4 p.

254. Schimmelfennig F. EU Democracy Promotion in the European Neighbourhood Political Conditionality, Economic Development and Transnational Exchange / H. Scholtz, F. Schimmelfennig // *European Union Politics*. – 2008. – Vol. 9 (2). – P. 187-215.

255. Schimmelfennig F. Europeanisation beyond the Member States / F. Schimmelfennig // *Journal for Comparative Government and European Policy*. – Vol. 8. – No 3. – 2010. – P. 319-339.

256. Sergunin A. The EU, Russia and Models of International Society in a Wider Europe / A. Sergunin, A. Makarychev // *Journal of Contemporary European Research*. – 2013. – No. 9 (2). - P. 313-329.

257. Sergunin A. The EU -Russia Common Space on External Security: Prospects for Cooperation / A. Sergunin. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University, 2011. – 162 p.

258. Souleimanov E.A. Unrecognized States as a Means of Coercive Diplomacy? Assessing the Role of Abkhazia and South Ossetia in Russia's foreign Policy in the South Caucasus / E.A. Souleimanov, E. Abrahamyan. H. Aliyev // Southeast European and Black Sea Studies. – 2018. – No 18:1. – P. 73-86.

259. Terzyan A. Bringing Armenia Closer to Europe? Challenges to the EU-Armenia Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement Implementation / A. Terzyan // Romanian Journal of European Affairs. – 2019. – Vol. 19. – No 1. – P. 97-110.

260. Tocci N. The European Union, Conflict Transformation and Civil Society: A Conceptual Framework. / N. Tocci // MICROCON Policy Working Paper 1. – Brighton: MICROCON, 2008 – 40 p.

261. Tocci N. Resilience and the Role of the European Union in the World / N. Tocci // Contemporary Security Policy. – 2020. – No 41:2. – P. 176-194.

262. Tocci N. The European Union as a Normative Foreign Policy Actor // Archive of European Integration. – 2008. – URL: <http://aei.pitt.edu/7582/1/Wd281.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

263. Twitchett K.J. External Relations or Foreign Relations / K.J. Twitchett (ed.) // Europe and the World: the External Relations of the Common Market. – London: Europa, 1976. – 210 p.

264. Valiyev A. The Ukrainian Crisis and Implications for Azerbaijan // Caucasus Analytical Digest. – 2014. – No 67-68. – P. 11-14.

265. Wagner W. & Rosanne Anholt Resilience as the EU Global Strategy's New Leitmotif: Pragmatic, Problematic or Promising? / W. Wagner, R. Anholt // Contemporary Security Policy. – 2016. – No 37:3. – P. 414-430.

266. Wessel A. R. Normative Transformations in EU External Relations: the Phenomenon of 'Soft' International Agreements / A.R. Wessel // West European Politics. – 2021. – No 44:1. – P. 72-92.

267. Wivel A. Living on the Edge: Georgian Foreign Policy between the West and the Rest / A. Wivel // Third World Thematics: A TWQ Journal. – 2016. – No 1:1. – P. 92-109.

268. Youngs R. Upholding Democracy in a Post-Western Order / R. Youngs // Carnegie Endowment for International Peace. – 2019. – 1 Feb. – 25 P.

269. Zielonka I. Europe as a Global Actor: Empire by Example? / I. Zielonka // International Affairs. – 2008. – Vol. 84, No 3. – P. 471-484.

Статистические данные

270. Экспорт и импорт товаров // Статистический комитет Республики Армения. – URL: https://www.armstat.am/file/article/sv_01_20r_411.pdf (дата обращения 10.04.2021).

271. 2019 Migration Profile of Georgia // State Commission on Migration Issues. – URL: https://migration.commission.ge/files/mp19_eng_web3.pdf (дата обращения 10.04.2021).

272. Coherence Report–Insights from the External Evaluation of the External Financing Instruments // ECDPM. – 2017. – URL: <https://ecdpm.org/wp-content/uploads/Coherence-Report-EFI-EC-July-2017.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

273. Countries and regions // European Commission. – 2021. – URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/> (дата обращения 10.04.2021).

274. European Union, Trade in goods with Georgia // Directorate-General for Trade. – URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_georgia_en.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

275. European Union, Trade in goods with Armenia // Directorate-General for Trade. – URL:

https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_armenia_en.pdf
(дата обращения 10.04.2021).

276. European Union, Trade in goods with Azerbaijan // Directorate-General for Trade. – URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_azerbaijan_en.pdf (дата обращения 10.04.2021).

277. External Trade of Georgia // GEOSTAT. – URL: https://www.geostat.ge/media/24973/External-Merchandise-Trade-2018_publication.pdf (дата обращения 10.04.2021).

278. External trade of Georgia. 2019 // National Statistics Office of Georgia. – URL: https://www.geostat.ge/media/32463/External-Merchandise-Trade-2019_publication-2020.pdf (дата обращения 10.04.2021).

279. Foreign trade of the Republic of Armenia 2010-2013 // Armstat. – 2014. – URL: https://www.armstat.am/file/article/ft_2nish_2014_3.pdf (дата обращения 10.04.2021).

280. Foreign Direct Investment in Georgia // GEOSTAT. – URL: <https://www.geostat.ge/media/31836/Foreign-Direct-Investments---Q1-2020-%28Preliminary%29.pdf> (дата обращения 10.04.2021).

281. Georgia // World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/country/georgia> (дата обращения 10.04.2021).

282. Global Militarisation Index 2019 // Bonn International Center for Conversion. – URL: https://www.bicc.de/uploads/tx_bicctools/BICC_GMI_2019_EN.pdf (дата обращения 10.04.2021).

283. SIPRI Fact Sheet. March 2020 // Stockholm International Peace Research Institute. – URL: https://sipri.org/sites/default/files/2020-03/fs_2003_at_2019.pdf (дата обращения 10.04.2021).

Периодическая печать и сообщения информационных агентств

284. Азербайджан вновь обвиняет Евросоюз в применении двойных стандартов // АрмИнфо. – URL: http://arminfo.info/full_news.php?id=24294 (дата обращения 10.04.2021).

285. Азербайджан может быть исключён из Совета Европы // ИА REGNUM. – 2017. – 26 сентября. – URL: <https://regnum.ru/news/2326901.html> (дата обращения 10.04.2021).

286. Баку предлагает ЕС подписать соглашение о партнерстве // РИА Новости. – 2013. – 25 ноября. – URL: <https://ria.ru/20131125/979541410.html> (дата обращения 10.04.2021).

287. Выступление трансгендера в парламенте Армении вызвало резонанс в соцсетях // Кавказский узел. – 2019. – 7 апреля. – URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/333976/> (дата обращения 10.04.2021).

288. «Газпром» возобновляет поставки газа в Азербайджан // Газпром. – 2017. – URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2017/november/article381879/> (дата обращения 10.04.2021).

289. Священнослужители проведут автомобильное шествие в Тбилиси на «День святости семьи» // Эхо Кавказа. 2020. – 16 мая. – URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30615939.html> (дата обращения 10.04.2021).

290. Девятков А. Ассоциация Lite: армянская версия «интеграции интеграций» // РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/assotsiatsiya-lite-armyanskaya-versiya-integratsii-integratsiy/> (дата обращения 10.04.2021).

291. Azerbaijan Preliminary Opinion on the Draft Modifications to the Constitution // Venice Commission. – URL: <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-RI%282016%29010-e> (дата обращения 10.04.2021).

292. Azerbaijani Supreme Court acquits human rights defenders to execute the European Court's judgments // Council of Europe. – URL: <https://www.coe.int/en/web/execution/-/azerbaijani-supreme-court-acquits-human->

rights-defenders-to-execute-the-european-court-s-judgments (дата обращения 10.04.2021).

293. Bulletin Quotidien Europe. No 11977 // Agence Europe. – URL: <https://agenceurope.eu/fr/bulletin/detail/11977> (дата обращения 10.04.2021).

294. Possible Progress on Visa Liberalization for Azerbaijan with the EU // Caspian Policy Center. – URL: <https://www.caspianpolicy.org/possible-progress-on-visa-liberalization-for-azerbaijan-with-the-eu/> (дата обращения 10.04.2021).